

НАРОДНАЯ УКРАИНСКАЯ АКАДЕМИЯ

И. В. Головнева

**ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ:
ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ**

Монография

Харьков
Издательство НУА
2006

УДК 316.6-055.1/2
ББК 88.373 + 60.542.2
Г 61

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Харьковского гуманитарного университета
«Народная украинская академия»
Протокол № 2 от 27.09.04*

Рецензенты: д-р психол. наук, проф. *Е. Ф. Иванова*
(ХНУ им. В. Н. Каразина);
д-р психол. наук, проф. *А. В. Тимченко* (ХНУВД);
д-р филос. наук, проф. *В. А. Лозовой*
(НЮАУ им. Ярослава Мудрого)

Головнева, Ирина Владимировна.

Г 61 Гендерная идентичность: тенденции изменений: Монография /
И. В. Головнева; Нар. укр. акад.– Х.: Изд-во НУА, 2006. – 312 с.
ISBN 966-8558-27-8

В монографии анализируются и обобщаются результаты теоретических и практических исследований гендерной идентичности. В работе реализован подход к изучению гендерной идентичности через анализ реальных особенностей личности, взглядов, установок современных женщин и мужчин. Выявлено, что женская идентичность изменяется в большей степени, чем мужская, при этом оба вида идентичности демонстрируют тенденцию к сближению.

Для научных работников, аспирантов, преподавателей.

У монографії аналізуються та узагальнюються результати теоретичних та практичних досліджень гендерної ідентичності. У роботі реалізовано підхід до вивчення гендерної ідентичності через аналіз реальних особливостей особистості, поглядів, настанов сучасних жінок та чоловіків. Виявлено, що жіноча ідентичність змінюється більшою мірою, ніж чоловіча, при цьому обидва види ідентичності демонструють тенденцію до зближення.

Для науковців, аспірантів, викладачів.

**УДК 316.6-055.1/2
ББК 88.373 + 60.542.2**

ISBN 966-8558-27-8

© Головнева И. В., 2006

© Народная украинская академия, 2006

ВВЕДЕНИЕ

Одной из актуальнейших проблем бытия современного человека, живущего в трансформирующемся мире, является конфликт между реалиями как внутренней, так и внешней социальной жизни человека и стереотипными установками. Эти стереотипы имеют зачастую тысячелетнюю историю, но, тем не менее, выступают в качестве мерила нормы в сознании миллионов людей.

Мы пережили (и продолжаем переживать) резкий переход от стабильного, а в нашей стране даже «застойного» существования, к такой социальной ситуации, в описании которой слово «постоянство» может быть применено только в качестве прилагательного к слову «изменение». Эта ситуация не является эксклюзивно украинской, она типична для всего постсоветского пространства, и отечественные психологи в полной мере могут отнести к себе те актуальные задачи трансформационного периода, которые, с точки зрения одного из ведущих российских психологов Г. М. Андреевой, нуждаются в серьезном психологическом анализе, а это, прежде всего:

- глобальная ломка устоявшихся социальных стереотипов;
- изменение системы ценностей;
- кризис идентичности [13, с. 363].

Все эти процессы требуют тщательного изучения не только на уровне социума, чем довольно успешно занимаются социологи, но и на уровне отдельной личности, ведь, как отмечает В. А. Лозовой «преобразования в экономике, социально-политической сфере и духовной жизни выдвигают на передний план человека, его сознание, мировоззрение, ответственность» [184, с. 3].

И в психологической науке произошел переворот от теорий, моделей личности, поведения, в которых роль социума в большей степени была декларативной, к динамическим теориям и моделям, максимально учитывающим изменения в обществе, особенности среды, условия деятельности и т. д.

Так, С. Д. Максименко, говоря о методологических проблемах общей психологии, указывает на особенности взаимодействия психики и социума: «...психическое отображение имеет активный характер, связанный с поиском и отбором адекватных условиям среды способов действий» [191, с. 2].

Этот тезис крайне актуален для современных условий, показывая неисчерпаемые возможности человека успешно адаптироваться к новым условиям жизни. А это очень важно, ведь человек в трансформирующемся мире на пересечении старого и нового зачастую испытывает растерянность, ощущение потери опоры, своей чужеродности этому новому времени (особенно это характерно для представителей среднего и старшего поколения). Устоявшиеся стереотипы, которые, как ответы в конце учебника, подсказывали стандартно правильное решение, стали не помогать в адаптации к новому миру, а мешать: «честным путем богатство не наживешь»; «женщина-начальник – и не женщина, и не начальник»; «если у человека есть достоинства, их заметят, а предлагать себя стыдно» и т. д.

Жестко иерархически выстроенная система ценностей, внедрявшаяся в сознание целого ряда поколений на всех этапах социализации, распалась, а новую наше общество дать не готово (да и возникает вопрос, насколько она нужна). А нет опоры в виде социальных стереотипов, общепринятой и одобряемой системы ценностей, возникают и проблемы в выстраивании идентичности. Значительные социальные катаклизмы могут привести к потере идентичности, и хотя обычно к таким катаклизмам относят войны и катастрофы, то, что пережило население нашей страны, не менее травматично для образа «Я» человека. Академик Т. И. Заславская, все, что произошло на территории СССР и ряда коммунистических стран Восточной Европы, назвала «тектоническим» социальным сдвигом», подчеркивая глобальный характер изменений [115, с. 3].

Практически каждый взрослый человек на постсоветском пространстве пережил глобальные изменения в своем мировоззрении, ценностях, статусе, материальном положении, «выпал» из своей профессиональной группы и т. д. Все эти изменения неминуемо влекли за собой переживание личностью кризиса идентичности.

Кризисные явления затронули и тот вид идентичности, который традиционно рассматривался как наиболее стабильный – гендерную идентичность. Происходящие изменения, необходимость их изучения и осмысления активизировали научный интерес психологов к идентичности в целом и к различным аспектам гендерной идентичности.

Проблемы как личной, так и социальной идентичности, ее кризисов привлекали и привлекают к себе внимание широкого круга исследователей-психологов, философов, социологов (Г. М. Андреева, Ш. Бернд, М. Борнева, Е. П. Белинская, Дж. Бьюдженталь, А. Уотерман, Т. Дево, Ж.-К. Дешам, М. Джемс, И. С. Кон, К. В. Коростелина, Дж. Марсиа, Дж. Мид, С. Московичи, Д. Орлов, В. Н. Павленко, Г. У. Солдатова, Т. Г. Стефаненко, Х. Тэджфел, Дж. Тэрнер, Б. Шефер, Б. Шледер, К. Хуррельман, Э. Эриксон, В. А. Ядов и др.).

Различные аспекты гендерной идентичности стали объектом анализа в работах, связанных с исследованиями в рамках психологии пола и позднее – гендерной психологии. Это, прежде всего, работы В. С. Агеева, Ю. Е. Алесиной, С. Бем, Т. В. Бендас, А. С. Волович, Т. В. Говорун, П. П. Горностая, Е. Ф. Ивановой, О. Иващенко, Е. П. Ильина, Д. Н. Исаева, В. Е. Кагана, О. М. Кикинежды, И. С. Клециной, Я. Л. Коломенского, И. С. Кона, А. С. Кочаряна, Н. В. Лавриненко, М. Мид, И. Милюски, О. В. Митиной, Л. В. Поповой, Т. А. Репиной, З. Фрейда, Б. Фридан, Т. Б. Хомуленко, К. Хорни, Д. Хофстеда, Л. А. Шевченко и др.

Если проанализировать многочисленные определения гендерной идентичности, можно выделить ряд общих моментов. И это, прежде всего, за редким исключением, единодушное отнесение ее к социальной идентичности. Второй момент, объединяющий представителей практически всех подходов к исследованию гендерной идентичности, – это то, что она базируется на осознании личностью себя связанной с определенными стандартами мужественности-женственности, которые имеют древние культурно-исторические корни.

Во всех индустриальных и постиндустриальных культурах мира происходят изменения, которые не могут не повлиять на гендерную

идентичность современных мужчин и женщин. Наиболее заметными из этих изменений являются:

1. Ломка традиционной системы гендерной сертификации, резкое ослабление поляризации женской и мужской социальных ролей.

Традиционное гендерное разделение труда потеряло жесткость и нормативность, большинство социальных ролей вообще не дифференцируются по половому признаку. Общая трудовая деятельность и совместное обучение в значительной степени нивелируют различия в нормах поведения и психологии женщин и мужчин.

2. Изменяются сами культурные стереотипы маскулинности и фемининности. Они становятся менее жесткими и полярными, более внутренне противоречивыми, что выдает их конструктивистское происхождение. Традиционные черты в них переплетаются с новыми, значительно полнее учитывается разнообразие индивидуальных ситуаций.

3. Серьезные трансформации происходят в семейно-брачных отношениях – центром становится не семейная группа, а индивид [304, с. 1–2].

В жизни взрослого человека стремление сохранить позитивную идентичность нередко приводит к осознанию необходимости ее смены, что и происходит, в частности, с гендерной идентичностью. Расширение возможностей самовыражения, выбора пути во всех сферах жизненного пространства не коррелирует с узкими рамками традиционных представлений о гендерных ролях.

А новая социально-экономическая реальность привела к тому, что образы многих современных мужчин и женщин приобрели черты во многом отличные от стандартного маскулинного и фемининного образа.

Г. А. Балл отметил, что современный человек живет в мире, «наполненном различными моделями поведения, ценностями, не отмеченными ярлычком «верно» или «неверно», и поэтому для него очень важна внутренняя свобода, при которой человек оказывается способен к диалектическому единству в овладении социокультурными нормами и критическому отношению к ним в формировании собственных личностных норм» [26, с. 3].

Но ярлычком «верно» в представлениях человека третьего тысячелетия до сих пор снабжены многие социальные стереотипы,

выступающие и в сознании отдельного индивида, и в общественном мнении как показатели нормы. А это, в свою очередь, приводит к тому, что сравнивая свою реальную жизнь и норму, свою индивидуально выстроенную, зачастую выстраданную иерархию ценностей, и эталонную, человек начинает испытывать трудности в выстраивании своей идентичности, в оценке достижений, в планировании стратегии своей дальнейшей жизни.

Наиболее очевидно и ярко это столкновение старого и нового, стереотипного и индивидуального, традиционного и инновационного проявилось в тех аспектах личности, поведения человека, которые долгое время воспринимались как предопределенные принадлежностью к женскому или мужскому полу. И цитируемое ранее высказывание Г. М. Андреевой о приоритетных задачах исследований психологической науки абсолютно точно соответствует проблематике гендерных исследований в психологии.

Кроме того, преодолев «бесполовый период» своей истории (по определению И. С. Кона), и, надеюсь, преодолев период моды, исследования сходства и различий в психологии мужчин и женщин начинают восприниматься как необходимая составная часть процесса познания личности и поведения человека эпохи трансформации и глобализации.

Трансформационные процессы, происходящие в мире, не могут не затрагивать сознание, личность отдельного человека. Роль среды в формировании, развитии личности человека, в детерминации его поведения становится все более «видимой», так как сейчас мы наблюдаем последствия того, что человек зачастую не успевает меняться вслед за идущими в столь быстром темпе революционными изменениями в социуме [101, 113, 114, 115, 174, 175].

Меняется традиционная система ценностей современных мужчин и женщин: работа и семья уже не выстраиваются так четко во взаимнообратные иерархии в их сознании. А кризис идентичности в целом во многом порожден проблемами в формировании гендерной идентичности в мире, где продолжение фразы «Современная(ный) женщина/мужчина – это...» дает широчайший спектр зачастую взаимопротиворечащих ответов.

Данная работа представляет собой попытку подойти к изучению гендерной идентичности со стороны тех реальных изменений,

которые происходят в личности, установках, взглядах современных украинских мужчин и женщин. Идентичность является наиболее чувствительным и «подвижным» компонентом психологической структуры личности, который четко реагирует на изменения, происходящие в социуме.

Анализ же состояния научной разработанности отечественными исследователями вопросов, связанных с глобальной ломкой устоявшихся социальных стереотипов, изменением системы ценностей и, в соответствии с этим, проблем в выстраивании собственной идентичности, показывает, что недостаточно исследованы особенности формирования гендерной идентичности взрослых в условиях конфликта между «старым» и «новым», между традиционными гендерными установками и реалиями жизни мужчин и женщин третьего тысячелетия.

Как отмечает Т. Титова, женские и мужские роли в современном украинском обществе можно охарактеризовать как неопределенные, деформированные, со смещенными функциями. «Средние» женщина и мужчина тяжело переживают невозможность обеспечить своим близким пристойное существование, остро реагируют на необходимость отказаться от обычного образа жизни и в корне личностно меняться в соответствии с требованиями современности [270].

Но поскольку социум, в свою очередь, также находится на этапе трансформации, что усугубляет степень изменчивости, на сегодняшний день правомерно говорить именно о тенденциях изменений гендерной идентичности.

Если же говорить о тенденциях изменения гендерной идентичности взрослых, то наиболее ярко они проявляются, а, с другой стороны, и формируются в двух основных сферах жизни – семейной и профессиональной.

Именно внутри этих приоритетных для людей юношеского, среднего и старшего возраста жизненных сфер мы и попытались:

- выявить особенности и направленность изменений гендерной идентичности современных мужчин и женщин;

- определить различия между традиционными стереотипами «мужественности» и «женственности» и реальными социально-психологическими характеристиками личности, присущими каждому полу;

– выявить тенденции изменений в представлениях мужчин и женщин о содержании традиционных гендерных ролей в семейной и профессиональной сфере;

– рассмотреть влияние половой дифференциации на возможность самореализации в профессиональной сфере;

– определить, с какими трудностями и проблемами в формировании гендерной идентичности и личностного развития в целом сталкиваются представители обоих полов.

В стабильных обществах под адаптационным поведением обычно понимается приспособление субъектов к социальной среде путем освоения и принятия свойственных ей норм, ценностей и форм социального действия. Но в условиях достаточно резких, во многом кардинальных перемен, когда нормы и ценности теряют стабильность, содержание этого понятия меняется. Основным смысл его перемещается в этом случае на поиск новых способов действий, соответствующих меняющимся условиям и правилам игры.

Поэтому происходящие изменения гендерных ролей, выстраивание новой гендерной идентичности под влиянием изменившихся социальных условий является показателем психологического здоровья личности, способности к конструктивному разрешению противоречий между реалиями дня сегодняшнего и устойчивыми, но потерявшими свою актуальность установками, столетиями закладывавшими в сознание представления о том, какими должны быть «настоящие» мужчина и женщина. Ведь, как отмечает, Т. М. Титаренко, «без личностных дисгармоний, возникающих на разных этапах жизненного пути с довольно выраженной определенностью, дальнейшее развитие жизненного мира было бы проблематично» [267, с. 68].

Происходящие сейчас изменения реального содержания «набора» мужских и женских черт, изменения гендерной идентичности описывают как кризис, и это, с одной стороны, верно. Но представляется необходимым сделать акцент на другом и рассматривать эти изменения с точки зрения закономерных личностных изменений, то есть как норму. Другое дело, что эти изменения и в обществе в целом, и в отдельно взятой семье, и у отдельной личности идут непросто и негладко. И здесь сошлемся еще раз на слова Т. М. Титаренко, в которых очень ярко отразилось позитивное отношение

к тому постоянному процессу изменений, который происходит с личностью сегодня: «Постоянная незавершенность – характерная черта личности, которая гармонично развивается» [267, с. 74].

Именно формирование и в общественном, и в индивидуальном сознании понимания того, что эти изменения должны быть, что они необходимы для адаптации человека в меняющемся мире, что это не патологический, а нормальный процесс – может в некоторой мере сгладит остроту проблем. Ведь изменение гендерной идентичности не затрагивает наш пол, а только меняет точку зрения на то, что этому полу действительно присуще, а что – только приписывается. Как очень точно отметил С. Д. Максименко, «существенным является единство: природа очеловечена, человек – оприроден» [189, с. 6]. И изменение целого ряда, в первую очередь, социально-психологических характеристик личности, их сближение не уведит современное человечество от разделения по полу, ведь, продолжая цитировать С. Д. Максименко, «... “внутри” личности биологические и социальные факторы не существуют как отдельные, каждый из них представляет собой инобытие другого» [189, с. 7].

А. Печчеи, создатель Римского клуба, сформулировал положение, которое стало ключевым для современных разработок в области глобальных мировых проблем: «Человек стоит перед дилеммой: либо он должен измениться как отдельная личность, как профессионал и как частица общества, либо ему суждено исчезнуть с лица Земли».

Такие изменения во взглядах, установках, во всей личности современных мужчин и женщин в новых социально-экономических условиях действительно необходимы, и они в Украине происходят, но, к сожалению, хаотично, без соответствующей научной базы, а как следствие этого – нецеленаправленно, медленно, порождая дополнительные проблемы, усугубляющие и так стрессогенный характер любых изменений. Поэтому надеемся, что выявленные тенденции изменений гендерной идентичности мужчин и женщин станут частью того крайне необходимого комплекса практически ориентированных образовательных программ, циклов, тренингов, консультаций, способствующих успешной самореализации современного человека как в профессиональной, так и в семейной сферах.

ГЛАВА 1

ГЕНДЕРНАЯ СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

1.1. Культуральные и философские основы гендерной стереотипизации

В истории развития человечества во всех существующих до сих пор человеческих сообществах были (и, скорее всего, будут) представлены различные виды деятельности, социальные роли и функции, определенные принадлежностью к женскому или мужскому полу.

Анатомо-физиологические различия между полами, проявляющиеся в поведенческих особенностях, реакциях, физических возможностях людей, стали основой возникновения соответствующих стереотипов в обыденном сознании и в рамках религиозных и философских систем. По словам Ксенофонта: «природу обоих полов с самого рождения... бог приспособил: природу женщин – для домашних трудов и забот, а природу мужчин – для внешних. Тело и душу мужчины он устроил так, что он более способен переносить холод и жар, путешествия и военные походы, поэтому он назначил ему труды вне дома. А тело женщины бог создал менее способным к этому, и поэтому назначил ей домашние заботы» [150, с. 87]. Отталкиваясь в своих умозаключениях от телесных различий, Ксенофонт затем формулирует и социальную установку, не затерявшуюся в веках и укоренившуюся в сознании многих современных мужчин и женщин, – «женщине приличнее сидеть дома, чем находиться вне его, а мужчине более стыдно сидеть дома, чем заботиться о внешних делах» [150, с. 87].

Доказательством жизнестойкости вышеуказанной установки в сознании современных украинцев служат данные опроса, полученные Украинским институтом социальных исследований в 2002 году в рамках реализации проекта «Формирование гендерного паритета

в контексте современных социально-экономических изменений» [70]. Так, в частности, на вопрос: «Что, на ваш взгляд, свидетельствует об успехе в жизни?» 84% опрошенных мужчин и 80% женщин ответили, что для женщины – это наличие собственной семьи. Для мужчин же главными критериями успеха стали: финансовая независимость (67% мужчин и 66% женщин) и высокие доходы (66% мужчин и 66% женщин) [70, с. 103]. Таким образом, опрос подтвердил наличие в сознании женщин и мужчин, живущих уже в третьем тысячелетии, достаточно прочной взаимосвязи между полом и ориентацией либо на дом, либо на внешний мир.

В концепции Платона был отражен уже несколько менее ортодоксальный взгляд на предназначение мужчин и женщин, он, создавая свою модель идеального государства, говорит о необходимости обеим полам осваивать одни и те же занятия и ремесла, и вместе участвовать в войне. Философ постулирует очень важное положение, в котором, наверное, впервые, акцентируется внимание на сходстве, а не на различиях мужчин и женщин: «Одинаковые природные качества встречаются у живых существ обоих полов, и по своей природе, как женщины, так и мужчины, могут принимать участие во всех делах» [226, с. 250]. К сожалению, эта позиция не была последовательно реализована: идиллия в идеальном государстве не состоялась – при равенстве обязанностей равенство полов не предусматривалось. Мужчина, по Платону, «во всем превосходит женщину» [226, с. 251]. Женщина даже в рамках идеального государства должна занимать подчиненное место, так как ее «природа» хуже мужской, она наделена многими недостатками, а как биологический вид более многочисленна (по сравнению с мужчинами, гибнущими в нескончаемых войнах древнего мира).

Аристотель в некоторых своих работах занимал, говоря современным языком, более гендерно-корректную позицию. В своем труде «Политика» он иногда выступает в защиту женщин, но это защита слабого, несовершенного создания, наделенного способностью мыслить в крайне слабой степени и поэтому нуждающегося в руководстве мужчины. С точки зрения Аристотеля, дихотомия «власть/мужчина» – «подчинение/женщина» – вполне естественна и закономерна. И эта установка оказалась на редкость жизнеспособной,

оказав несомненное влияние и на выбор профессионального пути, и на возможности самореализации миллионов женщин.

Христианство закрепило в общественном сознании образ женщины как слабого, зависимого (и при этом греховного существа). Сама символичность создания Евы из ребра Адама, ее «вторичность» была подкреплена и закреплена в библейских книгах, которые в течение столетий определяли не только религиозную, но и обыденную, повседневную жизнь людей. Так, в книге Бытия Бог обратился к женщине со словами: «...к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобой». В послании апостола Павла взаимоотношения женщин и мужчин определены совершенно однозначно: «Жены, повинуйтесь своим мужьям как господу, потому что муж есть глава жены, как Христос глава церкви, и он же спаситель тела. Но как церковь повинуете Христу, так и жены своим мужьям во всем» [57].

Коран так же, как и Библия, указывает на то, что «мужья стоят над женами... аллах дал одним преимущества над другими» [57].

Несомненно, что влияние религиозных постулатов на восприятие самого себя и представителей противоположного пола является очень мощным. Ш. Берн приводит результаты исследования, проведенного в США в 1990-х годах, и показавшего, что у искренне верующих людей (в отличие от тех, для кого религия в первую очередь представляла собой источник комфорта) более выражена приверженность к традиционным гендерным ролям, им присущи более традиционные ценности в отношении женщин [35, с. 44].

Философы эпох средневековья, Ренессанса, Реформации, при всех расхождениях в частностях и формах подачи своих идей, различия между полами в философском и психологическом смысле видели следующим образом: властный, руководящий мужчина, являющийся активным субъектом мироздания, и покорная, не имеющая самостоятельной ценности женщина, выступающая в роли приложения, дополнения мужа-хозяина. Правда, следует отметить, что начиная с эпохи Ренессанса образ женщины становится объектом эстетического наслаждения, идеализируется, обожествляется – но опять это создание не равно мужчине, оно другое по своей природе.

Эпоха капитализма не внесла кардинальных изменений во взгляды философов на дифференциацию полов. А. Шопенгауэр,

Ф. Ницше, О. Вейнингер – ярко выраженные женоненавистники и апологеты иерархичности полов. А. Шопенгауэр постулирует обреченность женщины на повиновение. Ф. Ницше, дополняя А. Шопенгауэра, утверждает, что в желании быть свободной, отучаясь бояться мужчины, женщина теряет свои самые «женственные инстинкты».

Квинтэссенцией антитезы полов является до сих пор активно переиздаваемый и цитируемый как философами, так и психологами, труд О. Вейнингера «Пол и характер» [60].

Отталкиваясь от взглядов Аристотеля, он соотносит мужчину с формой, творящим, активным началом бытия, а женщину – с пассивной материей, лишенной собственного внутреннего движения. Как считал О. Вейнингер, в «абсолютной женщине нет своего «Я», души, индивидуальности, она не является личностью». Кстати, проходивший более 1400 лет назад Маконский церковный собор, официально рассматривавший проблему наличия у женщины души, оказался более лояльным к женскому полу, чем О. Вейнингер. Собор христианской церкви большинством в один голос решает, что у женщины, существа хоть и низшего, все-таки имеется какое-то подобие души [57, с. 71].

Мужчина же, с точки зрения О. Вейнингера, представляет собой идеальный образ бога. Мужчина – это «нечто», а женщина – символ полного «ничто». Иерархичность полов подчеркивалась и разделением на существо духовное – мужчину и исключительно телесное существо – женщину. Для «телесного создания» существовало только два типа естественного воплощения – мать и проститутка. Противопоставление психологических характеристик женщин и мужчин осуществлено О. Вейнингером по широкому спектру позиций: память, мышление, эмоционально-волевые процессы, сознание и самоосознание, Я-концепция и т. д. По всем этим позициям женщина выступала как низменное, примитивное существо (по сравнению с мужчиной). Конечно, сегодня, в современных научных трудах мы не найдем последователей такой жесткой иерархичной дихотомии полов, как у О. Вейнингера. Но вот его установка трактовать успехи женщин в социальной сфере как результат наличия у них большой доли «мужского» не только достаточно глубоко закрепилось в сознании представителей обоих полов,

но и проходит «красной нитью» во многих исследованиях успешных женщин-лидеров, руководителей, предпринимателей, то есть тех, кто успешно реализовал себя в тех профессиональных сферах, которые ранее трактовались как сугубо мужские.

Противопоставление психологических качеств мужчин и женщин было свойственным и для философов Российской империи, таких как В. С. Соловьев, Н. Н. Бердяев, В. В. Розанов, С. Н. Булгаков и др. [248]. Правда, следует отметить, что это противопоставление не исключало наличие у женщины положительных качеств, достоинств, не присущих мужскому полу. Кроме того, для философов Российской империи конца XIX – начала XX века был свойствен налет некой мистичности в трактовке сущности женщины и тех функций, которые она выполняет в этом мире. Особенно ярко это проявилось у Н. Н. Бердяева – «вечная женственность», ее сила играла значимую роль в истории, в мировой культуре, ее роль таинственна, не всегда видима, но без влюбленности мужчины в вечную женственность, не было бы истории, культуры, творчества [34]. Но и тут женщина выступает как «вливающий фактор», а не как активный деятель.

Естественно, что и философские, и религиозные трактаты отражали сложившуюся в культурах многих народов дихотомию «женского» и «мужского».

А. Е. Чучин-Русов, анализируя гендерные аспекты культуры, разделяет все культурные явления на два типа: W («женские», «романтические», «правополушарные» и т. д.) и M («мужские», «классицистические», «левополушарные» и т. д.) [296, с. 141]. Причем автор отмечает, что, говоря о «женской» или «мужской» культуре, он не имеет в виду культуру женщин или культуру мужчин. Слова «женское» и «мужское» выполняют здесь чисто символическую функцию, они шире своих биологических значений [296, с. 141].

Какие же характеристики мировой культуры коррелируют с «женским» и «мужским» типом? Анализ античных представлений, дихотомий, предложенных В. Гумбольдтом для языкознания, Г. Вёльффиным для искусствоведения, П. Чаадаевым, В. Муравьевым, К. Юнгом, М. Бубером для культуры в целом, позволило выявить следующие универсальные характеристики «мужского» и «женского».

Таблица 1.1

Характеристики «мужского» и «женского» в мировой культуре [296]

Ж	М
Женское	Мужское
Темное	Светлое
Смутное	Ясное
Дионисийское	Аполлоническое
Низкое	Высокое
Сложносочиненное	Сложноподчиненное
Коллективное (анонимное)	Индивидуальное (сигнифицированное)
Свобода в несвободе	Свобода как (осознанная) необходимость
Подвижное	Устойчивое
Стихийное	Логически упорядоченное
Импрессионистически-индивидуальное (субъективное, тяготеющее к психологизму)	Монументальное, объективное
Континуальное	Дискретное
Несовершенное	Совершенное
Становящееся	Законченное
Безграничное	Ограниченное
Необъятное	Объемлемое
Бытование	Бытие
Живописная размытость	Графическая очерченность
Открытая форма	Замкнутая форма
Плюрализм, многобожие, многомирие, многовластие	Монизм, единобожие, единомирие, единовластие
Иррационализм	Рационализм
Экспрессионизм	Реализм (пластических форм)
Мистицизм	Позитивизм
Реальность иллюзорности	Иллюзорность реальности
Красота	Польза
Символическое	Конкретное

Опять мы видим, что «женское» в культуре соотносится с темным, стихийным, несовершенным началом, в отличие от ясного, логически упорядоченного, совершенного и законченного «мужского» мира. Особенности ментальности, описанные в этой таблице, имеют явно иерархический характер: практическое мышление как «женское» против теоретического «мужского».

Эти представления отразились в психологических теориях – наиболее ярко в теории К. Юнга [306]. Архетипы Анимы и Анимуса, символизирующие женское и мужское начала, у К. Юнга выступают как два противоположных, не существующих друг без друга начала, лежащие в глубинном архаическом пласте человека. Анимус и Анима олицетворяют противоположность «духовного» и «материального». Духовное, согласно Юнгу, преобладает у мужчины и проявляется в архетипических образах Пророка, Мудрого старца, Мага и т. д. Материальное же заключено в архаике женщины: оно обнаруживает себя в образе Великой Матери, Матери-Земли, Колдуньи и других. Исходя из понимания архетипа, эти представления о сути женского и мужского начал имеют инстинктивный, бессознательный характер и пронизывают всю жизнь человека.

Предпринятый нами краткий экскурс в философию и культурологию демонстрирует стоящее за понятиями «мужское» и «женское» многообразие значений (и противопоставлений!), имеющих давние исторические корни и, несомненно, пронизывающих сознание современных мужчин и женщин.

Поляризация полов, их иерархичность отвечала социальным запросам общества в течение многих сотен лет, порождая внутриличностные и социальные конфликты у немногочисленных женщин и мужчин, так как все: религиозные догмы и сказки, народные традиции и философские трактаты проводили единую общую линию, формируя традиционную соподчиненную схему отношений женщин и мужчин как единственно возможную и естественную.

Содержание полоролевых стереотипов во многом определяется влиянием культурного контекста, но целый ряд характеристик «типичного мужчины» и «типичной женщины» стандартен в различных культурах (см. табл. 1.2).

**Качества, ассоциирующиеся только с мужчинами или
с женщинами, минимум в 19 из 25 стран*
(количество стран указано в скобках)**

Качества, ассоциируемые с мужчинами	Качества, ассоциируемые с женщинами
Агрессивный (24) Активный (23)	Боязливая (23)
Амбициозный (22) Бесстрастный (20)	Добрая (19)
Властный (24) Громкий (21)	Жеманная (20)
Грубый (23) Дерзкий (24)	Женственная (24)
Доминирующий (25) Жестокий (21)	Зависимая (23)
Жестокосердный (21) Заносчивый (20)	Застывшая (19)
Изобретательный (22) Инициативный (21)	Кроткая (19)
Искусный (19) Крепкий (24)	Любопытная (21)
Ленивый (21) Логичный (22)	Мечтательная (24)
Мудрый (23) Мужественный (25)	Мягкая (21)
Напористый (20) Недобрый (19)	Мягкосердечная (23)
Независимый (25) Неорганизованный (21)	Нежная (24)
Неосторожный (20) Неотесанный (21)	Очаровательная (20)
Несносный (19) Неумолимый (24)	Покорная (25)
Неэмоциональный (23) Оппортунистиче- ский (20) Прогрессивный (20)	Привлекательная (23)
Рациональный (20) Реалистичный (20)	Приятная (19)
Самоуверенный (21) Серьезный (20)	Разговорчивая (20)
Сильный (25) Склонный к риску (25)	Сексуальная (22)
Суровый (23) Трезвомыслящий (21)	Сентиментальная (25)
Тупоголовый (21) Убедительный (25)	Слабая (23)
Уверенный (19) Хвастливый (19)	Спокойная (21)
Храбрый (23) Целеустремленный (21)	Суеверная (25)
Шутливый (19) Эгоцентричный (21)	Тревожная (19)
Энергичный (22)	Чувствительная (24)
	Эмоциональная (23)

* 25 стран включали Австралию, Англию, Боливию, Бразилию, Венесуэлу, Германию, Голландию, Израиль, Индию, Ирландию, Италию, Канаду, Малайзию, Нигерию, Новую Зеландию, Норвегию, Пакистан, Перу, США, Тринидад, Финляндию, Францию, Шотландию, ЮАР и Японию. *Источник:* J. E. Williams & D. L. Best, *Measuring Stereotypes: A Multination Study*. Copyright 1990 by Sage Publications, Inc.

Культура оказывает влияние на многие аспекты нашей жизни, в том числе и на формы поведения, связанные с половой принадлежностью. Как отмечает Д. Мацумото, «...новорожденный имеет биологический пол, но не имеет психологического. Гендер – это конструкт, который формируется у детей в процессе их социализации в соответствующей среде. По мере взросления ребенок узнает, какие специфические формы поведения и виды деятельности приемлемы, а какие – неприемлемы для лиц его пола и либо принимает, либо отвергает соответствующие гендерные роли» [196, с. 186].

Причем, как показали исследования Дж. Хофстеда, можно выявить модели маскулинных и феминных* национальных культур [330–333]. Согласно параметрической модели Дж. Хофстеда, национальная культура описывается четырьмя независимыми параметрами:

1. Дистанция власти – определяет степень равенства или неравенства между людьми.

2. Избегание неопределенности. Отражает гибкость – ригидность, или непредсказуемость будущего.

3. Индивидуализм/коллективизм – отражает связь индивида с группой, проблему связанности, «сцепленности» общества.

4. Маскулинность/феминность отражает соотношение в культуре твердости/мягкости, эгоориентированности/социальной ориентированности [330].

Маскулинные и феминные культуры различаются тем, как мужчины и женщины ведут себя и как они самореализуются в жизни. Для маскулинных культур ценностями являются ассертивность, амбициозность, соперничество, материальный успех, уважение больших и сильных людей. Соответственно от женщин требуется внимание к нематериальной стороне жизни, детям и слабым. Одни страны (например, США, Япония, Венесуэла и др.) – маскулинны, другие – феминны (Швеция, Норвегия, Голландия и др.).

Важным «разделителем» для феминных и маскулинных культур является универсальная тенденция ставить эго-цели (что интерпретируется как присущее мужчинам) либо социальные цели (воспринимаемые как «женские»).

* Сегодня в литературе используются два варианта написания понятия – «феминное» и «фемининное».

Для маскулинных культур характерна ориентация на работу («жизнь для работы»), а в феминных – на ценности семьи («работа ради жизни»). Эта альтернатива отражается в дихотомии «карьера – семья».

Дж. Хофстед приводит функцию связи между культурным уровнем маскулинности/феминности и индивидуальными индексами маскулинности мужчин и женщин. Как мы видим, гендерные различия больше в маскулинных, чем в феминных культурах (см. рис. 1.1).

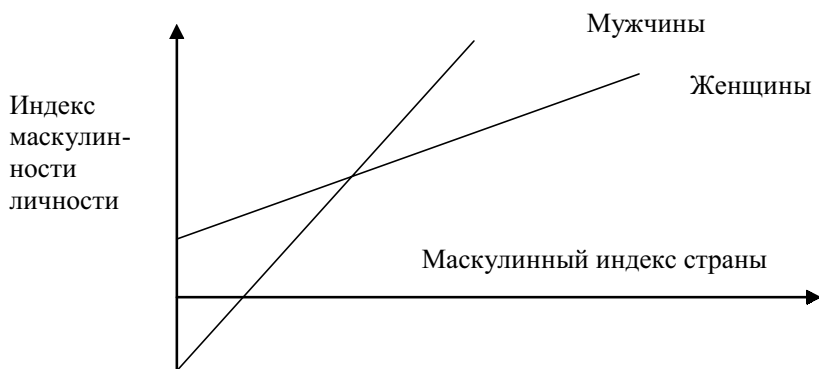

Рис. 1.1. Связи между культурным уровнем маскулинности/феминности и индивидуальными индексами маскулинности мужчин и женщин [332]

Уильямс Бест, проведя кросскультурное исследование гендерных стереотипов с помощью контрольного списка прилагательных (ACL), заметил очень и очень интересный факт: оказалось, что в феминных странах женщины в большей мере описывали себя феминными качествами, а мужчины – маскулинными. Эти данные были проинтерпретированы Дж. Хофстедом следующим образом: в феминных странах отсутствует социальная желательность маскулинности, а женщины так же хороши (или плохи), как и мужчины. Кроме того, авторы показали, что в маскулинных странах полоролевая Я-концепция женщин более сходна с мужской, чем в феминных странах, где женщины имеют значительно отличающиеся от мужчин

Я-концепции. В исследованиях Р. Бакхолдера и др. показано, что в феминных культурах гендерные роли имеют большее различие, чем в маскулинных [315]. В целом основные различия маскулинной и феминной культур, определяющих ценности «мужского» и «женского» общества, могут быть сведены к следующим (см. табл. 1.3).

Таблица 1.3

Различия маскулинных и феминных культур [330]

Феминная культура	Маскулинная культура
Нормы скромности	Норма – самоутверждение
Мягкость как ценность	Жесткость как ценность
Акцент на достоинствах личности	Акцент на силе социального статуса
Эго-покорность	Эго-реклама
В развитых странах много женщин-руководителей	В развитых странах – мало женщин-руководителей
В развитых странах много женщин в парламенте	В развитых странах мало женщин в парламенте
В развитых странах много женщин-министров	В развитых странах – мало женщин-министров
Семья предпочитается карьере	Карьера предпочитается семье
Национальные гендерные стереотипы сходны с универсальными	Национальные гендерные стереотипы специфичны
Большое различие Я-концепций мужчин и женщин – женщины описывают себя в других терминах, чем мужчины	Маленькое различие Я-концепций мужчин и женщин – женщины описывают себя такими же терминами, как и мужчины
Чувство ответственности, решительности и амбициозности присущи и женщинам	Чувство ответственности, решительности и амбициозности присущи только мужчинам
Женщины выбирают мужей и любимых по одним критериям	Женщины выбирают мужей и любимых по разным критериям
Секс и насилие в СМИ отсутствуют	Чувство ответственности, решительности и амбициозности присущи и женщинам
Решение конфликтов путем компромисса	Решение конфликтов путем соперничества

Продолжение табл. 1.3

Женская либерализация означает, что мужчины и женщины имеют равные обязанности дома и на работе	Женская либерализация означает, что женщинам позволяют занимать те социальные позиции, которые до сих пор были исключительно мужскими
Деловые установки на сексуальность	Моралистические установки на сексуальность
Слабое табу на открытое обсуждение сексуальных проблем	Сильное табу на открытое обсуждение сексуальных проблем
Принимается сожителство вне брака	Не принимается сожителство вне брака
Небольшое различие между сексом и любовью	Большое различие между сексом и любовью
Жена меньше зависит от мужа	Жена больше зависит от мужа
Активное участие женщины в половом акте	Пассивное участие женщины в половом акте
Мужчины наряду с женщинами делают хозяйственные покупки	Только женщины делают хозяйственные покупки
Аборт – решение женщины	Аборт – угроза для общества
Контрацепция и информация о ней – свободны	Контрацепция и информация о ней – ограничены
Мужчины могут быть нежными и мягкими	Мужчины не могут быть нежными и мягкими
Мастурбация связана с удовольствием	Мастурбация связана с виной
Терпимое отношение к инвертированной сексуальности	Нетерпимое отношение к инвертированной сексуальности
Секс – отношения между партнерами	Секс – эксплуатация партнера
Девочки не отмечают негативных чувств по отношению к инициации	Девочки испытывают негативные чувства по отношению к инициации
Более ранняя сексуальная жизнь и больше сексуальных партнеров у женщин	Более поздняя сексуальная жизнь и меньше сексуальных партнеров у женщин
Нежелательная близость – небольшая проблема для женщин	Сексуальные домогательства – большая проблема

Очевидно, что удовлетворенность жизнью женщин будет выше в феминной культуре, которая предоставляет им большие возможности для самореализации как в семейной, так и в профессиональной сферах.

В сфере производственных отношений параметр маскулинности, согласно Дж. Хофстеду, характеризует степень поощрения или поддержки со стороны данной культуры дифференциации между полами. Для культур с высоким показателем маскулинности (МА) характерна более высокая степень гендерной дифференциации, культуры же с низким показателем МА демонстрируют небольшие различия между полами. Различия в уровне МА проявляются во вполне конкретных различиях между организациями и в стилях деятельности и особенностях взаимоотношений между работниками [333].

Таблица 1.4

Сводная таблица коннотаций различий по параметру маскулинности (МА), выявленных в ходе исследования

Страны с низким показателем МА	Страны с высоким показателем МА
Для работников сравнительно более важны отношения с менеджером, сотрудничество, дружелюбная атмосфера, жизнь в том районе, который нравится, страхование от безработицы	Для работников сравнительно более важны заработная плата, признание, продвижение по службе и интересная работа
Менеджеры сравнительно меньше заинтересованы в лидерстве, независимости и самореализации	Менеджеры стремятся к идеалу лидерства, независимости и самореализации
Вера в групповые решения	Вера в независимые принятые решения
Студенты менее заинтересованы в получении признания	Студенты стремятся к признанию «восхищение сильными»
Более слабая мотивация к достижениям	Сильная мотивация к достижениям
Достижение формулируется в терминах человеческих контактов и жизненной среды	Достижение формулируется в терминах признания и благосостояния

Продолжение табл. 1.4

Работа не занимает центрального места в жизни	Работа занимает центральное место в жизни
Люди предпочитают короткий рабочий день более высокой заработной плате	Люди предпочитают более высокую заработную плату короткому рабочему дню
Вмешательство компаний в частную жизнь отвергается	Вмешательство компаний в частную жизнь приемлемо
Более значительная социальная роль приписывается иным институтам, нежели компаниям	Более значительная социальная роль приписывается именно компании
Работники предпочитают небольшие компаниям	Работники предпочитают крупные компании
Все население в целом предпочитает небольшие компании	Все население в целом предпочитает крупные компании
Более низкие стрессы по поводу работы	Высокие стрессы по поводу работы
Меньший скептицизм в отношении факторов, способствующих преуспеванию	Скептицизм в отношении факторов, способствующих преуспеванию
Студенты более благожелательны (симпатии по отношению к слабому)	Студенты менее благожелательны
Менеджеры более ориентированы на идеал служения	Менеджеров сравнительно мало привлекает идеал служения
«Теория X» (служащие не любят работать) энергично отвергается	«Теория X» (служащие не любят работать) получает некоторую поддержку
Больше женщин на рабочих местах со смешением полов	Меньше женщин на рабочих местах со смешением полов
Меньшее или незначительное различие между мужчинами и женщинами на одинаковых рабочих местах	Более существенное различие между мужчинами и женщинами на одинаковых рабочих местах
Равенство гендерных ролей в детских книгах	Значительная дифференциация гендерных ролей в детских книгах

Д. Мацумото приводит пример «видимого» показателя высокого уровня маскулинности культуры: обычно в странах маскулинного типа меньше женщин на квалифицированных и хорошо оплачиваемых работах, а те женщины, которые занимают требующие высокой квалификации места, обычно весьма агрессивны в своем поведении.

К сожалению, если ориентироваться на этот показатель, то Украина явно может быть отнесена к странам с высоким МА, где женщинам не очень комфортно.

Исследование культур по параметру традиционности либо эгалитарности гендерной ролевой концепции (то есть суждения о том, как женщины и мужчины должны выглядеть и вести себя) еще раз подтвердило влияние социокультурных факторов на содержание гендерных ролей.

Выяснилось, что для женщин характерны более эгалитарные взгляды, чем для мужчин. Однако различия во взглядах внутри отдельных стран были относительно небольшими по сравнению с различиями между странами, которые варьировались в значительных пределах. Более эгалитарные оценки были получены в странах, характеризующихся такими показателями, как относительно высокий уровень социальноэкономического развития, значительный процент христиан среди населения при небольшом количестве мусульман, значительная часть женщин, работающих вне дома, и учащихся в высших учебных заведениях, а также высокая степень индивидуализма. Последняя характеристика отнюдь не случайна, поскольку распространенность индивидуалистических тенденций формирует культуру, в которой женщинам представлены рабочие места и широкие возможности получения образования, что способствует размыванию традиционных гендерных ролей [196, с. 180].

Кроме того, несмотря на существенный прогресс в преодолении ограничений, накладываемых полом на возможности самореализации женщин (да и мужчин в нетипичных для них сферах), мы не уйдем от того, что гендерная асимметрия современной культуры основана на андроцентризме. Н. Дж. Смелзер отмечал, что сохранность гендерных стереотипов в виде андроцентризма объясняется желанием мужчин сохранить власть, лидирующее положение

в обществе [258, с. 39]. И именно гендерный подход к социальным и психологическим явлениям позволяет выявить:

1) андроцентризм всей современной культуры, то есть существование глобальной тенденции строить мир, рассчитанный на «мужчину», как центральную фигуру этого мира, с пониманием «женского» как второстепенного;

2) системы социополовых (гендерных) ролей, то есть модели поведения, которые ожидаются от индивида в соответствии с представлениями общества о «мужском» и «женском»;

3) патриархатный характер существующей культуры, ее ценностей и норм;

4) структуры, которые побуждают людей следовать предписываемым социополовым ролям;

5) гендерные стереотипы как стандартизированные представления о моделях поведения и чертах характера, соответствующих понятиям «мужское» и «женское» [225].

Культурная инерция в восприятии образов мужчины и женщины, их ролей в макро- и микромирах во многом обуславливает противоречивость и неоднозначность взаимных ожиданий современных мужчин и женщин, проблемы в выстраивании гендерной идентичности. Живя «здесь и теперь», женщины и мужчины не свободны от древних архетипов «мужского» и «женского» (пока они не выведены на уровень сознания и не проверены на собственном опыте). Но когда речь идет о тех стереотипах, которые могут быть отнесены к наиболее древним, стабильным и «стержневым» для любого человека, существующего в дихотомическом пространстве двух полов, требуются изменения и в личном, и в общественном сознании. Ломка же старого и трудности в усвоении нового опыта по глубине и распространности, как указывает А. Н. Лактионов, представляет собой одну из главных проблем современного человека, и психологически она затрагивает самые глубокие основания его развития [174, с. 374].

1.2. Проблема дифференциации полов в отечественной и зарубежной психологии

Во все времена и во всех культурах одним из самых распространенных способов классификации людей является деление на мужчин и женщин. Оно настолько основополагающе и видимо, что его важность не требует доказательств. Однако в последние десятилетия во всей системе наук, так или иначе связанных с изучением человека и общества, стали обращать больше внимания на разделение по полу и ставить вопросы о содержательных аспектах этого разделения.

В отечественной психологической науке долгое время психологии половых различий как бы и не существовало. Показателен тот факт, что, взяв любую из немногих работ «советского периода», связанных с полом, мы видим ссылки либо на врачей (и рассматривается или сексологический, или психиатрический аспект проблемы), либо на педагогов, причем в этом случае ссылки идут на труды, изданные в 1920–30-е годы. Практически до 80-х годов XX века то, что происходило в психологической науке, было очень точно определено И. С. Коном как период «бесполого сексизма» [154]. Собственно, бесполость нашей психологии объяснить достаточно легко. С одной стороны, определенная изолированность нашей науки в этом вопросе от мирового научного процесса: до начала перестройки в нашей стране не издавались работы многих ученых, в которых интерпретация поведения человека, тех или иных его психических проявлений была так или иначе связана с половыми различиями. С другой стороны, эти исследования были как бы и не нужны: объявив о равенстве мужчины и женщины, это равенство стали понимать как тождество. Чего только стоило бесполое обращение «товарищ», призыв к женщинам «сесть на трактор» и т. п. Совместное обучение, общая трудовая деятельность, резкое уменьшение исключительно мужских и исключительно женских профессий в известной мере нивелировали традиционные различия в нормах поведения и, в какой-то мере, в ряде психологических характеристик. Почти стопроцентная занятость женщин в общественном производстве забрала у мужчины статус единственного кормильца и главы семьи, что привело к ломке традиционной системы половых ролей и соответствующих им

культурных стереотипов. Стереотипы маскулинности и фемининности стали менее полярными и, как мы видим сегодня, эта некоторая неопределенность ролевых ожиданий вызывает у многих людей психологический дискомфорт и тревогу.

При рассмотрении вопросов половой дифференциации в историческом плане следует учитывать, что практически до XX века мужские и женские виды деятельности и личностные качества резко отличались и противопоставлялись, причем эти различия представлялись нерушимыми, так как обосновывались либо религиозными догматами, либо биологическим половым диморфизмом. Функции мужчины и женщины рассматривались иерархически, и женщине стандартно отводилась подчиненная, зависимая роль.

Присущие полам психологические комплексы качества кратко можно было бы описать следующим образом: сильный, энергичный, агрессивный мужчина и слабая, нежная, пассивная женщина. На том уровне развития общества, когда в общественном производстве были задействованы только мужчины и именно они обеспечивали экономический базис семьи, такие стереотипы поведения, вероятно, являлись оптимальными, так как женщина должна была казаться слабой, ищущей защиты и покровительства мужчины, который действовал в большом мире и позволял ей создавать свой маленький мир – семью. Как известно из исторических и литературных примеров, женщины с ярко выраженным волевым, активным характером сталкивались с большими трудностями во взаимоотношениях с противоположным полом и в формировании собственной семьи. Обществу не нужен был такой тип женщины, и общественное сознание не готово было его воспринимать, так как в течение очень длительного отрезка времени уделом женщины был только дом. Перелом во взглядах на взаимоотношения полов и содержание семейных ролей, начавшийся в конце XIX века под влиянием феминизма, происходил очень трудно. Очень показательны взгляды З. Фрейда [277, 278], оказавшего огромное влияние на развитие психологии, психиатрии, да и литературного процесса на Западе. В статье «Некоторые психологические последствия разделения полов» З. Фрейд писал: «Я не могу отделаться от убеждения..., что у женщин уровень этической нормы иной, чем у мужчин..., что

чувство справедливости проявляется у них в меньшей степени, что они менее подготовлены к большим требованиям, предъявляемым жизнью, что они чаще руководствуются в своих суждениях чувствами привязанности или враждебности... Мы не должны заставить нас рассматривать оба пола как абсолютно равноценные по своему положению и значению». Не менее интересно и другое его высказывание: «Анатомия – это судьба», и эту точку зрения в той или иной форме разделили многие ученые [277, 278].

С изменением социальной ситуации стали меняться и нормативные представления о поведенческих и психических свойствах, характерных для мужчины и для женщины. Пол стал рассматриваться не только как биологическое понятие, но и как социальное – то есть стал пониматься как комплекс соматических, репродуктивных, социокультурных и поведенческих характеристик, обеспечивающих индивиду личный, социальный и правовой статус мужчины и женщины.

В результате научных дискуссий было проведено четкое разграничение понятий «пол» и «гендер». Пол указывает на биологический статус человека, говоря о том, кем является данный человек – мужчиной или женщиной. Гендер, со своей стороны, указывает на социально-психологический статус человека с точки зрения маскулинности или фемининности. Поэтому культурные ожидания и стереотипы, относящиеся к маскулинному и фемининному поведению, называются гендерными (а не половыми) ролями. Такое разграничение понятий не является жестким правилом, поскольку допускается пересечение категорий – ведь многие половые различия возникают в результате сочетания социальных и биологических факторов. Тем не менее это разграничение позволяет нам рассматривать социальные и биологические факторы отдельно и независимо друг от друга, а не обязательно в тесном переплетении. Быть женщиной еще не значит автоматически обладать фемининными характеристиками, точно так же и принадлежность к мужскому полу не тождественна маскулинности.

И. С. Клецина в учебном пособии по гендерной социализации определяет *гендер* как социальные аспекты пола в отличие от биологических (*sex*), соответственно, пол понимается не как

однозначная биологическая данность, а как сложный многомерный социальный конструкт [138]. Ольга Иващенко в докладе на методологическом семинаре института социологии НАН Украины говорит о гендере как об одном из основных понятий современной западной социологии, означающем социальное ожидание от представителей каждого пола [124, с. 78–91]. Понятие «гендер», в отличие от понятия «пол», отражает не чисто биологические или физиологические качества, по которым отличаются мужчины и женщины, а социально сформированные черты, присущие «женственности» и «мужественности». Ш. Берн отмечает, что психологи предпочитают употреблять термин «гендер», подчеркивая тем самым, что многие различия между мужчинами и женщинами создаются культурой, тогда как слово «пол» подразумевает, что все различия являются прямым следствием биологического пола [35]. Н. И. Абубикирова, проводя лингвистический экскурс по значениям слова «гендер», приводит еще одно редко встречающееся его значение. Термин «гендер» понимается как представление отношений, показывающее принадлежность к классу, группе, категории (что соответствует одному из значений слова «род» в русском языке). То есть гендер конструирует отношения между одним объектом и другими, ранее уже обозначенными классом или группой, – это отношения принадлежности. Таким образом, гендер приписывает или закрепляет за каким-либо объектом или индивидом позицию внутри класса. Следовательно, можно сказать, что гендер – это, прежде всего, социальное отношение, не биологический пол, а представление каждой индивидуальности в терминах специфических социальных отношений [1, с. 124]. Перечень определений можно было бы продолжать, но при текстуальных различиях в формулировках содержательное различие между понятием пола (*sex*) и пола (*gender*) везде трактуется однотипно – как различие между биологическими категориями и социальными [1, 35, 69, 103, 111, 112, 121, 123, 131, 138, 234, 256, 273, 314, 315, 329].

В обыденном сознании прочно утвердилось мнение, что мужчины и женщины существенно отличаются друг от друга не только по физическим и физиологическим характеристикам, но и по психологическим свойствам, чертам личности и особенностям поведения.

Показательно, что в психологическом словаре в статье, посвященной понятиям маскулинности и фемининности, обращают внимание на то, что при изучении этих явлений, необходимо учитывать, чью точку зрения (мужскую или женскую) выражает данный конкретный автор [240]. И обыденное сознание, и труды многих ученых рассматривали маскулинные и фемининные черты как дихотомические, взаимоисключающие, а всякое отклонение от стереотипа воспринималось как патология или, по крайней мере, шаг к ней.

Ярким примером является традиционный психоанализ, в котором «больными» могли считаться женщины, полоролевая социализация которых была проблемной, то есть они не могли соответствовать традиционным ожиданиям общества – например, посвящали себя карьере, не выходили замуж и не хотели иметь детей. Но парадокс заключался в том, что и те женщины, которые слишком хорошо усвоили патриархальные нормы и стали подчиняемыми и беспомощными и не отстаивали свои права в отношениях с деспотичным партнером, также не признавались здоровыми и им присваивался ярлык «мазохисток». Таким образом, как отмечал П. Каплан, женщина признавалась проблемной и в том случае, когда она стремилась полностью соответствовать патриархальной социализации, и в том, когда она ей сопротивлялась [317].

По З. Фрейду, у мальчиков есть все основания презрительно относиться к своим матерям и впоследствии ко всему женскому – мальчики осознают неполноценность (кастрированность) женских гениталий. Н. Чодороу отмечает, что, по Фрейду, «это осознание не опосредуется с социальным опытом и не нуждается в объяснении» [294, с. 42].

Другими словами, «анатомическая неполноценность» женщины является природно обусловленной, а не выступает как факт социальной анатомии. При этом Н. Чодороу при анализе случая «Маленького Ганса» акцентирует внимание на том, что именно «отец Ганса создал и укрепил у своего сына... убеждение в неполноценности женских гениталий, отрицание женской роли в беременности и родах, точку зрения, что у мужчин что-то есть, а у женщин нет ничего, вместо того, чтобы внушить, что у женщин есть что-то другое» [294, с. 36].

К. Хорни считает, что «неполноценность женской генитальной анатомии» (зависть к пенису) в глазах мужчин носит защитный характер, то есть обусловлена глубокой «женобоязнью» последних – страхом и ужасом мужчин перед материнским могуществом [285, с. 37]. К. Хорни переворачивает традиционную ситуацию: на самом деле женщины обладают качествами всемогущества и власти, которые являются одними из главных последствий материнской заботы о беспомощном ребенке в раннем детстве. В раннем детстве мужчины слабы и беспомощны, полностью зависят от матери и в дальнейшем стараются отделиться от нее, борясь за свой властный социальный статус.

С точки зрения Фрейда и его последователей, субъектность женская производна от субъектности мужской. В противовес этому Люси Иригари предлагает переписать интеллектуальную традицию и «возвратить мужскому воображению его собственное безумие» [336].

Мысль Ф. Ницше о том, что женщина – это маскировка, притворство, двойственность, получает у Люси Иригари экзистенциальное обоснование. Если у женщины нет своих собственных качеств, если ее ценность – только предполагаемая, чужая, без возможности самоидентификации, то происходит это не потому, что у нее нет аутентичных качеств, ценности собственного места, а потому, что социальные репрезентации – не ее. Она, вынужденная говорить не своим голосом, не может стать и иной [17]. Женственность, по Л. Иригари, – неотделимая часть патриархального строя, женщина спрятана в мышлении своего отца. Говорить о женщине – значит исказить ее, значит уже говорить о ней с точки зрения другого.

Столкновение взглядов в рамках многих концепций, связанных с различными аспектами психологии мужчин и женщин, напоминает «партизанскую войну», используя определение П. Сорокина, которое он применил в теории половых группировок [262]. При этом сохраняется культурная половая дихотомия, представление о том, что, во-первых, существует только два пола, и, во-вторых, что в гендерном пространстве всего один пол является сильным и ценным, меняется только взгляд на то, какой именно пол занимает эту доминирующую позицию.

Дихотомия полов и их неравенство в ряде исследований объясняется биологической обусловленностью. Так, например, Р. Коллинз (1975) причину гендерного неравенства видит в том, что мужчины крупнее и сильнее женщин, и оказывают на них сексуальное давление, побеждая в гендерном конфликте [173].

В. А. Геодакян предложил концепцию, согласно которой дифференциация полов является результатом специализации живых организмов по двум главным аспектам эволюции: сохранение и изменение генетической информации [71, с. 9]. В. А. Геодакян указывает, что в эволюционном процессе любая инновация проходит две фазы: первая – фаза поиска и вторая – фаза закрепления. В первой фазе преимущество имеют мужчины, а во второй – женщины. Согласно концепции В. А. Геодакяна, женскому полу присуща филогенетическая ригидность и онтогенетическая пластичность, а мужскому – филогенетическая пластичность и онтогенетическая ригидность [72].

Женское начало направлено на сохранение того, что накоплено в ходе предшествующей эволюции. Мужской пол, напротив, чрезвычайно пластичен: через него происходят эволюционные изменения, которые накапливают и сохраняют как генетический код женские особи. Следует заметить, что в теории В. А. Геодакяна нет противопоставления мужского и женского начала, как «лучшего» и «худшего», они рассматриваются как взаимодополняющие и взаимодействующие элементы популяционно-биологической эволюции человека.

И. С. Кон в статье «Постоянство и изменчивость личности», написанной в 1977 году, отмечает: «Хотя лонгитюдных данных о развитии женщин значительно меньше, чем о мужчинах, складывается впечатление, что женщины обладают большим постоянством черт. Но объясняется ли это имманентно большей консервативностью женского начала (как следует из теории полового диморфизма В. А. Геодакяна) или тем, что у них нет такого резкого разрыва в нормативных предписаниях на разных этапах социализации, как у мужчин (от мальчика ждут послушания, а от мужчины – самостоятельности и решительности), или тем и другим вместе, – вопрос открытый» [156, с. 126–127].

«Социобиологический подход» к детерминации половых различий был популярной парадигмой в науке вплоть до 80–90-х годов XX века. Анатомо-физиологические различия между полами настолько очевидны, что обусловленность психологических различий, главным образом биологическими факторами, представлялась вполне возможной, как следствие этого – половая дифференциация выступает как универсальный биологический процесс, который культура только оформляет и осмысливает с теми или иными вариациями.

Следующий же период, который связан с активным внедрением в научный обиход понятия гендера, акцентировал внимание на социокультурной парадигме. Согласно социокультурной модели, половая дифференциация является результатом социализации и влияния культуры в направлении освоения конкретных социальных ролей. Социокультурные факторы создают необходимые условия для обучения индивидов традиционным женским и мужским ролям.

В целом историю развития проблематики половых различий в зарубежной и отечественной психологии кратко можно представить в виде ряда этапов. Например, И. Кон, ссылаясь на периодизацию К. Джеклин, выделяет четыре значимых для исследования этой проблематики этапа [154].

I. В 1910–20-х годах все немногочисленные исследования психологических особенностей мужчин и женщин подводились под рубрику *психология пола* (psychology of sex), причем пол зачастую отождествлялся с *сексуальностью*.

II. В 1930–60-е годы психологию пола сменила психология половых различий (sex differences), которые уже не сводились к сексуальности, но большей частью считались заданными природой.

III. В конце 1970-х годов, по мере того как круг исследуемых психологических явлений расширялся, а *биологический детерминизм* ослабевал, этот термин сменился более мягким – различия, связанные с полом (sex related differences).

IV. В 1980-х годах их стали называть *гендерными различиями* (gender differences), которые могут вообще не иметь биологической основы.

Похожие этапы в развитии направления, связанного с изучением психологических различий между мужчинами и женщинами, можно

выделить и в отечественной психологической науке (по И. С. Клециной) [140, 141, 143]:

I. До 1980-х годов в советской психологии проблемы половой дифференциации почти не изучались, а те крайне малочисленные работы, которые были опубликованы, относились к *психологии пола* и отождествлялись с вопросами сексуальных отношений (преимущественно супружеских);

II. В 1970–80-е годы стали появляться редкие работы, в которых ставились специальные задачи, связанные с изучением различий между полами. Это направление определялось как *психология половых различий*, а основные выявленные различия считались биологически детерминированными;

III. И лишь в 1990-е годы в отечественной психологии стали проводиться исследования, ориентированные на изучение *гендерных различий*, не обусловленных биологическим полом.

Таким образом, в истории изучения проблемы половой дифференциации выделяют два периода: *догендерный* и собственно *гендерный* [140].

Исследовательским итогом *догендерного* периода явился перечень тех половых различий, наличие которых было убедительно доказано и обосновано в эмпирических исследованиях (как мы увидим позже, их окажется не так много, как представлялось обыденному сознанию).

Следующий период в развитии психологии половых различий – *гендерный* – ознаменовался акцентированием внимания на социокультурной парадигме. Феминистски ориентированные психологи стремились доказать, что основными детерминантами в общем-то немногих научно обоснованных половых различий и половой дифференциации являются социокультурные факторы.

Гендерные и женские исследования в психологии убедительно продемонстрировали ведущую роль процесса социализации в формировании половых различий. Многие из существующих различий в чертах личности людей мужского и женского пола поддаются изменению в ходе обучения, при перемене жизненного уклада и социальных ожиданий. Особенно ярко эта точка зрения отразилась в сформировавшейся в западной науке в 70-е годы XX века «новой психологии пола».

Представители этого направления считают, что именно социальные ожидания общества играют основную роль в формировании психического пола и половой роли. В рамках этого подхода была сформулирована концепция психологической андрогинии Сандры Бэм, где произошел уход от бинарного разделения мира на мужской и женский [314]. Параметры «маскулинность» и «феминность» начинают рассматриваться как независимые. Эта независимость имела некоторые реальные обоснования. Действительно, стали появляться совершенно новые типы мужчин и женщин. Все больше появлялось мужчин мягких, эмоциональных, а женщин – деловых, напористых, агрессивных. Возник новый феномен, о котором постоянно говорили психологи и социологи, – маскулинизация женщин и феминизация мужчин. Ранее такие полоролевые типы рассматривались как патология, или, во всяком случае, нарушение нормальной (нормативной) полоролевой идентичности.

Предписанные жестокой дихотомичной моделью половые роли – обычно обозначаемые в терминах маскулинности и феминности – все больше вступают в противоречие с усилением процесса социализации. Сандра Бэм в качестве выхода предложила понятие «андрогиния» (*andro* – мужчина, *gyn* – женщина) для обозначения сочетания в индивидуальном психологическом профиле высоких показателей маскулинности и феминности. Андрогиния понимается как согласование тенденций маскулинности и феминности в одной и той же личности, что можно представить в виде аддитивной пары со множеством возможных индивидуальных вариаций [314]. В этом смысле андрогиния связана с избеганием фиксированного на половом факторе самоопределения личности и представляет собой особый тип психологического функционирования со многими позитивными последствиями.

В 1974 году С. Бэм предложила получивший широкое распространение тест маскулинности-феминности (М-Ф), где ярко выражен новый подход к пониманию «мужского» и «женского». Тест был построен на представлениях о М-Ф как о независимых характеристиках личности и разделял женщин и мужчин на четыре группы [222].

1. Маскулинный тип с высокими показателями маскулинности и низкими феминности. Представители этого типа обладают ярко

выраженными традиционно мужскими качествами, такими, как честолюбие, решительность, агрессивность и др.

2. Феминный тип – с высокими показателями феминности и низкими маскулинности. У людей данного типа на первый план выходят такие традиционно приписываемые женскому полу черты, как заботливость, мягкость, эмоциональность.

3. Андрогинный тип с высокими показателями как маскулинности, так и феминности. Андрогини сочетают в себе традиционно женские и традиционно мужские черты.

4. Недифференцированный тип с низкими показателями феминности и маскулинности. Люди этого типа не обладают ярко выраженными ни маскулинными, ни феминными чертами.

В психологии существуют три различных точки зрения на то, какое именно состояние маскулинности или феминности обеспечивает личности максимальный уровень психологического благополучия.

Первая, традиционная, точка зрения состоит в том, что наиболее благополучными будут те полоролевые ориентации, в которых наблюдается максимальное соответствие половой принадлежности, то есть маскулинные мужчины и феминные женщины. Представители второй точки зрения считают оптимальной андрогинию, то есть высокие степени проявления как маскулинности, так и феминности для обоих полов. А третья точка зрения заключается в том, что самый благоприятный фактор для обоих полов – высокая маскулинность. Экспериментальная проверка этих гипотез в 32 отдельных исследованиях показала, что наиболее благополучными (в смысле психологической адаптированности) являются индивиды обоего пола с высокой степенью маскулинности. Существенное, хотя несколько меньшее подтверждение, получила андрогинная модель, зато совсем не оправдалась теория соответствия [150].

Исследования андрогинии показали, что люди, обладающие высокими показателями М-Ф, легче адаптируются, более гибки, они могут быть то мягкими, заботливыми и добрыми, то независимыми и сильными, поэтому они лучше приспособляются к различным ситуациям и достигают успеха в различных сферах жизнедеятельности. То есть ограничения, накладываемые традиционными

представлениями о стандартах мужского и женского поведения, могут в определенной мере ограничивать возможности успешной адаптации к резко, подчас кардинально меняющимся условиям нашей жизни.

Так, низкомаскулинные женщины и высокофемининные мужчины отличаются беспомощностью, пассивностью, тревожностью, склонностью к депрессии. Высокомаскулинные женщины и мужчины характеризуются трудностями в установлении и поддержании межличностных контактов. Выявлен высокий процент сексуально-психологических дисгармоний и половых расстройств у молодых семейных пар, где партнеры придерживались традиционных моделей женского и мужского поведения. Вместе с тем обнаружена связь андрогинии с высоким самоуважением, способностью быть настойчивым, мотивацией к достижениям, эффективным исполнением родительской роли, внутренним ощущением благополучия. Андрогинная личность имеет богатый набор полоролевого поведения и гибко использует его в зависимости от динамично изменяющихся социальных ситуаций [31, 32, 35, 67, 85, 124, 138, 183, 209, 230, 291, 314 и др.].

Согласно С. Бэм, душевное здоровье не должно иметь пола, а андрогиния положительно влияет на психологическое состояние человека. В монографии Ш. Берн «Гендерная психология» [35] приводится ряд интересных фактов, подтверждающих, что современному человеку желательно обладать примерно равным количеством мужских и женских черт. Так, в частности, был обнаружен тот факт, что в семьях, где оба супруга были андрогинными, выявлялся более высокий уровень удовлетворенности браком, нежели в семьях, где один партнер или оба были полотицизированными.

В целом, можно отметить, что долгое время в нашей стране проблема психологических различий между мужчинами и женщинами чаще была предметом анализа в художественной литературе, чем объектом исследования в научных трудах. Половые различия рассматривались либо с анатомо-физиологической точки зрения, либо с художественной. А ведь наличие существенных психологических различий между мужчиной и женщиной ни у кого не вызывает сомнений – даже на уровне бытовых представлений. К сожалению,

эти же бытовые представления настолько укоренились в сознании людей, что нередко искажают истинную картину изучаемого явления из-за неосознанных установок самих исследователей. Кроме этого, если половые различия на уровне физиологии остаются неизменными, то в психологическом плане эти различия являются динамической характеристикой, и изменения в социальной среде ведут к изменениям как в степени их выраженности, так и в содержании. Для психологии быстро идущие изменения в личности современных мужчин и женщин стали толчком для проведения широкого спектра исследований, затрагивающих вопросы гендерной социализации, формирования гендерной идентичности, нового наполнения социальных ролей (как семейных, так и профессиональных), гендерных характеристик личности людей, относящихся к различным возрастным, профессиональным, социальным группам [25, 58, 59, 67, 70, 74, 75, 76, 77, 107, 121, 122, 123, 137, 144, 145, 147, 164, 165, 167, 173, 176, 177, 183, 199, 209, 228, 298].

1.3. Психологические проблемы формирования и изменений гендерной идентичности

1.3.1. Развитие представлений о социальной и личностной идентичности в психологической науке

Становление и развитие личности юношей и девушек, мужчин и женщин в обществе, характеризующемся высоким уровнем динамичности происходящих в нем изменений, подталкивает к поиску ответов на вопросы: «Кто я? Что значит быть мужчиной/женщиной в этом мире и насколько я соответствую этому образу?»

Именно идентичность является наиболее чувствительным компонентом психики, чутко реагирующим на изменения в социуме. И гендерная идентичность, которая концентрирует в себе и гендерно обусловленные роли, и стереотипы, и особенности самопрезентации и реализации себя в социуме, также отражает новую реальность и не может не меняться под ее воздействием. «Гендерная идентич-

ность» является частью более широкого понятия «идентичность», поэтому необходимо ознакомиться с ключевыми теориями, описывающими и интерпретирующими два основных вида идентичности: социальную и личностную.

В системе современных наук о человеке понятие идентичности занимает особое место, так как оно практически одинаково активно используется психологами, социологами, философами, антропологами и культурологами. Стоящее за этим понятием явление вызывает особый интерес в связи с глобальными трансформационными процессами, идущими в социуме и, соответственно, в сознании отдельного человека. Долгое время проблемы выстраивания идентичности не были в фокусе зрения науки (особенно отечественной), так как в традиционных обществах социальные роли были четко обозначены, а поведение и даже мышление людей было регламентировано.

Наступление эпохи постмодерна актуализировало проблему идентичности (не только как научную, но и как практическую) из-за «мозаичности», фрагментарности развития личности.

Х. Апенд пишет, «... что утрачено, так это непрерывность прошлого. То, с чем мы оставлены, – все же прошлое, но прошлое уже фрагментированное... нить традиций оборвана, и... мы не в состоянии восстановить ее» [313, с. 212].

Возникает то, что исследователи трансформирующегося общества называют феноменом «утраты биографии», когда практически каждый взрослый человек на постсоветском пространстве пережил глобальные изменения в своем мировоззрении, ценностях, статусе, материальном положении, «выпал» из своей профессиональной группы и т. д. Все эти изменения неминуемо влекли за собой кризис идентичности. Поэтому сейчас мы можем отметить, что различные виды идентичности, процессы, происходящие с ней, привлекают активное внимание исследователей [16, 24, 30, 37, 48, 52, 53, 76, 104, 119, 130, 137, 153, 187, 193, 205, 209, 219, 220, 221, 265, 266, 283, 298, 309, 319, 323, 324, 335, 341, 345]. Несмотря на различия в трактовках этого понятия, как в рамках различных наук, так и у отдельных авторов, идентичность выступает как элемент, конституирующий сознание человека.

Т. В. Тарасова, анализируя рассмотрение проблемы идентичности в современной западной психологии, отмечает, что, несмотря на наличие серьезных наработок, традиций в исследовании этого феномена, ни в одном из подходов не отражен весь спектр сторон процесса формирования идентичности [265].

Многосторонность и неоднозначность этого феномена как в фокусе отражена в представлениях о социальной идентичности. С одной стороны, социальная идентичность – это часть идентичности личности, или «Я-концепции», один из элементов структуры личности человека. Понятие идентичности прочно встроено в систему общепсихологического теоретического знания (З. Фрейд, Э. Эриксон, Дж. Марсиа, А. Уотерман, И. С. Кон, К. В. Коростелина и др.) [155, 163, 277, 323, 344]. С другой стороны, идентичность понимается как результат идентификации человека или группы людей с социальной общностью, и является социологическим понятием (В. Ядов, Теджфел, Бергер и Лукман и др.) [33, 257, 259, 309, 345].

Как отмечает К. В. Коростелина, «понятие социальной идентичности возникло в социальных науках как ответ на потребность создания концептуального моста между индивидуальным и групповым уровнями анализа. Социальная идентичность является связующим звеном между психологией личности и структурой и процессами в социальных группах, в которых эта личность развивается» [163, с. 5].

В зарубежных источниках социальная идентичность анализируется в рамках трех основных теоретических подходов:

- 1) психологические теории развития;
- 2) социологические теории символического интеракционизма;
- 3) социально-психологические теории социальной идентичности [16].

Коротко остановимся на ключевых моментах каждого из этих подходов, так как именно интеграция часто даже противоречащих друг другу точек зрения позволяет создать целостную картину этого сложнейшего социально-психологического феномена – социальной идентичности.

Классическая психоаналитическая теория, относящаяся к теориям развития, рассматривает идентификацию как процесс подражания значимому другому, который выступает как модель. Этот,

часто неосознанный процесс предполагал включение особенностей другого человека в свою личность. Следует отметить, что у З. Фрейда идентификация рассматривалась и в аспекте половой идентичности. Названный термин встречается у него в связи с преодолением мальчиками комплекса Эдипа и девочками комплекса Электры и достижением ими соответствующей половой самоидентичности.

Э. Эриксон первый ввел в активный научный оборот понятие «идентичность» и заложил основы представления об идентичности как о психосоциальной тождественности личности [323]. Он переосмыслил введенное З. Фрейдом понятие идентификации и дополнил его понятием «идентичность», связав эти два понятия. По Э. Эриксону, развитие идентичности заключается в синтезе идентификаций. Идентичность в целом Эриксон понимал как процесс организации жизненного опыта в индивидуальное «Я». Динамичность и процессуальность проходят красной нитью по всем рассуждениям Э. Эриксона о феномене идентичности, и не случайно именно эти признаки были положены в основу возрастной периодизации основных жизненных циклов человека. Понятие идентичности соотносимо для Эриксона, прежде всего, с понятием постоянного, непрекращающегося развития «Я»; это сложное личностное образование, имеющее многоуровневую структуру, отвечающую трем основным уровням анализа человеческой природы: индивидуальным, личностным и социальным. Отталкиваясь от этой позиции, он выделяет ряд важных содержательных элементов идентичности:

- чувство идентичности – это чувство личностного тождества и онтогенетической непрерывности личности;

- сознательное чувство личной идентичности основано на двух одновременных наблюдениях: восприятие себя как тождественного и осознание непрерывности своего существования во времени и в пространстве (быть самим собой в собственных глазах, с одной стороны, и быть самим собой в глазах значимых других – с другой, что означает восприятие того факта, что другие признают твою идентичность);

- переживание чувства идентичности усиливается с возрастом по мере развития личности: возрастает ощущение непрерывности между переживанием детства и предполагаемыми переживаниями будущего.

Таким образом, обладать идентичностью – это ощущать себя, свое бытие как личности неизменным (независимо от изменения ситуации, роли, самовосприятия); переживать прошлое, настоящее и будущее как единое целое; рефлексивно ощущать связь между собственной идентичностью и ее признанием другими людьми.

Э. Эриксон заложил представление о двух основных составляющих идентичности – персональной и социальной, которые присутствуют в подавляющем большинстве более поздних работ по этой проблематике. Мы вернемся еще к работам Э. Эриксона, и хотя гендерная идентичность не находилась в фокусе его интересов, тем не менее ряд знаковых моментов им был отмечен.

Линию анализа идентичности с точки зрения развития продолжил американский исследователь Дж. Марсиа [344].

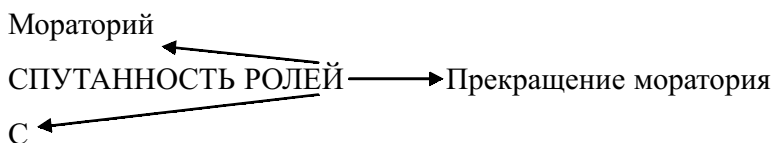
Дж. Марсиа определил идентичность как структуру эго – внутреннюю самосоздающуюся, динамическую организацию потребностей, убеждений, способностей и индивидуальной истории личности. Он также предложил, что данная гипотетическая структура может быть экспериментально обнаружена через наблюдаемые паттерны «решения проблем». Решение каждой жизненной проблемы вносит определенный вклад в достижение личностной идентичности, именно по мере принятия решений относительно себя и своей жизни через ряд идентификаций развивается структура идентичности. Дж. Марсиа дал описание четырех видов идентичности, связанных, с одной стороны, с уровнем ее сформированности, а с другой – с общим процессом социализации. Он предложил четыре статуса эго-идентичности: диффузная идентичность (спутанность ролей), предрешенность (или прекращение идентификации), мораторий (состояние кризиса или выбора между альтернативами, предлагаемыми обществом) и достижение идентичности.

Если кризис пережит, выбор сделан – идентичность достигнута. Эта модель, несмотря на ее некоторую ограниченность (оговоримся – изначально заданную, поскольку Дж. Марсиа описывал виды подростково-юношеской идентичности), представляет несомненный интерес в эпоху трансформаций, так как спутанность ролей становится сейчас не только отдельным этапом, а постоянным «сопровождением» процесса формирования идентичности.

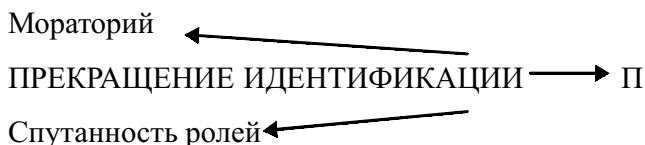
Взаимосвязь же между решением (либо нерешением) жизненных проблем и достижением личностной идентичности стала в сегодняшних условиях все более очевидной (личностную идентичность можно определить как набор индивидуальных характеристик, черт, отличающихся определенным постоянством или преемственностью, что позволяет дифференцировать данного индивида от других людей).

Идеи Дж. Марсиа были положены в основу концепции А. Уотермана, который доработал и углубил его модель (см. рис. 1.2).

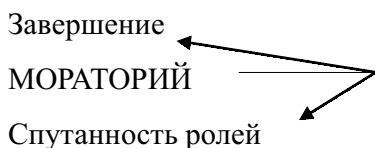
Первая стадия (начинается со спутанности ролей)

Вторая стадия (начинается с прекращения идентификации)

Третья стадия (начинается с моратория)

Четвертая стадия (начинается с завершения идентификации)

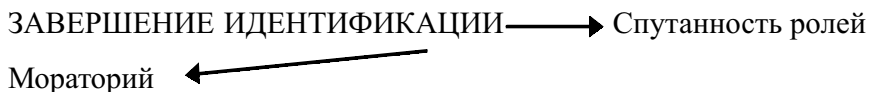

Рис. 1.2. Последовательность формирования идентификации [162]

Как видно из схемы, началом формирования идентичности считается стадия спутанности ролей, за ней следует либо прекращение идентификации, либо мораторий и достижение ее идентичности. А. Уотерман отмечает, что формирование идентичности – это не единичный факт, а серия взаимообусловленных выборов. Даже имея личностную идентичность, человек способен вновь испытать кризис и войти в диффузное состояние.

В целом, в вышеперечисленных теориях структура идентичности, ее виды теснейшим образом связаны с вопросами ее развития и социализации.

Представители теории символического интеракционизма в вопросе об идентичности разделяются на два течения, которые по-разному представляют соотношение идентичности и общества. Структурные интеракционисты рассматривают идентичность через призму ролей. У одного из ярчайших представителей этого направления Дж. Мида социальная идентичность выступает как результат неосознаваемого процесса принятия норм, привычек, ожиданий, соответствующих социальной группе, к которой принадлежит личность. Социальная идентичность детерминирована особенностями поведения и установок группы, личная же формирует неповторимую личность собственной оценкой социальных ситуаций.

Как замечает по этому поводу К. В. Коростелина, «такое понимание соотношения социальной и индивидуальной идентичности, конечно же, является очень упрощенным. Оценка двух видов идентичности как социально обусловленной и отражающей индивидуальность личности не воссоздает особенностей реальной системы идентичностей..., соотношение различных социальных идентичностей является уникальным для каждого человека и также характеризует его как уникальную личность» [163, с. 14].

Представители второго течения – процессуальные интеракционисты – акцентировали внимание в своих исследованиях на социальных ситуациях, в рамках которых идентичности создаются, трансформируются и сохраняются. Наиболее полно и подробно взгляды представителей этого направления отражает монография Р. Дженкинса «Социальная идентичность» (1996). Но в этой работе, как отмечает В. Н. Павленко, он не только представляет традиционные

взгляды, но и делает шаг вперед в развитии своего направления, утверждая, что индивидуальная уникальность и коллективная разделенность могут быть поняты как две стороны одного и того же процесса [220, 221]. Процессы, в которых формируются (и трансформируются) индивидуальная и коллективная идентичности аналогичны, и обе эти формы имеют социальный характер.

Нельзя не упомянуть о ролевых теориях, возникших в рамках интеракционистского подхода и активно используемых как в социологических, так и в психологических исследованиях идентичности. Ролевая теория предлагает схему социальной идентичности, базирующуюся на трех переменных: статус, вовлеченность (интенсивность, с которой воплощается роль) и оценка. Статусы социальной идентичности подразделяются на предписанные и достигнутые. Отмечается, что вовлеченность зависит от статуса: чем более предписанным является статус, тем выше вариативность степени вовлеченности.

У одного из наиболее известных представителей ролевых теорий И. Гофмана идентичность трактуется как порождение внешней ситуации. По его мнению, социальная идентичность создается и поддерживается с помощью постоянно повторяющихся поведенческих схем, осуществляющихся в группе, – так называемая «политика идентичности» [259].

Во всех выше перечисленных теориях в рамках данного теоретического подхода влияние социума на формирование идентичности (как социальной, так и личностной) является определяющим. Социальные же роли выступают как значимые аспекты личности, и принимая определенную социальную роль, личность принимает и определенную позицию по отношению к другим людям и социальной системе в целом.

Альтернативный подход к анализу идентичности был предложен представителями когнитивной социальной психологии, ключевым звеном которой в развертывании цепи многочисленных социально-психологических теорий в этой области стала разработанная Х. Теджфелом и Дж. Тэрнером теория социальной идентичности [345, 266].

Они рассматривали понятие идентичности как когнитивную систему, включающую в себя две подсистемы: личностную

и социальную идентичности. Первая относится к самоопределению в терминах физических, интеллектуальных, нравственных и других личностных черт, вторая же складывается из отдельных идентификаций человека, определяющих его принадлежностью к различным социальным общностям. Поведение человека может быть полностью детерминировано личностной идентичностью (и в этом случае мы говорим о межличностном поведении) – или социальной (а в этом случае речь идет о межгрупповом поведении), где интеракция индивидов определяется их принадлежностью к различным социальным группам и категориям.

Х. Теджфел определял понятие социальной идентичности как «представление индивида о себе, происхождение которого обусловлено его знанием о членстве в социальной группе (или группах), а также ценностью и эмоциональной значимостью, придаваемых этому членству». В исследовании было подтверждено, что люди стремятся к позитивной идентичности, поэтому у них возникает сильная мотивация положительно оценивать свою группу, что и приводит к ингрупповому фаворитизму.

В целом же, межгрупповые и межличностные формы взаимодействия рассматриваются Х. Теджфелом как некоторый континуум, на одном полюсе которого можно расположить варианты социального поведения человека, полностью обусловленные фактом его группового членства, а на другом – такие формы социального взаимодействия, которые полностью определяются индивидуальными характеристиками участников. Для анализа закономерностей «переходов» с одного полюса социального поведения на другой одним из последователей Х. Теджфела – Дж. Тэрнером – использовались понятия личностной и социальной идентичности. Дж. Тэрнер и П. Оукс выдвинули положение о том, что посредством социальной интеракции члены группы создают коллективные, несводимые к деятельности индивидов, продукты – нормы, ценности, стереотипы [345]. Эти продукты интериоризируются и таким образом оказывают влияние на индивидуальное сознание.

Обратим внимание на то, что теория самокатегоризации Дж. Тэрнера рассматривает соотношение личностной и социальной идентичности как изначально конфликтные, так как чем сильнее

оказывается социальная идентичность, тем меньше человек воспринимает различия между собой и другими членами группы – а это приводит к деперсонализации. Если же сильна личностная идентичность, тогда человек находит мало сходства со своей группой, что порождает проблемы во вписывании человека в социум.

Можно было бы перечислить еще целый ряд теорий, рассматривающих иные аспекты и подходы к идентичности (теорию социальных репрезентаций С. Московичи, концепцию баланса практичности Я. Хабермаса, ковариационную модель соотношения социальной и личностной идентичности Ж. Дешампа и Т. Девоса и др.) благо, что в западной психологии и социологии накоплен огромный опыт экспериментальных исследований и теоретического осмысления этого междисциплинарного феномена. Но для нас важно создать общее понимание базовых категорий идентичности и ее основных видов – социальной и личностной, сложных взаимосвязей и процессов, в ней происходящих, прежде чем переходить к предмету нашего непосредственного интереса – гендерной идентичности.

При всех различиях в подходах во взглядах зарубежных исследователей идентичность выступает как интегративный феномен, работающий на различных уровнях сознания и реальности. Вопрос же о взаимоотношениях и взаимосвязи социальной и личностной идентичности является спорной позицией, по которой исследователи не могут пока прийти к единой точке зрения.

Например, Х. Теджфел противопоставил личностную и социальную идентичность, С. Московичи же рассматривал личностную идентичность как одну из социальных презентаций и, следовательно, о жестком противопоставлении этих двух форм говорить неправомерно.

В то же время существует и такая точка зрения: «Идентичность в эриксоновском смысле – это идентичность индивидуальная (она же личностная, она же персональная). Даже когда применительно к индивиду ведут речь о социальной идентичности, имеют в виду особое измерение индивида, которое в социальной и индивидуальной психологии и социологии с незапамятных времен обозначают как “социальное Я”» [192, с. 43]. То есть В. С. Малахов, отрицая идентичность социальную, подчеркивает, что идентичность всегда выступает как явление индивидуальное.

В психологических исследованиях советских ученых-психологов и социологов вопросы, связанные с идентичностью, представлены значительно более скромно, что обусловлено в большей степени идеологическими причинами, чем отсутствием интереса к этой проблематике. Тем не менее есть ряд работ методологического характера, которые лежат в основе многих исследований идентичности, проводившихся на постсоветском пространстве. И, в первую очередь, здесь следует назвать работы И. С. Кона [151, 155].

Как отмечает И. С. Кон, термин «идентичность» имеет в науках о человеке три главных модальности:

1) психофизиологическая идентичность, обозначающая единство и преемственность физиологических и психических процессов и структуры организма;

2) социальная идентичность, обозначающая систему свойств, благодаря которым особь становится социальным индивидом, членом определенного общества (или группы), и предполагающая разделение (категоризацию) индивидов по их социально-классовой принадлежности, социальным статусам и усвоенным социальным нормам [151]. Причем такое разделение может быть как объективным (если оно производится извне, исходит от общества), так и субъективным. В этом случае разделение осуществляет сам субъект («я» и «они»);

3) личная идентичность (или эгоидентичность), обозначающая единство и преемственность жизнедеятельности, целей, мотивов, смысложизненных установок личности, осознающих себя как «самость».

Три этих модальности представляют собой структурную модель «самости» (см. рис. 1.3).

Личная идентичность интерпретируется как субъективная реальность, в структуре которой можно выделить три основных элемента, каждому из которых соответствуют специфические психические процессы:

- экзистенциальному «Я» – саморегуляция и самоконтроль;
- переживаемому «Я» – самоощущение;
- категориальному «Я» – самопознание и самооценка.

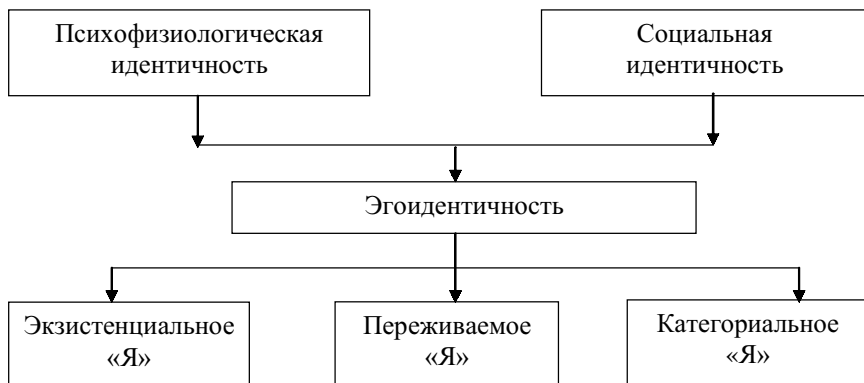

Рис. 1.3. Структурная модель «самости»

Но конечно же, в личности реального человека все эти элементы теснейшим образом переплетены и не могут быть поняты в изоляции друг от друга.

Как связаны между собой «самость», идентичность человека и его «Я» и где проходит грань между этими понятиями?

И. С. Кон определяет взаимосвязь и различия между этими понятиями следующим образом: ответ на вопрос: «Что такое “самость”?» так или иначе соотносится с личным опытом вопрошающего, и невозможно определить соответственное «Я», не соотнеся его с представлением о сущности и возможностях человека вообще... Но в первом случае в центре внимания стоят родовые возможности человека, а во втором – индивидуальные.

Очень точно и образно И. С. Кон разводит понятие «самость» и «Я». Вопрос: «Что такое “самость”?» по своему характеру безличен, ориентирован на научный поиск, объективное познание. А вот вопрос: «Кто Я?» – абсолютно субъективен, он обращен внутрь личности. Ответ на него не предполагает широких обобщений и четкого понятийного аппарата. Тем не менее ответ на вопрос: «Кто Я?» предполагает и восприятие себя как представителя определенного пола – «Я – женщина», «Я – мужчина», и сравнение себя с определенными социальными стандартами в этой области – «настоящий мужчина», «настоящая женщина», то есть включает все три мо-

дальности идентичности – психофизиологическую, социальную и личную.

Д. А. Леонтьев, анализируя сущность «Я», выделяет в ней несколько граней, каждая из которых в свое время являлась предметом интереса тех или иных психологических школ [181].

Приведу описание этих граней «Я», по Д. А. Леонтьеву, соотнеся ее с элементами модели «самости» по И. С. Кону (см. табл. 1.5).

Таблица 1.5

**Описание граней «Я» и элементов моделей самости
(по Д. А. Леонтьеву и И. С. Кону)**

Грани «Я» по Д. А. Леонтьеву, 1993	Элементы модели «самости» по И. С. Кону, 1984
1	2
<p>1. Телесное (физическое) «Я» – переживание своего тела как воплощения «Я», образ тела, переживание физических дефектов, сознание здоровья или болезни. В форме телесного или физического «Я» ощущается не столько личность, сколько ее материальный субстрат – тело, через посредство которого она проявляет себя и иначе проявить себя не может</p>	<p>1. Психофизиологическая идентичность</p>
<p>2. Социально-ролевое «Я» – ощущение себя носителем тех или иных социальных ролей и функций</p>	<p>2. Социальная идентичность</p>
<p>3. Психологическое «Я», включающее в себя восприятие собственных черт диспозиций, мотивов, потребностей и способностей и отвечает на вопрос: «Какой Я?». Психологическое «Я» – основа «образа Я» или «Я»-концепции (телесное и социально-ролевое «Я» тоже входят в него)</p>	<p>3. Переживаемое «Я»</p>

1	2
<p>4. <i>Экзистенциальное «Я»</i> – ощущение себя как источника активности или, наоборот, пассивного объекта воздействий, переживание своей свободы или несвободы, ответственности или посторонности; в этом «Я» отражаются личностные особенности высшего, экзистенциального уровня, особенности общих принципов отношений личности с окружающим миром</p>	<p>4. <i>Экзистенциальное «Я»</i></p>
<p>5. <i>Самоотношение или смысл «Я»</i> – самооценка, самоуважение, самопринятие, общее положительное или отрицательное отношение к себе. Не менее важной характеристикой самоотношения, чем его оценочный знак, является степень его целостности, интегрированности, а также автономности, независимости от внешних оценок</p>	<p>5. <i>Категориальное «Я»</i></p>

Эта таблица иллюстрирует сложившуюся в психологии личности ситуацию с несовершенством понятийного аппарата в данной области – понятия «идентичность», «самость», «Я» используются как синонимы. Не ставя перед собой задачу разрешения этой проблемы, будем опираться на понимание идентичности в русле идей Э. Эриксона. С точки зрения Э. Эриксона, идентичность опирается на осознание временной протяженности собственного существования, предполагает восприятие собственной целостности, позволяет человеку определять степень своего сходства с разными людьми при одновременном видении своей уникальности и неповторимости. Естественно, что это совокупное представление о себе включает и физический и социальный, и личностный компоненты.

Из современных украинских психологов наиболее глубоко и последовательно проблемами идентичности (прежде всего, социальной) занимается К. В. Коростелина [163].

Обратимся к ряду ключевых моментов ее теории, так как многие ее аспекты, разработанные для описания и анализа этнической

идентичности, «накладываются» и на проблематику гендерной идентичности. К. В. Коростелина выделила три основных фактора, которые определяют выраженность различных групповых идентичностей [163, с. 50–51].

1. Уровень различий. С раннего возраста человек стремится понять мир путем анализа различий и сходства вещей, событий, людей и групп. Различия играют ведущую роль в подобных процессах когнитивного развития. Внутригрупповые различия могут восприниматься как менее значимые, чем межгрупповые в релевантном сравнительном контексте.

2. Преобладание межгруппового или межперсонального контакта. Как отмечает К. В. Коростелина, социальная идентичность становится более выраженной в межгрупповом контексте. Так, мужчины и женщины определяли себя более четко как типичных членов своей гендерной группы и приписывали себе женские или мужские черты в межгрупповом контексте (мужчина и женщина), чем во внутргрупповом контексте (женщина-женщина или мужчина-мужчина). В подобных ситуациях противопоставление «мы» и «они» становится более важным, чем противопоставление «Я – ты».

В ситуации межгрупповых отношений социальная идентичность становится более сильно выраженной, чем в ситуации межперсональных отношений. «Сильная идентификация с группой становится основой идентичности, и негативное оценивание других групп может повысить групповое самоуважение и групповую солидарность. Такое поведение может также вести к преувеличению групповых различий и конфликтов между группами [163, с. 51]. (То, что произошло и происходит в группах женщин экстремистско-феминистской направленности, где «женское» в противовес существующим стереотипам понимается как лучшее, совершенное, более приспособленное для бытия в современном мире, мужчина же воспринимается как нечто несовершенное и при этом враждебное – И. Г.).

3. Соревнование между группами за ресурсы, власть или независимую позицию также может повысить выраженность групповой идентичности. К. В. Коростелина иллюстрирует эту

позицию примерами этнических конфликтов и столкновений. Таким же наглядным примером могут стать процессы, происходящие в женских партиях, где для ряда ее членов борьба за власть (с учетом реалий современной Украины) экстраполируется в борьбу с мужчинами. Групповая же идентичность членов женских партий принимает форму обобщенной женской идентичности.

Представляет несомненный интерес рассматриваемый К. В. Коростелиной вопрос о влиянии стереотипов и аттитюдов на формирование идентичности, так как гендерная идентичность, о чем мы уже говорили ранее, в очень сильной степени зависит от стереотипизации в этой сфере. Так, в частности, она отмечает (и подтверждает в дальнейшем в своих исследованиях), что и «аттитюды и стереотипы являются показателями стабильности и выраженности идентичности. Чем более сильно развита система аттитюдов, позитивных автостереотипов и негативных гетеростереотипов, тем более выраженной и стабильной является данная идентичность» [163, с. 67].

В целом, можно отметить, что в последние годы проблема формирования и трансформации различных форм идентичности стала привлекать активное внимание психологов: так как современная ситуация, с одной стороны, чревата кризисами идентичности, а с другой – создает невероятные возможности для выстраивания новых моделей и их изменения.

1.3.2. Гендерная идентичность: понятие и процесс формирования

Гендерная идентичность, точнее, процессы, за ней стоящие, привлекали внимание многих исследователей, хотя сам термин стал использоваться относительно недавно.

До недавнего времени в работах исследователей, посвященных изучению гендерной идентичности, использовались термины «психологический пол», «полоролевая идентичность», «полоролевые стереотипы», «полоролевые отношения» (В. С. Агеев, Т. В. Говорун, И. С. Кон, Т. А. Репина, Я. Л. Коломенский, М. Х. Мелтсас и др.) [4, 5, 74–77, 150–154, 156, 148, 244]. Хотя за ними стоят достаточно близкие и взаимосвязанные явления, эти понятия не являются синонимами.

Прежде всего, разведем понятия половой и гендерной идентичности. Термином «половая идентичность (половая (само)идентификация)» обозначают степень осознания и принятия индивидом своей половой принадлежности и соответствующих половых ролей. Половая идентичность мужчины включает «его осознание своей потенции оплодотворять женщин и знания, касающиеся соответствующих форм поведения. Женская половая идентичность включает осознание женщиной своей потенции производить потомство, а также знания, касающиеся форм поведения, ведущих к беременности» [196, с. 175].

На формирование половой идентичности влияет три группы факторов (несводимых только к биологическим) (см. рис. 1.4) [158].

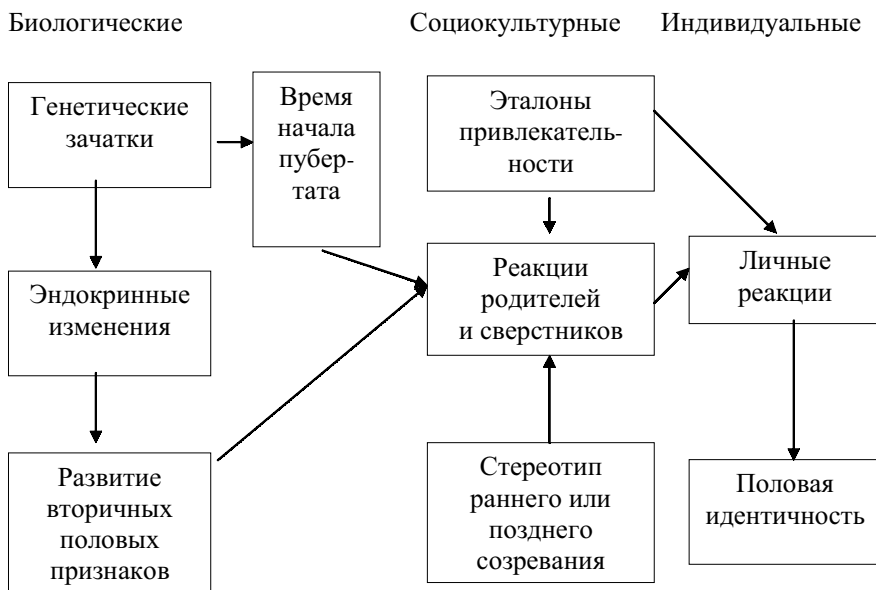

Рис.1.4. Факторы и механизмы формирования половой идентичности (по Петерсону и Мейлеру)

В «Словаре гендерных терминов» дается следующее определение гендерной идентичности – это базовая структура социальной идентичности, которая характеризует человека (индивида) с точки

зрения его принадлежности к мужской или женской группе, при этом наиболее значимо, как сам человек себя категоризирует [256]. То есть в этом определении мы видим, что гендерная идентичность рассматривается как базовая для формирования всех остальных видов социальной идентичности.

Но, естественно, что различные авторы по-разному определяют содержание понятия «гендерная идентичность» (хотя различия не имеют глобального характера, и речь идет о большем или меньшем внимании исследователей к различным аспектам этого феномена).

Так, И. С. Клецина рассматривает гендерную идентичность как аспект самосознания, описывающий переживание человеком себя как представителя определенного пола, осознание своей принадлежности к полу в социальном контексте [138].

И. С. Кон определяет гендерную идентичность достаточно кратко, как осознание своей принадлежности к мужскому или женскому полу [150].

Т. В. Говорун определяет гендерную идентичность как субъективное осмысление, переживание половой роли, единство полового осознания и поведения. Кроме того, ею подчеркивается, что гендерная идентичность является онтогенетичным образованием, формирующимся в процессе взаимодействия с социумом [76].

У Е. Р. Ярской-Смирновой гендерная идентичность выступает, прежде всего, как особый вид социальной идентичности, сосуществующей в самосознании человека в единстве с представлениями о профессиональном, семейном, этническом, образовательном и прочих статусах. Причем ею подчеркивается, что гендерная идентичность выступает как продукт социального конструирования [311].

Н. Смелзер пишет: «гендерная идентичность связана с нашим представлением о своем поле: чувствуем ли мы себя в действительности мужчиной или женщиной» [257].

Ш. Берн подчеркивает в гендерной идентичности ее принадлежность к одному из видов социальной [35]. «Большинство социальных ролей выполняется главным образом либо мужчинами, либо женщинами, а большинство людей с самого раннего возраста ограничивают свой круг общения представителями своего пола.

Когда мы идентифицируем себя в качестве мужчины или женщины и начинаем в определенной мере формировать свою самооценку и идентичность на гендерной основе, у нас появляется мотивация для взаимодействия главным образом с представителями своего гендера. После этого начинают возникать различные внутригрупповые и внегрупповые процессы, стимулирующие дальнейшее разделение и стереотипирование людей на гендерной основе» [35, с. 233–234].

В приведенных выше определениях есть общие моменты, касающиеся, прежде всего, классификации гендерной идентичности как социальной.

Исходя из того, что сам термин «гендер» отражает социально обусловленную природу мужского и женского, отнесение гендерной идентичности к социальной слагаемой идентичности представляется вполне правомерным.

Но при этом, несомненно, что гендерная идентичность, выступая как социальная по своей сущности, по механизмам формирования, тем не менее имеет индивидуальное, личностное содержание, индивидуальную форму принятия социальных стереотипов, установок, связанных с полом.

Второй момент, объединяющий представителей практически всех подходов к исследованию гендерной идентичности, – это то, что она базируется на осознании личностью себя, связанной с определенными стандартами мужественности-женственности.

Достаточно много пересечений между содержанием гендерной и полоролевой идентичности, но гендерная идентичность является более широким понятием, чем полоролевая идентичность, поскольку *гендер* включает в себя не только ролевой аспект, но и, например, образ человека в целом (от прически до особенностей туалета).

Я. Л. Коломенский и М. Х. Мелтсас отмечают, что большинство авторов делят полоролевою (гендерную) идентичность на две составляющие:

1) половую идентичность – понимание принадлежности себя к определенному полу;

2) собственно полоролевою идентичность – знание и усвоение ролей мужчины и женщины [148].

Также понятие «*гендерная идентичность*» несинонимично понятию «*сексуальная идентичность*» (т. к. *гендер* – понятие не столько биологическое, сколько культурное, социальное). Сексуальная идентичность может быть описана с точки зрения особенностей самовосприятия и самопредставления человека в контексте его сексуального поведения в структуре гендерной идентичности.

Таким образом, гендерная идентичность выступает как более широкое понятие, включающее в себя различные виды идентичностей, так или иначе связанных с половой принадлежностью человека. Гендерная идентичность, как и другие виды идентичностей, может трансформироваться, меняться на протяжении всей жизни человека.

Хотя, надо отметить, что проблема стабильности гендерной идентичности является одной из наиболее дискуссионных в современной психологии. С одной стороны, социальные идентичности, такие как гендерная, этническая, демонстрируют высокую устойчивость во времени: они гораздо более стабильны, чем, например, профессиональная идентичность. С другой стороны, многие исследования доказывают высокую подвижность и изменчивость идентичности. В частности, Дж. Тэрнер и его последователи являются одними из наиболее сильных сторонников взгляда на идентичность как на очень подвижную и изменяющуюся [266]. Как показали их исследования, манипуляции с количеством мужчин и женщин в эксперименте с периодическим изменением численного преобладания представителей одного из полов оказывали сильное влияние на проявления гендерной идентичности. Это спонтанное возникновение идентичности, по мнению ученых, связано с формированием временного группового прототипа или «типичного группового члена», который является воплощением определяющих характеристик группы.

Что тогда говорить о воздействии значительно более сильных влияний в масштабе социума – они, несомненно, трансформируя ценности, социальные роли, взаимные ожидания, не могли не затронуть базовые компоненты гендерной идентичности.

Сама идея о том, что гендерная идентичность именно конструируется, а не является заранее заданной, не нова. Маргарет Мид писала об этом еще в 1920-е годы. Исследования М. Мид, проведенные

в трех племенах в Новой Гвинее, опровергли теорию «естественного предназначения женщины». Она показала, что содержание женской половой роли очень вариативно, порой проявляясь инвертным способом по отношению к нашей культуре. М. Мид приводит яркий пример – женщины в племени тчамбули ловят рыбу, занимаются ткачеством, торгуют, управляют обществом, то есть выполняют те функции, которые в нашем обществе традиционно выполняют мужчины. На основании проведенных исследований ею был сделан вывод о том, что половые различия используются обществом как основа для дифференциации социальных ролей, но сущность этих ролей не является биологически обусловленной такими факторами, как более значительные размеры мужчин или способность женщин к деторождению.

Линия констатирования гендерной идентичности, ее трансформация, четко прослеживается в философских работах Джудит Батлер [316]. Она, концентрируясь вокруг понятий «женщина», «пол», «гендер», приходит к выводу, что забота о равенстве полов в сфере науки, политики и где бы то ни было лишается оснований именно вследствие некритического использования категорий мужчины и женщины. Она доказывает, что понятие «женщина» само по себе вводит сознание в бинарное пространство, в котором, по определению, все вещи и явления делятся на женские и мужские, то есть закрепляется половая асимметрия (вместо того, чтобы разрушаться, как того хотят защитники «женских прав»). Последние входят как бы в лабиринт логических ошибок, пытаясь установить равноправие «мужских и женских» субъектов, тогда как «языковая и политическая репрезентации заранее устанавливают критерии того, что должно конструировать категорию женщин». Другими словами, называя женщину женщиной, мы уже подсознательно формируем гендерное сознание, существующее в координатах господства..., а властные функции воспринимаются сознанием как имплицитно присущие мужчинам.

Джудит Батлер выступает против такой идентичности женщины и подходит к анализу гендерных отношений и гендерной идентичности именно с позиции их конструирования через символы и ритуалы. Она рассматривает гендер как «телесный стиль» или «акт»,

«одновременно намеренный и перформативный (performative)». (Батлер заимствовала концепцию «перформативности» из теории речевых актов Джона Остина, который разделил речевые акты на констатирующие (constative) и перформативные (performative). Последние, в отличие от первых, нельзя оценивать как «истинные» или «ложные» высказывания, поскольку при их произнесении совершается новое социальное действие). Батлер показывает, что не только речевые, но и другие дискурсивные акты могут рассматриваться с позиции перформативности – например, акты, выражающие те или иные аспекты человеческой идентичности.

Под перформативностью рода или гендера (gender), в отличие от пола (sex), Батлер как раз и подразумевает то, что его форма и смысл не заданы заранее, а сформулированы, сконструированы по игровым, перформативным принципам. Как в любых «ритуальных драмах», этот «гендерный перформанс» должен постоянно повторяться, что ведет к постоянному «проигрыванию и переживанию социально принятых смыслов» и, соответственно, к легитимации этих смыслов, повышению их кажущейся естественности.

Новым в подходе Батлер является переориентация анализа с процесса усвоения общественных моделей и символов идентичности (процесс социализации) на процесс производства идентичности в непосредственном дискурсивном акте самовыражения субъекта (процесс субъективации). То, что этот повторяющийся дискурсивный акт рассматривается с позиции его перформативности, подчеркивает, что гендерная идентичность именно формулируется в этом акте, а не просто раскрывается, как принято считать в функционалистическом и обыденном понимании идентичности. Иными словами, Дж. Батлер считает, что гендерная идентичность не просто отражается в неких символах и ритуалах культуры, но формулируется непосредственно в момент «цитирования» этих символов и ритуалов, то есть в момент, когда символы и ритуалы существуют как дискурсивные акты. Такой подход, как отмечает А. Юрчак, дает возможность отойти от функционалистической интерпретации гендерных норм и проанализировать конкретную концепцию гендера как материализацию «телесных стилей» конкретного культурно-исторического контекста [307, 308]. Этот подход также позволяет

рассмотреть гендер не только с позиции воспроизводства гендерных норм, но и с позиции изменения норм, конфликта норм, личного экспериментирования с нормами, сопротивления им, то есть рассмотреть нормы гендерной идентичности как продукты активности конкретных агентов, помещенных в конкретную социальную систему властных отношений, интересов и дискурсивных моделей.

Актуальность такого подхода несомненна в тот исторический период, когда воспроизводство готовых норм становится заведомо проигранной позицией, по сравнению с индивидуализированными, гибко меняющимися и четко соотнесенными с потребностями времени нормами.

Если теоретическая возможность трансформации гендерной идентичности неоспорима, то как это происходит на практике? Для ответа на этот вопрос обратимся к выполненной в конце 1990-х годов работе польской исследовательницы (особый интерес для нас представляет то, что исследование проводилось в стране бывшего социалистического лагеря, переживающего сходные с Украиной трансформационные процессы).

Остановимся подробнее на процессах становления и трансформации гендерной идентичности в современных условиях, опираясь на работу И. Милюски «Идентичность женщин и мужчин в жизненном цикле» [341]. Иоланта Милюска, продолжая линию трехфакторного подхода к формированию личности, пытается дать ответ на вопросы, какова сила влияния пола на «Я» человека и является ли гендерная идентичность только одной из подсистем социальной идентичности, или ее ранг является особым, отвечающим за насыщение «Я» человека элементами пола. Она достаточно традиционно выделяет три уровня явлений, которые объясняют возникновение и трансформацию идентичности женщин и мужчин:

- 1) биологический;
- 2) социальный;
- 3) психологический (поведенческий).

Биологический уровень – это жизненный потенциал, начиная от клеток и кончая системой органов, органические условия специализации и деятельности, содержащиеся в структуре и функциях организма. Процессы развития или старения, происходящие в результате

взаимодействия между созревающими физиологическими структурами и опытом, ограниченными биологическими возможностями, создают естественные условия появления психологических новообразований.

Социальный уровень – это собственно социальная структура и ее функции в данный момент «жизни» системы, социально-экономические условия и идеология, существующие в обществе. Трансформационные процессы в социально-экономической системе могут способствовать реорганизации ролей и изменять стереотипные модели социальных групп, в том числе гендерных, способствуя созданию новой идентичности (что и происходит в последние десятилетия во всем мире).

Психологический уровень – это вид компетенции (способностей, знаний, мотивации и поведения), подчиняющийся разуму человека и подлежащий его контролю, который в ходе жизни может показывать разный уровень стабильности либо изменчивости.

И. Милюска отмечает, что идентичность человека меняется в течение всей его жизни, так как изменяется его знание о себе, полученное в действиях и взаимодействиях с другими, модифицируются социальные роли, ситуации жизненного выбора, общий стиль деятельности, что в совокупности порождает новое чувство идентичности. Причем автор подчеркивает очень важную мысль, что идентичность является не только психологической структурой, она сама есть процесс постепенных изменений в этой структуре приспособления к новому опыту. На возможность и виды этих преобразований решающее действие оказывает характеристика актуального состояния аспектов идентичности – феноменологического, концептуального, поведенческого.

Феноменологический аспект идентичности – это чувство принадлежности к определенному полу, выраженное чувством женственности-мужественности, синтезом специфических и приписываемых себе черт (женских или мужских), а также акцептация собственного пола (полоролевая, идентичность), чувство отличия от других людей и чувство стабильности черт (индивидуальная идентичность женщин и мужчин).

Концептуальный аспект идентичности представляет собой концепцию собственных черт (аутоатрибуция черт) и способа оценки

(самооценка). Схема пола свидетельствует о важности организации информации около «пола» и поддается интерпретации в категориях гендерной либо индивидуальной идентичностей.

Поведенческий аспект идентичности выступает как способ разрешения кризисов идентичности, измеряемый статусами идентичности, выражающий разные сферы исследования и выбора. Например, если для женщины ее гендерная идентичность не была важна, но входила в систему ее идентичностей, то в окружении большинства мужчин ее идентичность может стать выраженной и занять первое место. Но даже на уровне феноменологического аспекта идентичности уже возникают вопросы о ключевых критериях ощущения себя «мужественным» или «женственным». Концептуальный же аспект требует более-менее четкого образа «идеального Я» для выстраивания своей самооценки. Опыт же разрешения кризисов гендерной идентичности вообще не отработан ни на уровне частной методологии, ни на уровне практики. «Я – неполноценная женщина, потому, что у меня в... лет нет семьи, нет детей» – традиционный вариант кризиса гендерной идентичности, при котором любой психолог-консультант более-менее представляет, что необходимо говорить и делать. А вот варианты, с которыми все чаще приходится сталкиваться консультантам в работе в последние годы, не предполагают однозначного решения: «Я – успешная бизнес-леди, у меня есть семья, но женщиной я себя уже давно не чувствую»; «Я давно уже не чувствую себя мужчиной – с маленькой зарплатой и много зарабатывающей женой остаться мужчиной просто невозможно». Причем неоднозначность разрешения этих (и аналогичных им) ситуаций проявляется именно в следствиях: можно понять и принять необходимость выстраивания новой идентичности, значительно отличной от традиционной гендерной, но возникает вопрос, как она будет отражена и преломлена в восприятии детей, которые будут выстраивать свою модель мужественности-женственности, отталкиваясь от внутрисемейных образцов.

Возможность поаспектного анализа состояния идентичности углубляет понимание значимости воздействия на нее как социальных факторов, так и особенностей преломления этих воздействий через призму личностных особенностей.

Для подтверждения своей концепции трансформации гендерной идентичности Иоланта Милюска провела исследования, охватившие 180 жителей Польши (90 мужчин и 90 женщин) в возрастах, соответствующих потенциальным кризисам идентичности (13–15 лет; 16–19 лет; 59–65 лет).

Результаты исследования показали, что половой компонент идентичности (идентификация с собственным биологическим полом: женственность или мужественность) оказался стабильным параметром, не имеющим гендерных различий в устойчивости.

Интересно другое: заметная возрастная эволюция происходит в концептуальном аспекте идентичности женщин и мужчин. Подростковый возраст характеризуется в обеих группах типичностью черт, а средний и старший возраст – андрогинизацией, хотя в то же время многие женщины с возрастом сохраняют схему женственности. Различиям в самоописании сопутствуют различия в самооценке в сфере половых ролей. Мальчики имеют более низкую самооценку, чем девочки, хотя последние демонстрируют амбивалентность в отношении к самим себе. Средний возраст не дифференцирует оба пола с точки зрения самооценки, а мужчины старшего возраста имеют самооценку более высокую, чем их сверстницы. В результате самооценка женщин в жизненном цикле оказалась более стабильной, чем самооценка мужчин.

Много существенных различий отмечено также в отношении поведенческого аспекта идентичности в ситуации выбора в разных областях жизни. Женщины молодого и среднего возраста превосходят мужчин в межличностных отношениях. Женщины чаще, чем мужчины, определяют свою идентичность в сфере конфликта «работа – семья», указывая на дом, как сферу более близкую им, чем работа. Однако И. Милюска подчеркивает, что нет никаких оснований утверждать, что мужчины имеют лучше установленную идентичность в тех областях, которые в рамках общественного стереотипа признаются присущей им сферой активности. Женщины, особенно среднего и старшего возраста, чаще мужчин исследуют новые сферы профессиональных ролей и совершают выбор. Работа тем самым перестает быть сферой, в которой создается конструкция только мужской идентичности, становясь для женщин равно

доступным фактором их самоопределения. Подобный стиль установления идентичности характеризует исследуемых женщин и мужчин в отношении религии и политики. Мужчины почти в той же мере, что и женщины, воспроизводят религиозные взгляды известных лиц, и принятая идентичность является наиболее характерной их чертой. Это положение доказывает, что религиозное воспитание женщин и мужчин было скорее направлено на продолжение религиозной традиции, чем на стимулирование познавательных интересов в этой области.

Общее подобие стиля половой идентификации в отношении к религии не противоречит утверждению, что и в этой потенциально мужской сфере женщины демонстрируют превосходство над мужчинами, обнаруживая более высокий интерес к религии и способность к самостоятельному разрешению религиозных проблем (учтем, что речь идет о католической стране).

Политика оказалась областью, которая в минимальной степени отражена в интересах представителей обоих полов. Исследуемые чаще всего не имели сложившихся политических взглядов, причем число женщин и мужчин, способных самостоятельно определиться в этой области, было почти одинаково.

Выявленные различия в формировании идентичности мужчин и женщин позволили И. Милюске поставить проблему «шансов развития» женщин и мужчин. Причины, по которым шансы и темп достижения идентичности женщинами и мужчинами в разных сферах их активности различны, надо искать в действии биологических и социально-культурных факторов. Они являются решающими для определения значения сфер и, следовательно, самого акта выбора. Биологически и социализационно закрепленная предрасположенность к исполнению женщинами материнских функций (навыки и установки) облегчают женщинам самостоятельное конструирование идентичности личности, выполняющей типичные половые роли. Этот процесс ускоряется наличием в этой области сильного эмоционального подкрепления. Связь с природой посредством половых ролей, видимо, способствует наблюдаемой стабильности самооценки женщин в сфере половых ролей, для которых, в отличие от мужчин, более значимым является качество

межличностных связей, чем внешняя оценка их общественной деятельности. Биологически обусловленная тенденция к совмещению «идентичности» и «интимности» выступает, следовательно, не как препятствие, а как фактор, облегчающий развитие женщин. В то же время наблюдаемая у женщин способность к созданию идентичности в межличностных сферах означает отсутствие предопределенных биологических и социальных барьеров.

Результаты исследований женщин и мужчин зрелого возраста показали, что современная польская культура оказывает поддержку прежде всего женщинам, способствуя ее активным действиям в разных областях жизни. Деятельность в «мужских» сферах, даже если они насыщены «женским» содержанием, способствует их борьбе за собственную идентичность.

В свою очередь, потребность хорошего выполнения традиционных женских ролей в трудных экономических условиях приводит к тому, что и здесь женщины достигают превосходства с точки зрения идентичности по сравнению с мужчинами. И. Милюска приходит к интересному выводу, что важным фактором, увеличивающим возможность достижения женщинами идентичности, является конфликт, который создается давлением Природы и Культуры на исполнение определенных ролей. Дилемма выбора рассматривается автором как «плюс», а не как «минус» для развития женщин. Трудность достижения женщинами идентичности – это не столько отсутствие психологических компетенций, сколько количество объектов выбора и интенсивность их эмоциональной окрашенности.

Автор приходит к выводу, на который хотелось бы обратить особое внимание, – чем более сложен путь развития (а это характеризует прежде всего женщин), тем больше шансов на создание зрелой идентичности.

И. Милюска отмечает факт, в равной степени типичный как для Польши, так и для Украины – отсутствие культурных условий, помогающих развитию идентичности мужчин, продолжающих действовать по готовым образцам. Пасуя перед «женским наступлением» в своих традиционных сферах деятельности, мужчины не предпринимают эффективных попыток добиться достаточно высокого статуса в «женских» областях. Знание общественных

стереотипов и осознание своей неспособности следовать им может привести в движение защитные механизмы, о чем свидетельствует рост самооценки в области половых ролей у пожилых мужчин или декларирование неизменности черт юношами.

Обратим внимание на то, что результаты исследований и сформулированные И. Милюской позиции относительно возможностей формирования зрелой идентичности у мужчин и женщин вступают в противоречие со взглядами Э. Эриксона. Отмечая, что поиск идентичности может быть трудным процессом для определенных групп людей, Эриксон выделяет женщин, которым достаточно проблемно достичь ясного ощущения идентичности в обществе, рассматривающем их как людей «второго сорта». С точки зрения Эриксона, феминистское движение потому и получило большую поддержку, что общество до недавнего времени препятствовало усилиям женщин достичь позитивной идентичности (то есть общество неохотно предоставляло женщинам новые социальные роли и новые позиции в сфере занятости) [323].

Одним из возможных путей обретения идентичности для женщины, по мнению Эриксона, является брак, когда женщина выстраивает свою идентичность через другого человека и благодаря ему. Кроме того, женщина сталкивается с еще одной серьезной проблемой – необходимостью выбора между биологически обусловленной ролью матери и жены и карьерой (либо комбинацией того и другого). Если женщина выбирает роль жены и матери, то через некоторое время она может поверить, что у нее за пределами материнской роли нет никакой идентичности.

В определенной мере мы сталкиваемся здесь с философской, мировоззренческой дилеммой – что порождает больше проблем – многообразие выбора или его отсутствие? Эриксон видит в возможности выбора между двумя направлениями своего развития – биологически обусловленным и социально обусловленным – фактор, замедляющий и усложняющий конструирование идентичности женщин. Выстраивание же идентичности мужчинами менее проблемно. Нельзя сказать, что эта точка зрения является ошибочной – она верна для определенных общественно-исторических условий. Но сейчас, как мы увидим далее, именно мужчины, выстраивая свою идентичность, сталкиваются с большим кругом проблем.

В основе становления мужской идентичности лежит «идеология мужественности», которая является составной частью традиционной патриархатной культуры [152, 153, 161, 255, 294, 342, 343, 347]. Структура ролевых норм «идеологии мужественности» определяется нормой статуса, нормой твердости (физической, умственной и эмоциональной), нормой антиженственности. Мужское начало всегда выделяется через отрицание: быть мужчиной – значит не быть женщиной, не заниматься ничем женским. Эта особенность имеет глубочайшие корни и возникает с момента рождения. Вначале мальчик, как и девочка, очень близок к матери, однако стать мужчиной он может только разорвав эту «пуповину», отмечает И. С. Кон. Центральной характеристикой мужской идентичности является потребность доминирования, неразрывно связанная с мужской гендерной ролью.

Традиционно считается, что в процессе социализации мальчик находится в более сложном положении, чем девочка, поскольку его воспитатели – женщины и, как следствие, у него недостаточно объектов для идентификации с представителями своего пола. Так, например, Н. Чодороу в качестве факторов, влияющих на искажение полоролевого поведения выделяет отсутствие мужской идентификации (с отцом): без адекватной модели маскулинности мальчик вынужден утверждать себя в мужской половой роли, отклоняя черты «феминности», и в то же время, принимая культурные стереотипы маскулинности, зачастую по гипермаскулинному типу [294]. Кроме того, «мужской» ролевой набор более ограничен и жесток, а традиционное воспитание, как бы это не звучало парадоксально, не поддерживает проявление «мужского» поведения (независимого, инициативного, активного и т. д.). Дальнейшая социализация мальчиков связана с социальными барьерами на пути развития маскулинности, провоцирующими эмоционально-когнитивный диссонанс, следствием которого является «полоролевая растерянность» либо утрированно-маскулинные полоролевые ориентации.

«Принцип Адама» или принцип маскулинной дополнительности, сформулированный Дж. Мани, имеет под собой непосредственно биологическую подоплеку (на каждом этапе половой дифференциации для развития по мужскому типу необходимо преодолеть или

подавить фемининное начало) и непосредственно связан с культурной нормой антиженственности идеологии маскулинности. И в историческом контексте преодоление женственности» лежит в основе обрядов инициаций мальчиков: пройдя испытания, они могут быть включены в сообщество мужчин [153].

«Комплекс кастрации» – еще один принцип, регулирующий, с точки зрения классического психоанализа З. Фрейда, развитие мужской идентичности. Комплекс кастрации неразрывно связан с Эдиповым комплексом, который фактически служит разрушению первичной идентификации мальчика с матерью и происходит с помощью отца, поддерживающего в сыне тенденцию к обесцениванию всего женского. Именно в этом случае, как полагал З. Фрейд, личность развивается гармонично и полноценно.

Наиболее специфичной чертой мужской идентичности с точки зрения различных концепций и подходов является агрессивность. В настоящее время большинство исследователей сходится во мнении, что следует выделять не столько половые различия агрессивности (ряд исследований демонстрирует, что женщины не менее агрессивны, но они более склонны подавлять агрессию), сколько половые различия ее детерминации.

Согласно теории мужской полоролевой идентичности, разработанной Дж. Плеком, психологическое здоровье мужчин непосредственно связано с «правильной» в контексте традиционной патриархатной культуры мужской идентичностью [342, 343, 347]. Исследования же последних лет показывают, что, помимо позитивных аспектов мужественности, традиционная мужская гендерная роль в современном обществе является причиной тревоги и напряжения, поскольку некоторые ее аспекты дисфункциональны и противоречивы и не способствуют успешной адаптации.

Ведь большинство мужчин не способно на сто процентов соответствовать нормам, входящим в идеологию мужественности. Невозможность соответствовать идеалу часто приводит к неадекватным попыткам доказательства своей мужественности: путем агрессии, жестокости, рискованного или саморазрушающего поведения. Это поведение, имеющее компенсаторный характер, часто является реакцией на низкий экономический уровень (а деньги – это статус и власть).

Далее, поскольку маскулинность определяется через обособление, мужской идентичности угрожает психологическая близость и, как следствие этого, у мужчин обычно возникают трудности во взаимоотношениях. Мужчины, следующие нормам традиционной мужской идентичности, стремятся избегать самораскрытия, и в результате для них уменьшается вероятность получения от окружающих эмоциональной поддержки, так как даже близкие часто могут не догадываться, что она им необходима.

Нормы, требующие от мужчин ограничения эмоциональности, снижают и уровень их эмоционального интеллекта, так как трудно почувствовать и понять эмоции другого, не отрефлексировав свои собственные. И таких примеров, иллюстрирующих проблемные зоны традиционной маскулинной модели идентичности, можно привести достаточно много.

В условиях трансформирующегося общества невозможно избежать изменений идентичности, в том числе и гендерной. Концепция развития любой из форм идентичности предполагает рассмотрение континуума «Я – Другой».

Гендерная идентичность характеризуется достаточно жестким противопоставлением себя и другого (особенно ярко это проявляется в формировании гендерной идентичности мужчин, о чем мы говорили выше). Но когда изменяются ожидания и требования общества по отношению к человеку, естественное желание мужчин и женщин – сохранить позитивный образ себя – приводит к необходимости изменения идентичности.

1.3.3. Стереотипы маскулинности и фемининности как основа построения гендерной идентичности

Остановимся подробнее на содержании понятий «фемининный» и «маскулинный», так как именно они, как отмечается во многих работах, лежат в основе гендерных стереотипов, а гендерные стереотипы, в свою очередь, являются основой построения гендерной идентичности и содержательно связаны с гендерными ролями.

Т. Б. Рябова, анализируя методологические подходы к гендерным стереотипам и гендерной стереотипизации, подчеркивает, что в их

дефинициях нет единства. «Ряд исследователей в своих определениях делают упор на личностные характеристики мужчин и женщин («гендерные или полоролевые стереотипы – это схематизированный набор представлений о персональных характеристиках мужчин и женщин»... В другой группе определений акцент приходится на гендерные отношения; эти дефиниции, как правило, более сложные и развернутые. «Гендерные стереотипы – это социально конструируемые категории “маскулинность” и “фемининность”, которые подтверждаются различным, в зависимости от пола, поведением, различным распределением мужчин и женщин внутри социальных ролей и статусов; и которые поддерживаются психологическими потребностями человека вести себя в социально желаемой манере и ощущать свою целостность, непротиворечивость». Наконец, еще одна большая группа определений считает главными сами концепты маскулинности и фемининности. «Гендерные стереотипы – это схематизированные, обобщенные образы маскулинности и фемининности» [249].

Существенные свойства гендерных стереотипов совпадают со стереотипами социальными.

Начало же формированию теории стереотипизации положили американские ученые. В 1922 году вышла книга Уолтера Липпмана «Общественное мнение», которая ввела в научный оборот понятие «стереотип». «Стереотипы, писал У. Липпман, – это предвзятые мнения», которые «решительно управляют всем процессом восприятия. Они маркируют определенные объекты как знакомые или незнакомые, так что едва знакомые кажутся хорошо известными, а незнакомые – глубоко чуждыми. Они возбуждаются знаками, которые могут варьировать от истинного индекса до неопределенной аналогии» [259].

Теория стереотипа рождалась в условиях обострившегося внимания исследователей к изучению массового сознания. В отличие от традиционного, чисто философского подхода к сознанию, Липпман выдвинул функциональную проблему влияния уже имеющегося, содержащегося в сознании знания о предмете на восприятие самого предмета.

В конце 1970-х годов Х. Теджфел суммировал основные выводы в области изучения социального стереотипа (приводим некоторые, наиболее важные из них) [345].

1. Люди с легкостью проявляют готовность характеризовать обширные человеческие группы (или социальные категории) недифференцированными, грубыми и пристрастными признаками.

2. Социальные стереотипы в некоторой степени могут изменяться в зависимости от социальных, политических и экономических изменений, но этот процесс происходит крайне медленно.

3. Они усваиваются очень рано и используются людьми задолго до возникновения ясных представлений о тех группах, к которым они относятся.

В. Н. Мясищев выделил ряд параметров, с помощью которых можно охарактеризовать стереотипы [206], в том числе и гендерные.

1. Модальность. Стереотип может быть положительным, отрицательным и нейтральным.

2. Интенсивность. Эта величина не является постоянной для личности. Она может изменяться в ходе развития межличностных и межкультурных отношений.

3. Широта. Количество объектов, к которым относятся стереотипы, может быть большим или незначительным (гендерные стереотипы относятся к наиболее широкому).

4. Степень устойчивости (наиболее устойчивыми являются именно гендерные, а также этнические стереотипы).

5. Эмоциональность. В стереотипах могут преобладать различные составляющие: эмоциональные, когнитивные, поведенческие. Часто стереотипы могут быть очень эмоционально насыщены. В частности, гендерные стереотипы всегда носят эмоционально оценочный характер.

6. Степень обобщения. Стереотипы могут быть связаны с конкретными малыми группами, а могут относиться к целым народам или населению целых континентов, либо, как в гендерных стереотипах – маскулинности-фемининности, – охватить население всего земного шара.

7. Степень активности. Стереотипы могут проявляться как простая эмоциональная реакция или как активное действие, направленное на социальное взаимодействие.

Широкую распространенность приобретают исследования стереотипных представлений о способностях мужчин и женщин, их компетентности в различных сферах деятельности и причинах профессиональных успехов. Начиная с 1960-х годов, гендерные стереотипы привлекли особое внимание феминистски ориентированных ученых, так как в современном мире в общественном сознании и практиках взаимодействия гендерные стереотипы рассматриваются как «истинные», как некий социальный консенсус, постулат, применяемый при решении проблем, для которых нет объективных критериев.

Заметным явлением в исследовании процесса структурирования гендерных стереотипов стала вышедшая в 1974 году работа Е. Маккоби и К. Джеклин «Психология половых различий», которая оказалась своеобразной революцией в психологии половых ролей [339]. На огромном фактическом материале авторы доказали, что, по существу, нет фундаментальных врожденных различий в психологических особенностях мужчин и женщин во многих областях, где раньше эти различия признавались; те же различия, которые имеются у маленьких детей, по крайней мере, недостаточны, чтобы обосновать традиционное неравенство гендерных ролей, существующее в западном обществе.

Отечественные психологи, занимающиеся исследованием социальных стереотипов, фактически единодушны в том, что половозрастные закономерности формирования представлений и установок мужественности/женственности являются, прежде всего, закономерностями усвоения и присвоения, интериоризации существующих в культуре полоролевых стереотипов, проявляющихся в непосредственном поведении людей [256]. Эту же идею подтверждают Ю. Е. Алешина, А. С. Волович, которые отмечают, что результаты работ, проведенных за последние годы дают все больше доказательств в пользу социокультурной детерминации половых различий [8].

Значительный вклад в изучение и развитие теории стереотипизации (и особенно гендерной) внес известный российский ученый И. С. Кон. Проблема социокультурных стереотипов затрагивается практически во всех его крупных исследованиях. В статье «Психология

половых различий» он одним из первых в советской психологической науке подчеркнул необходимость учета гендерного фактора в научных исследованиях: «...проблемы психологии половых различий и половой дифференциации не нашли достаточного отражения в отечественной психологии. Тогда как исследователям, занимающимся вопросами формирования личности, необходимо иметь в виду, что все или почти все онтогенетические характеристики являются не просто возрастными, но половозрастными, а самая первая категория, в которой ребенок осмысливает собственное «Я», – это половая принадлежность» [157]. Ученый отмечал, что теоретическая недооценка такой биосоциальной категории, как пол, приводит к тому, что традиционно мужские свойства и образцы поведения невольно принимаются и выдаются за универсальные, что мешает пониманию специфических проблем женской половины человечества и противоречит принципу равенства полов. Теоретико-методологическая статья И. С. Кона «Психология половых различий» была одной из первых отечественных научных работ по данной проблематике, ее появление знаменательно, так как фактически автор признавал отставание советской науки в изучении гендерной проблематики во всех сферах знания, так или иначе связанных с изучением пола, – социологии, сексопатологии, медицине.

И. С. Кон ставит важнейший с точки зрения методологии вопрос о том, какие психологические различия между полами установлены строго научно, «в отличие от ходячих мнений и стереотипов массового сознания». Проанализировав исследования западных ученых, И. С. Кон соглашается, что различий между мужчинами и женщинами значительно меньше, чем принято думать, следовательно, полоролевые предписания, гендерные стереотипы имеют социально-культурное происхождение.

Но нельзя забывать, как верно подметил российский психолог П. Н. Шихарев, что «главное в стереотипе не сама истинность, а убежденность в ней, причем отличительной особенностью убежденности, сопутствующей стереотипу, является ее устойчивость, прочность» [300].

Как отмечает И. С. Клецина [138], все описываемые в литературе гендерные стереотипы можно объединить в три группы. К ним относятся стереотипы маскулинности/фемининности, стереотипы, связанные с различиями в содержании труда мужчин и женщин, и стереотипы, касающиеся закрепления семейных и профессиональных ролей в соответствии с полом.

Содержание конструкторов маскулинности-фемининности с социально-психологической точки зрения было подробно проанализировано в работе В. А. Лабунской [172]. Она выделяет ряд параметров (нивелирование индивидуальных различий, унификация поведения в пределах заданной этносоциальной группы; варьирование в зависимости от этнокультурной и социально-психологической среды и т. п.), описание которых в совокупности образует определение обсуждаемого феномена. «Из данного определения фемининности-маскулинности следует, что эти конструкторы не связаны напрямую с биологическим полом, что они являются не только социокультурными, но и социально-психологическими явлениями, фиксирующими психотип мужского и женского поведения в пределах одной гендерной роли» [172, с. 108].

Тем не менее в основе стереотипов фемининности-маскулинности лежит древнейший механизм формирования идентичности – «Я» и «Другие», «Свой» и «Чужой». И при всей неоднозначности отношения к содержательному наполнению этих стереотипов само их существование необходимо в качестве нормативов гендерной социализации.

Исследование содержания конструкторов маскулинности-фемининности производилось неоднократно и, как делает вывод Т. Б. Рябова [249], стереотипный образ маскулинности намного разнообразнее фемининного, и, в отличие от него, имеет безусловно позитивную оценку.

«В стереотипном образе мужчины, во-первых, присутствуют качества, коррелирующие с деятельностью и активностью: предприимчивость, решительность, настойчивость, стремление к достижению цели и к соревнованию, неконформизм, стремление к приключениям, отвага, самоконтроль, уверенность в своих силах, стремление к оригинальности, умение делать бизнес. Женщине,

напротив, отказывается в этих качествах – ей приписывается пассивность, нерешительность, осторожность, забота о соблюдении норм, конформизм.

Во-вторых, «мужскими» полностью являются характеристики, обычно соотносящиеся с позициями власти и управления, – ум, властность, стремление к лидерству, доминирование, ответственность, объективность, амбициозность, сила, легкость в принятии решений, реалистичность и т. д. Как «женские» описываются такие характеристики: покорность, беспомощность, зависимость, безответственность, слабость, вера в то, что мужчины лучше женщин и выше их по статусу, пристрастность» [249, с. 6].

Но образы «женственности» и «мужественности», созданные в предшествующий период, вступают в резкое противоречие с новыми гендерными ролями и статусами, формирование которых наблюдается в современном обществе. Особенно это касается женщин, мечущихся между желанием сохранить требуемый мужчинами феминный образ и желанием приобрести востребованные в андроцентрическом социуме маскулинные черты. Ведь для достижения успеха, как в профессиональной, так и семейной сферах, ей приходится бороться и с окружающими, и с самой собой, и с базовыми в традиционной гендерной социализации стереотипами:

1. Для женщины главными социальными ролями являются семейные роли – жена, мать.

2. Для мужчины главными являются профессиональные социальные роли.

3. Главный критерий оценки женщин – семейный статус (наличие мужа, детей).

4. Главный критерий оценки мужчины – их профессиональные успехи.

Так, в исследовании Л. П. Чепиги [288] изучалось соотношение традиционно мужских и женских качеств в структуре образа «Я» у украинских юношей и девушек студенческого возраста. В исследовании была использована методика Т. Лири, позволяющая оценить расхождение между реальным и идеальным образами «Я». Результаты исследования показали, что образ «Я» юношей соответствует традиционным представлениям о мужественности. Так, например,

71,4% молодых людей расценивают себя как экстремально авторитетных, 28,6% – как высокоавторитетных, причем в идеале хотели бы видеть себя экстремально авторитетными все 100% юношей. При этом молодые люди подчеркивают и отсутствие у себя феминных качеств. Так, низкий уровень подчиняемости отмечают у себя 71,4% опрошенных, умеренный уровень – 28,6%, низкую зависимость от других подчеркивает 42,9% юношей, умеренный уровень отмечают у себя такое же количество. Только 14,2% признают высокую зависимость от окружающих, но в идеале хотели бы снизить ее до умеренной.

То есть в целом образ «Я» юношей соответствует стереотипам маскулинности, идеальный же образ также не имеет существенных различий с реальным, так как он, если так можно выразиться, утрированно-маскулинный.

У девушек обнаружилась иная картина: существенное расхождение между реальным и идеальным образом «Я». Так, девушки хотели бы существенно повысить уровень авторитарности, стать более независимыми, менее подчиняемыми и менее подозрительными. Показательно сочетание стремления у девушек стать высоко и экстремально авторитетными и при этом сохранить умеренную зависимость от окружающих. Так как в исследовании принимали участие студенты факультета «Бизнес-управление», Л. П. Чепига делает следующий вывод: «...в представлениях молодых женщин о себе конкурируют две тенденции: стремление сохранить стереотипные представления о себе как о женщине-жене и женщине-матери, предполагающие некую зависимость от мужа и детей, и стремление самореализоваться как бизнес-леди, что предполагает способность руководить людьми. При этом, с точки зрения молодых женщин, стереотип бизнес-леди требует наличия властных черт характера» [288, с. 223].

Интересно, что и ряд ученых поддерживали своими изысканиями традиционные гендерные стереотипы. Так, например, представители теории функционализма или теории «взаимодополнительности полов» Т. Парсонс и Р. Бэйлс [259] считают, что в современной семье супруги выполняют две различные роли: инструментальную и экспрессивную. Инструментальная роль состоит в поддержании

связи между семьей и внешним миром, реализующаяся, прежде всего, в работе и обеспечении семьи деньгами. Экспрессивная роль выражается в установлении гармонии и внутреннего эмоционального климата семьи и связана, в первую очередь, с заботой о детях и выполнением домашних дел. Распределение ролей обусловлено изначально биологически, и кардинальное изменение этой структуры невозможно. По Парсонсу и Бейлсу, экспрессивная роль жены определяется ее способностью к деторождению, муж же, который не способен выполнить эту биологическую функцию, становится инструментальным партнером. С точки зрения авторов, такая дифференциация гендерных ролей имеет позитивный смысл, так как способствует семейной адаптации. Эрик Эриксон в своих взглядах на психологическую организацию женщин, несмотря на совершенно иную внешнюю форму, мало чем отличается от взглядов Фрейда и его последователей. В нескольких словах представление Эриксона о женщине можно описать следующим образом: соматическая организация женщины включает «внутреннее пространство», предназначенное для вынашивания потомства избранных мужчин, а биологические, психологические, этические обязательства женщины заключаются в проявлении заботы о будущем человека – о детях [323]. Снова женщина рассматривается только в узких рамках материнства и домашнего очага. Не подлежит сомнению, что ряд психологических особенностей женщины связан с ее специфическими функциями матери, что проявляется как в направленности интересов, так и в соотношении общественно-производственных и семейно-бытовых функций. Да, это целый ряд особенностей, но далеко не все! Список примеров можно продолжать и далее, но для краткости приведем только название статьи Н. Вайсман, в которой анализируется положение дел в современной американской клинической психологии: «Ребенок, Кухня, Церковь в качестве научного закона: психология конструирует женщину» [212]. Как представляется, это название очень удачно обобщает взгляд приверженцев традиционной дихотомии полов.

Проводниками гендерных стереотипов являются большинство социальных институтов – СМИ, религия, семья, образование, государство, политические и социальные институты. Наиболее

влиятельными из всех являются СМИ, и прежде всего ТВ, транслирующие нормативную информацию о гендерных ролях, о том, что есть настоящая мужественность и женственность, как подобает себя вести в различных ситуациях мужчине и женщине. Огромную роль в формировании и поддержании гендерных стереотипов в современном обществе играет реклама [100, 194, 198, 230, 302].

Гендерные стереотипы, с одной стороны, лежат в основе рекламных образов мужчин и женщин, а с другой – реклама их же и тиражирует, поддерживая и продлевая существование стереотипов в сознании людей. Еще в исследовании рекламных изображений, проведенных Э. Гоффманом, был установлен тот факт, что в рекламе взаимоотношения между мужчинами и женщинами упрощаются до уровня ритуальных идиом, то есть в изображении конкретных социальных ситуаций мужские и женские образы символизируют идеальное распределение ролей и функции между ними.

Проведенное в конце 1990-х годов исследование И. В. Грошева показало, что в плане следования стереотипам в рекламе мало что изменилось: женские и мужские образы поляризованы по своим личностным и поведенческим характеристикам [100]. Женщина обычно изображается эмоциональной, со спонтанными поведенческими реакциями, с узко направленными интересами и более низким уровнем притязаний, чем мужчина. В ситуациях, связанных с приобретением товара, женщина изображается движимой субъективными причинами, мужчина же руководствуется объективными, рациональными мотивами. Роли, которые играет в рекламе женщина, в основном, дополнительные и зависимые – жена, любовница, подруга. В целом, можно говорить о достаточно четкой полюсной категоризации мужских и женских качеств в рекламе: мужской полюс соотносится с успехом, инициативой, автономностью, жизненной активностью, женский – с зависимостью, неуверенностью, озабоченностью внешностью и физиологическими состояниями, беспомощностью.

Кроме того, в рекламе, средствах массовой информации в последние десятилетия образ женщины также поляризовался (тем не менее, не выходя за рамки стереотипа). Так, в частности, Н. Г. Бондарь отмечает, что в России в 1990-е годы усилилась стереотипизация

женщин в средствах массовой информации: «женщина предстает либо как деталь интерьера кухни и детской, либо как сексуальный объект» [46, с. 418]. Абсолютно аналогичные процессы мы видим и в продукции украинских рекламистов. Гендерные стереотипы, тиражируемые в рекламе, – значимый фактор выстраивания идентичности мужчин и женщин, так как реклама дает «рафинированный», очищенный от примесей образ, который за счет своей когнитивной простоты, образности и многократной повторяемости прочно закрепляется в групповом и индивидуальном сознании.

Обозначим возможные последствия влияния гендерной стереотипизации на общество и личность конкретного человека.

Во-первых, гендерные стереотипы являются социально разделяемыми представлениями, и человек, желая быть социально приемлемым, пытается соответствовать стереотипам, репрезентирует себя в установленной обществом манере. Люди замечают тех, кто не соответствует установленному порядку вещей и, как правило, осуждают их. Социально осуждаемым может быть и выбор профессий, которые не соответствуют предписанным гендерным ролям, причем для мужчины здесь нормы более жесткие, чем для женщины. И, таким образом, гендерные стереотипы являются мощным рычагом социального контроля. В стабильном обществе, «замершем» на определенной стадии развития, такие стереотипы могут быть полезными, освобождая человека от груза самостоятельного выбора необходимой модели поведения, направления жизненного пути. Но в изменяющемся обществе люди сталкиваются с дискредитацией эффективности привычных стереотипов.

В сознании действует и обратный механизм – интерпретация мотивов поведения и результатов деятельности человека на основании его гендерной принадлежности (социальная каузальная атрибуция). Принадлежности к группе (в данном случае к группе мужчин или женщин) достаточно, чтобы объяснить мотивы поведения конкретных мужчин и конкретных женщин.

Во-вторых, гендерные стереотипы могут оказать весьма негативное влияние на жизненные притязания и достижения женщин. Дж. Олпорт сформулировал идею о том, что люди, являющиеся жертвами предрассудков, обычно развивают в себе именно те качества,

которые соответствуют этим предрассудкам. Многие западные исследователи вслед за Дж. Олпортом называют это «самовыполняющимся пророчеством». Если женские характеристики в обществе воспринимаются как негативные, то женщина не только их разделяет, но и программирует себя на неудачу, развивает в себе эти качества [317, 327].

Но не только женщины страдают от «заданности» своей роли. Мужчина, в стереотипные черты которого входят такие, например, характеристики, как доминирование, стремление к достижению цели, высокая конкурентоспособность, также программируют свое поведение в соответствии со стереотипом маскулинности. Однако в случае своего провала мужчины испытывают больший стресс, и понижение самооценки происходит у них быстрее, чем у женщин, так как планка достижений у них изначально завышена обществом [10, 119, 152, 153, 342, 343].

Общество, социальные институты, отдельные группы, политические силы, конкретные личности могут и сознательно эксплуатировать гендерные стереотипы с самыми различными намерениями. Один из способов – апелляция к гендерной идентичности человека с целью добиться желаемого типа поведения или желаемого типа ориентации. Такая апелляция устанавливает взаимосвязь между формами поведения индивида и определенными моделями маскулинности/фемининности: «если ты мужчина, ты должен суметь прокормить свою семью. А если тебе это не удастся, то какой же ты мужчина!». «Женщина (если она «правильная» женщина) должна посвятить себя семье и детям». Этот лозунг приобретает особую актуальность в те периоды, когда женщина должна «освободить» рабочие места для мужчин.

Следует учесть, что, как отмечает А. Н. Лактионов, «социальные стереотипы как таковые... никуда не исчезают, выполняя функцию стабилизации опыта. Но одновременно происходит их ломка, размывание, дискредитация, замена иными» [174, с. 373].

Это высказывание в полной мере относимо и к гендерным стереотипам. Сейчас идет очевидный этап ломки и размывания (слово, очень точно определяющее тот постоянно идущий, но не отчетливо очерченный процесс изменений) традиционных гендерных

стереотипов, которые в современных условиях выступают ограничителями для полноценной реализации человека в избранных им сферах.

Объективное изменение социальной ситуации потребовало изменения, в первую очередь, женщины. Чтобы успешно выполнять свои функции в современном производстве, женщина должна быть умной, энергичной, предприимчивой, то есть обладать рядом свойств, которые традиционно считались привилегией мужчин. Приобретая ряд новых качеств (и, возможно, потеряв ряд качеств, традиционно им присущих), женщины стали предъявлять требования к партнеру, которые выходили за рамки привычного представления о «настоящем мужчине». Перестройка традиционной системы половых ролей и соответствующих им культурных стереотипов шла (да и идет) не гладко. Люди, привыкшие ориентироваться на жесткую, однозначную норму, чувствуют себя неуверенно, испытывая психологический дискомфорт и тревогу. Процесс выстраивания гендерной идентичности стал более «индивидуализированным», но все ли к этому готовы?

Следование стереотипам негативно сказывается на психологическом самочувствии мужчин и женщин, так как женщины зачастую не реализуют себя полноценно в профессиональной сфере, мужчины же испытывают повышенные эмоциональные нагрузки из-за «сугубо мужской ответственности за материальное положение семьи», а с другой стороны, не в полной мере реализуют себя во внутрисемейной жизни.

Изменения, происходящие в современном обществе с социальными ролями женщины, с теми личностными характеристиками, которые воспринимались как полотиичные, вызывает у мужчин разные формы ответной реакции. Часть из них (к сожалению, как отмечают социологи, небольшая) принимает эти изменения гендерной системы, не пытаясь восстановить свою гегемонию и власть, и строит с женщинами равноправные, партнерские отношения. Другие же постулируют мужское господство, демонстрируя и отстаивая сексистскую позицию во всех сферах жизни. Третья же категория мужчин (вероятно, наиболее многочисленная) испытывает растерянность, дезорганизованность, не понимая и не зная, как

реагировать на те изменения, к которым она не готова, прежде всего, психологически.

И. С. Кон замечает, что на наших глазах идет «ломка полярностей, причем инициаторами выступают именно женщины: ведь это они, вмешиваясь в традиционные занятия мужчин, разрушают мужскую монополию. В результате сильную половину человечества если и нельзя назвать пострадавшей стороной, то уж стороной, приобретшей новые проблемы, вполне» [152, с. 36].

Все вышесказанное еще раз показывает взаимосвязь и взаимозависимость между вечными категориями «женского» и «мужского», между культурными, социальными и личными компонентами, обуславливающими содержательное наполнение образа себя и другого человека, являющегося представителем противоположного пола. Как на уровне теории, так и на практике, мы находимся на том этапе, когда исследовать мы можем только процесс, а не результат трансформации традиционных стереотипов, гендерных ролей, полотипичных качеств личности современных мужчин и женщин, который, в свою очередь, приводит к изменениям гендерной идентичности.

1.4. Изменения гендерной идентичности как составная часть процесса личностных изменений

Рассматривая вопрос о трансформации гендерной идентичности, нельзя не затронуть более широкомасштабную проблему личностных изменений. Ускорение процессов изменений, происходящих в социуме в XXI веке неизбежно, поэтому, чтобы сохранить психологическое здоровье, человек также должен постоянно меняться, достигая соответствия между идентичностью и задачами развития в данной биографической и социальной ситуации.

Личность человека, как отмечает П. В. Лушин [187], может быть представлена как открытая система, находящаяся в постоянном переходе к различным формам идентичности, но как воспринимать этот постоянный процесс личностных изменений? Психологи расходятся в ответе на этот вопрос. Здесь можно выделить две линии – «оптимистическую» и «пессимистическую».

«Оптимистическая» линия базируется на работах С. Л. Рубинштейна, К. А. Абульхановой-Славской [2, 3, 247]. Именно Рубинштейном была намечена концепция личности как субъекта жизни: «Линия, ведущая от того, чем человек был на одном этапе своей истории, к тому, чем он стал на следующем, проходит через то, что он сделал» [247, с. 636].

Эта позиция очень близка к представлению К. Роджерса о сути идентичности. Карл Роджерс считал, что чувство идентичности включает триединую оценку индивидами самих себя: кем мы были, кто мы сейчас и кем мы станем.

Понятие субъекта жизни позволило Рубинштейну раскрыть деятельную сущность личности, провести идею об индивидуально-активном человеке, человеке, создающем условия жизни и свое отношение к ней. Как отметила К. А. Абульханова-Славская, «в идее изменения жизни, в понимании ее условий как задач, требующих от человека определенных решений, – вот в чем и состояла новизна подхода Рубинштейна» [3, с. 28].

Представление о единстве или диалектике внешнего и внутреннего было сквозной темой работ С. Л. Рубинштейна. Любое воздействие рассматривалось им как взаимодействие, в котором эффект внешних причин с необходимостью корректируется внутренними условиями; внутреннее так или иначе обуславливает внешнее. На разных уровнях бытия (физическом, биологическом, социальном) содержание внешнего и внутреннего, а также характер их соотношения принимают различные формы; чем выше уровень организации, тем сложнее и многограннее взаимосвязь внешнего и внутреннего, тем более радикальному преобразованию подвергаются воздействия, идущие со стороны, и гибче осуществляемая активность.

Наиболее полно и глубоко данные представления воплотились в принципе детерминизма, согласно которому внешнее преломляется через внутреннее: отражение действительности опосредствуется психической деятельностью субъекта, который так или иначе видоизменяет саму действительность. Единая непрерывающаяся цепь объективных событий оказывалась замкнутой на субъекте и его свойствах. Раскрыть закономерности «внутреннего» (а это генеральная задача психологической науки) – значит указать способы

преобразования объекта в процессе отражения и регуляции деятельности субъекта. Выступая в качестве исходной методологической установки, принцип детерминизма подчеркивал порождающую (активную) роль внутренних условий и необходимость самодвижения, собственной логики существования и развития психического.

Аналогично и изменение идентичности (в любой ее форме) есть результат ее осознания. Развитие и трансформация идентичности предполагает формирование представлений человека относительно его положения в социуме и о самом социальном мире.

К. А. Абульханова-Славская, рассматривая проблемы личностных изменений в русле исследования жизненного пути, отмечает, что каждый человек является личностью, но не каждый способен стать субъектом (в понимании Рубинштейна), строителем, творцом своей жизни [3].

Личность включается в совокупность причин и следствий своей жизни не только как зависимая от внешних обстоятельств, но и как активно их преобразующая, более того, как формирующая в определенных пределах позицию и линию своей жизни.

Личность не просто изменяется на протяжении жизненного пути, не только проходит разные возрастные этапы. В качестве субъекта жизни она выступает как ее организатор, в чем и проявляется, прежде всего, индивидуальный характер жизни. Индивидуальность – это не только неповторимость жизни, которая обычно подчеркивается понятием судьбы как якобы независимой от человека. Индивидуальность жизни состоит в способности личности организовать ее по своему замыслу, в соответствии со своими склонностями, устремлениями (они отражаются в понятии «стиль жизни»). Чем меньше человек продумывает, осмысливает свою жизнь, чем меньше он стремится организовать ее ход, определить ее основное направление, тем больше, как правило, его жизнь становится подражательной, а потому похожей на жизнь других людей, стандартной. Если в условиях «застойного» периода существования нашего общества подражание могло быть достаточным условием благополучной жизни, то сейчас возникает необходимость активной деятельности по выстраиванию уникальной структуры всего того

комплекса свойств и качеств, который и составляет личность современного человека. Активность личности проявляется в том, что она не просто подстраивается, адаптируется к новым социальным условиям, а преобразует обстоятельства, направляет ход жизни, формирует новый образ себя.

При этом на базе одних идентичностей могут формироваться другие, между ними возможно возникновение противоречий, взаимное усиление или ослабление, изменение соотношения базисных для личности и кратковременных идентичностей, переоценка важного в данной жизненной ситуации и неважного, в результате чего отсекаются неактуальные идентичности.

Таким образом, связи между внешним и внутренним мыслятся как двусторонние: внешние социальные обстоятельства влияют на личность, но и личность может влиять на внешние обстоятельства, изменяя свой жизненный путь.

На другой, пессимистической позиции стоят многие западные психологи, трактующие личностные изменения как выживание (Р. Куртис, Р. Девис и Т. Миллан, Д. Форд и Р. Лернер и др.) [187].

Так, в частности, Р. Девис и Т. Миллан описывают посттравматическое стрессовое нарушение как одну из переходных форм, появление которой отражает ситуацию личностного изменения как выживания. Посттравматическое стрессовое нарушение связывают с переживанием события, выходящего за рамки обычного человеческого опыта. То есть, сталкиваясь с угрозой для сложившегося Я-образа, целостности своей личности, человек испытывает большую психологическую травму.

П. В. Лушин, анализируя проблемы психологического здоровья в контексте личностных изменений, приходит к иным выводам, признавая известную конструктивность психологической травмы, как компонента процесса психологического здоровья, и трактуя ее содержание в терминах переходного явления к новой норме существования личности, он отмечает, что «личностное изменение может представлять собой некоторую систему форм, раскрывающих определенную способность, которая может изначально задаваться и развиваться в процессе социализации личности. Она может распространяться как на всю структуру личности, так и на отдельные

ее компоненты. Этот процесс может более или менее полно и ответственно осознаваться и реализовываться в соответствующих естественных или специализированных для личностного изменения условиях» [187, с. 11].

Изменение в представлении о себе как о мужчине или о женщине (не в биологическом, а в социально-психологическом контексте) входит составной частью в концепцию личностного изменения. Правда, именно в гендерном аспекте социализация не готовит человека к возможным изменениям и трансформациям. Если о формировании, развитии, саморазвитии в процессе обучения и воспитания говорится неоднократно, а также создаются условия для определенных изменений, то не секрет, что в обыденном сознании все, так или иначе связанное с полом, выглядит как неизменное и предопределенное «биологией».

Интересную концепцию, в которой тесно переплетены контекст социализации, изменения и развития идентичности, предложил К. Хуррельман: он интегрировал три науки – психологию, социологию и педагогику при анализе проблем социализации личности [335]. Понятие «личность» рассматривается автором как часть определения социализации. Причем К. Хуррельман подчеркивает, что развитие личности можно описать как происходящие на протяжении всей жизни *долговременные изменения* (выделено мною) в основных элементах структуры мотиваций, черт, установок и навыков действий.

Проанализировав теории, использующие концепцию социализации, К. Хуррельман выделил две основные предпосылки: 1) общество оказывает реальное влияние на развитие личности; 2) человеческое существо становится субъектом, способным к социальному действию только через приспособление к материальной и социальной среде, а также через активную деятельность в ней. Автор называет четыре главные модели отношений между индивидом и средой.

Механическая модель, трактующая среду как данность и как причину поведения индивида. Импульсы развития находятся вне человеческого организма, а изменения в поведении можно интерпретировать как ответ на определенные условия среды.

Органическая модель, допускающая, что импульсы развития человека лежат внутри организма. Развитие – процесс естественного роста, протекающий согласно специфическим законам и правилам, имеющим всеобщее значение.

Системная модель, трактующая импульсы развития индивида как результат взаимного приспособления и воздействия индивида и среды. Взаимно проникая, обе системы в ходе своего развития достигают более или менее стабильного состояния равновесия. Оптимальное удовлетворение потребностей индивида и освобождение определенной активности возможны только в состоянии равновесия.

Контекстуальная модель, считающая, что развитие личности – длящийся всю жизнь процесс интеракции между человеческим организмом и социальной и материальной средой. Личность формируется в ходе процессов непрерывной конфронтации со средой и непрерывно повторяющихся усилий овладения ею.

Автор обращает внимание, что практически во всех новейших теориях, пытающихся объяснить процесс формирования и развития личности, акцент делается на определении сущности взаимных отношений между индивидом и средой. К. Хуррельман выделяет несколько важных моментов, объединяющих новые подходы к анализу социализации личности:

1. Все современные теории отталкиваются от прямолинейной концепции однофакторного развития личности. Вместе с тем все они разделяют убеждение, что развитие личности происходит посредством и в ходе интеракции со средой, что конструирование норм и стандартов поведения – результат процессов интеракции, и в то же время оно приводит к постоянным изменениям как в чертах индивида, так и в свойствах среды.

2. Современные теории опираются на такую модель взаимоотношений индивида и общества, которая помещает человеческий субъект в социальный и экологический контекст, воздействующий на него, при одновременном воздействии субъекта на этот контекст. Такое специфически познавательное понимание человеческого развития автор называет моделью творческого преобразования действительности.

3. Сферу исследований процессов социализации можно точно установить только тогда, когда будут приняты во внимание все субъективные и объективные факторы, влияющие на их ход, когда будет указана взаимосвязь процессов, с одной стороны, социальной институализации, с другой – внутриспсихического формирования личности.

Несомненно, что сама быстро меняющаяся социальная ситуация развития подталкивает исследователей к концентрации внимания на том факте, что личность формируется непрерывно, и этот процесс зависит от изменений социальных и культурных факторов. В развитии личности, в формировании ее гендерной идентичности происходит то, что А. Н. Лактионов назвал «универсальной социально-психологической драмой столкновения старого и нового опыта» [174, с. 457].

К. Хуррельман высказывает очень важную и интересную мысль о значении идентичности. Ставя проблему успешной и неудачной социализации, он вводит понятие *автоконцепции*, то есть образа самого себя, внутреннего представления обо всем комплексе мотивов, умений, установок и компетенций действия, а также их когнитивной переоценки и эмоциональной оценки, получаемой индивидом в ходе наблюдения за собственной активностью. Автоконцепция формируется с помощью сознательного или неосознанного преобразования информации о самом себе, о когнитивных, моральных, эмоциональных, языковых, социальных и эстетических сферах личной компетентности, информации, получаемой при восприятии собственной деятельности в процессе конфронтации с социальной и материальной средой и внутренними потребностями и интересами. На процесс формирования автоконцепции большое влияние оказывают отношение и высказывания о нас наших партнеров по интеракции (причем мы придаем большее значение мнениям тех лиц, которые доброжелательно к нам относятся).

Именно автоконцепция является источником «идентичности», то есть поддержания индивидом непрерывности, основанной на автоконцепции самосознания, независимо от тех ролей, которые индивид выполняет в очередных периодах своей жизни. *Развитие и поддержание идентичности в современном обществе*

равнозначно обладанию адаптационными способностями, дающими возможность находить смысл и удовлетворение в различных ситуациях, условиях повседневной жизни (выделено мною). Автоконцепция помогает в ходе жизненного процесса смотреть на свои очередные достижения с некоторой дистанции и должна приводить к формированию сильного чувства стабильной идентичности, внутренне свободной от давления организованной социальной действительности. Естественно, что автоконцепция включает и то содержание, которое обычно описывается понятием гендерной идентичности.

Но расширяющийся спектр социальных влияний создает угрозу выстроенной индивидом идентичности, а это приводит к росту стрессовых состояний, а в некоторых ситуациях – к появлению агрессивных, асоциальных форм поведения (та же компенсаторная мужественность, о которой мы говорили ранее).

Влияние времени, обстоятельств и критических, поворотных событий в жизни человека приводит к изменениям, распространяющимся даже на «ядро» личности. Поэтому социально-экономические трансформации, происходившие в нашей стране в последние десятилетия, не могли не повлиять на многие, казавшиеся ранее стабильными, представления мужчин и женщин о себе. Идентичность человека изменяется в течение всей его жизни, так как расширяется спектр знаний о себе, полученный в результате взаимодействия с другими людьми, меняется стиль жизни, модифицируются социальные роли. Гендерная идентичность является одной из важнейших и, наряду с этнической, наиболее стабильной среди всех форм социальной идентичности человека. Тем не менее подавляющее большинство жителей Украины столкнулись с такими этапными жизненными событиями (как позитивной, так и негативной модальности), которые затронули и некоторые аспекты гендерной идентичности. Жесткая заданность женских и мужских внутрисемейных ролей ломается под напором женщин, успешно работающих в сфере бизнеса, возглавляющих свои предприятия, фирмы, женщин-политиков. Овладев новыми социальными ролями, женщины стали реализовать в своей деятельности, во взаимоотношениях с окружающими те комплексы качеств, которые традиционно считались

присущими мужскому полу: аналитический ум, напористость, соревновательность, лидерские способности, агрессивность и др. Весь этот набор качеств вступает в противоречие с тем идеалом традиционной женственности, который культивировался в обществе долгие годы. В соответствии с этим потребность в выстраивании новой идентичности актуализируется, но... В массовом сознании (причем не только у мужчин, но и у многих женщин) существует установка, что, делая успешную карьеру, женщина теряет свою женственность, становится «мужиком в юбке». Культурные традиции не одобряют женщин, добившихся большего карьерного и финансового успеха, чем их мужья.

Женские журналы, рассчитанные на аудиторию успешных женщин, дают рекомендации, в основе которых лежит искусственное, механическое объединение двух образов: на работе – бизнес-леди, а дома – заботливая жена и мать, ни в коем случае не претендующая на первые роли. «Переступая порог дома, вы должны забыть, что вы руководитель фирмы, дома вы прежде всего жена – ласковая, нежная и заботливая...». Ежедневная необходимость играть две противоположные по своему психологическому содержанию межличностные роли рассматривается как единственный возможный выход для деловой женщины, желающей сохранить семью. Выстраиваемая при этом модель новой идентичности внутренне противоречива и конфликтна.

Не менее сложным оказывается и положение мужчины. В такой взаимосвязанной системе, как полоролевые отношения, изменение одного элемента неизбежно влечет за собой изменение других. Поэтому трансформация представлений женщин об истинной женственности в современных условиях, изменения женского ролевого поведения требует соответствующих изменений «мужского», иначе система потеряет стабильность.

Ведь, как очень точно было отмечено в статье А. С. Кочаряна, Г. С. Кочаряна и Н. И. Терещенко, «женское» и «мужское» являются системными качествами и обнаруживают себя не во внутреннем пространстве женщины или мужчины, а в их взаимоотношениях» [167, с. 137].

Изменения гендерной составляющей идентичности молодежи подтверждают и результаты исследований. Так, в частности, опрос студенток, проведенный нами по модифицированной анкете половых ролей С. Бем, показал, что из 27 качеств, отнесенных большинством опрошенных к нейтральным (то есть в равной степени присущим обоим полам), к таковым, по классификации С. Бем, относится только 14 (или 51,8%), остальные же оценивались как маскулинные (7 качеств) и феминные (6 качеств). То есть тенденция к расширению спектра качеств, оцениваемых как присущие личности, вне зависимости от принадлежности к конкретному полу, просматривается достаточно отчетливо. При этом гендерная составляющая идентичности не редуцируется, наоборот, возможно расширение психологического мира мужчин и женщин за счет отказа от отживших стереотипов, актуализация которых в сознании современных украинцев чревата кризисами идентичности.

Проведенное Т. В. Говорун исследование этносоциальных нормативов гендерного поведения, распространенных в украинском обществе, показало, что социум закладывает такой сценарий приобретения гендерной идентичности, который соединяет в себе как социально типичное, так и индивидуальное. Индивидуальное и социально типичное выступают, как правило, дисгармоничными слагаемыми образа «Я» [76].

С этим нельзя не согласиться, так как и наши исследования, представленные в последующих главах, показывают изменения в индивидуальных слагаемых, уход от традиционного набора феминных и маскулинных качеств у отдельной личности. Индивидуальное, таким образом, выступает как инновационное, тяготеющее к андрогинии, а социально типичное, как традиционное, сохраняет дихотомию полов.

ГЛАВА 2

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ПРИНЯТИЯ НОВЫХ МОДЕЛЕЙ МУЖЕСТВЕННОСТИ И ЖЕНСТВЕННОСТИ В СЕМЕЙНОЙ СФЕРЕ

2.1. Тенденции изменений семейно-брачных отношений и их влияние на гендерную идентичность

Рассматриваем ли мы различные аспекты формирования и трансформации гендерной идентичности, либо содержание и влияние гендерных стереотипов на выбор жизненного пути личности, мы так или иначе не можем обойти вниманием такой важнейший агент социализации, как семья.

Именно внутри семьи живут и активно транслируются гендерные стереотипы, создаются первые установки, разделяющие «настоящее мужское» и «истинно женское» поведение: «Мальчики не плачут»; «хорошие девочки не дерутся» и т. п. В семье же человек получает (и закрепляет) стандарты «правильного», «естественного» для представителя определенного пола жизненного пути, в ней создается первый эскиз образа и стиля жизни настоящей женщины и настоящего мужчины.

Семья дает тот образец взаимоотношений между мужчиной и женщиной, который либо будет эталоном, к которому человек станет стремиться в течение всей своей жизни, либо (и в этом случае влияние семьи будет не менее сильным) жупелом, от которого будут бежать.

Неоспорим тот факт, что семья является и сильнейшим фактором влияния на формирование гендерной идентичности, и значимой жизненной сферой, в которой удовлетворяются важнейшие потребности человека, и зачастую точкой отсчета для многих людей для оценки успешности либо неуспешности в своей жизни.

Но если еще несколько десятилетий тому назад семья рассматривалась как нечто относительно стабильное и маловариативное

(в психологических исследованиях обычно анализировались семьи полные и неполные; благополучные и неблагополучные; мало- и многодетные), то сейчас, говоря о трансформационных процессах, затрагивающих личность, сознание мужчин и женщин, мы не можем не затронуть проблемы изменений семьи, так как эти явления, несомненно, взаимосвязаны. Ведь являясь важнейшим базовым элементом общества, семья обеспечивает трансляцию культуры социума от одного поколения к другому, создавая основу для формирования «исходной» модели гендерной идентичности. Но справляется ли современная семья с этой важнейшей функцией?

Подавляющее большинство специалистов, изучающих современную семью, – психологи, социологи, философы, демографы – сходятся во мнении о том, что семья переживает серьезный кризис.

Сформировавшаяся в обществе тенденция была очень точно отмечена СМИ: если раньше информация в прессе проходила под лозунгом: «Семья – это хорошо», то сейчас девиз несколько изменился: «Семья – хорошо ли это?»

Кризис, переживаемый современной семьей, естественным образом связан со значительными изменениями социальной жизни в целом. Как отмечал еще десять лет назад Г. Г. Дилigentский, «современные сдвиги в отношениях между индивидом и социумом идут в направлении большей эластичности, многосторонности, меньшей жесткости социальных связей человека и создают, следовательно, больший простор проявлению его индивидуальности [14, с. 119–120]. Семья же является посредником между индивидом и обществом и не может не испытывать на себе последствия этих сдвигов в общественном и индивидуальном сознании, становясь, соответственно, менее жесткой и менее «определенной» структурой. Кроме того, есть целый ряд внешних факторов (социальных, экономических, демографических, идеологических и т. п.), которые неблагоприятно влияют на семью, дестабилизируя ее. Об объективных и субъективных причинах кризиса современных семейно-брачных отношений и об «удельном весе» этих факторов можно полемизировать долго, но есть реальная статистика, наглядно демонстрирующая наличие серьезной проблемы, имеющей древние корни.

Союз супругов становится все более и более непрочным и все легче и легче разрывается. Доказательством этому служат многие факты:

1) все быстрее и быстрее растет процент разводов и «разлучений от стола и ложа»;

2) происходит уменьшение самого числа браков, свидетельствующее о том, что все больше и больше становится лиц, не желающих связывать себя современными узами «законного брака»;

3) рост «внебрачных» союзов мужчины и женщины;

4) рост проституции;

5) падение рождаемости детей и т. д.

Перечень фактов абсолютно современный, но об этих кризисных явлениях современной семьи писал еще в 1916 году П. А. Сорокин [261].

Аналогичную картину видим мы и сегодня, в третьем тысячелетии. В Украине в 2000 году было зарегистрировано 274,5 тысяч браков, что почти вдвое меньше показателей 1989 года [237, с. 13]. Среднее количество браков на 1 тыс. жителей Украины в 2000 году было наименьшим за весь период после Второй мировой войны.

Из-за большого количества разводов сокращается прирост брачных пар. В 2000 году прирост брачных пар в среднем на 1 тыс. жителей Украины составил всего 1,5 пары по сравнению с 5,8 парами в 1989 году [237, с. 14].

Растет количество добрачных половых отношений и гражданских браков. Такая картина является типичной для всей европейской части постсоветского пространства. Так, в частности, в 1990-е годы российские социологи стали активно поднимать тему кризиса института семьи, так как многочисленные факты свидетельствовали о ее неспособности выполнять традиционные функции и роли. Приведем наиболее яркие факты:

– постоянное увеличение удельного веса матерей, воспитывающих ребенка без мужа. По данным выборочной переписи 1994 года, в РФ 20% семей с детьми несовершеннолетнего возраста были «неполными», преимущественно материнскими;

– рост числа родителей (отчимов, мачех, приемных родителей), не связанных с воспитываемым ребенком биологическими узами.

Вследствие увеличения разводов и внебрачных рождений (19,6% всех новорожденных в 1994 году были рождены вне брака) многие отцы (иногда матери) не проживают с детьми, причем некоторые из них являются «эпизодическими», а другие, не поддерживая никаких контактов с ребенком, так и остаются только биологическими родителями;

– снижение брачности и рождаемости (в 1920 году суммарный коэффициент рождаемости у российских женщин составлял в среднем 7,5 ребенка, а в 1994 году – 1,4);

– как результат снижения рождаемости увеличивается число однопородителей;

– кризис отцовской воспитательной роли.

– увеличение числа разводов, брошенных детей и сирот [106].

Все эти факторы в совокупности рисуют достаточно угрожающую картину не только с точки зрения демографии, но и с психологической точки зрения. Разрыв родительско-детских связей, отсутствие отца и мужа как элемента повседневной жизни семьи, ощущение непостоянства, временности пребывания в семье неминуемо отражается и на формировании гендерной идентичности (отсутствие «образца» мужчины), и на установках по отношению к семейной жизни, и на месте семейной жизни в иерархии жизненных ценностей. Причем здесь в равной степени возможны прямо противоположные варианты от абсолютизации значимости семьи до низведения ее статуса к уровню малозначимого факта в жизни человека.

Истоки ряда проблем семейной жизни не порождены только трудностями и сложностями переходного периода. Традиционная семья и брак претерпели серьезные трансформации в течение XX века, особенно в годы советской власти. «Истоки сегодняшней девальвации ценностей в семье и в нашей стране – в исторических особенностях развития нашего общества. Начиная с 1920-х годов ориентация на семью вступает в противоречие с нормативными идеалами, которые находились на верхушке пирамиды социальных ценностей. Оказавшись неконкурентоспособной, ценность семьи в реальной жизни начала падать, хотя одновременно декларативно «расцветала». Сокращение свободного времени резко уменьшило время семейного общения, как у супругов, так и у родителей

с детьми. Полноценное семейное воспитание было заменено государственным конвейером (ясли, детсад, школа с группами продленного дня). В этих условиях выросло несколько поколений отчужденных от родительского дома, от семейных отношений» [237].

Были также нарушены традиционные (христианские) основы, размыты ценности брака. Государство «отменило» церковный брак и взяло на себя роль нормировщика и контролера личной жизни человека, основного воспитателя подрастающего поколения. История же брака показывает два основных направления среди разнообразных форм его существования, которые определяются обществом: религиозные основы, религиозное осмысление брака и семьи и полное освобождение брака и семьи от «гнета» религии. В последнем случае (как это было в СССР), прежде всего, отрицается брак как таинство, осмеиваются его христианские идеалы (духовная основа семьи, духовная миссия мужа и отца, церковные венцы как символы идеальной любви и осмысленных печалей – «один другого тяжести носите» и т. д.). В основе многих негативных феноменов – развод как выход из трудностей, аборт, как привычное явление, отчуждение родителей и детей, нарушение супружеских взаимоотношений – лежит разрушение духовных основ семьи.

Не хотелось бы, чтобы вышесказанное выглядело как противопоставление «хорошего» религиозного и «плохого» светского брака. Светский брак может (и должен) строиться на духовных и морально-этических основах. Проблема заключается в том, что в светском браке христианские идеалы и символика не получили адекватной замены и соответствующего подкрепления в дальнейшем. То, что семья является ячейкой общества, неоспоримо, но насколько понимание этого мотивирует конкретного человека к усилиям по ее сохранению?

В ряде социологических работ указывается на то, что семья периода перестройки существенно отличается от семьи доперестроечного периода [14, 102, 106, 117, 134, 245]. Коренные преобразования общества неизбежно отражаются на семье как ячейке этого общества. Понижение уровня жизни, изменения социальной среды, рост конкурентности в профессиональной сфере увеличивают зависимость человека от семьи, которая призвана служить опорой

и поддержкой личности в изменчивом социальном мире. С другой стороны, ломка социальных институтов, ранее защищавших деятельность семьи, прекращение поощрения государством семейного образа жизни (например, санкции против разводящихся, преимущества социального статуса человека, состоящего в браке, в решении жилищной проблемы, помощь одиноким матерям и другим «проблемным» типам семей) значительно осложняют функционирование семьи. В этих условиях возрастает роль супружеского взаимодействия, так как многие проблемы семьи должны сейчас решаться на микроуровне – в рамках личных отношений домочадцев. Как известно, сплоченные группы в трудностях еще больше сплочиваются, проблемные – распадаются. Трудные социальные обстоятельства обнажают имеющиеся в семье противоречия, которые при благоприятных условиях не проявились бы. Отметим все-таки, что внутренние ресурсы даже благополучной семьи не безграничны, и даже сплоченные могут выдерживать напор проблем до определенного предела. Тем не менее специалисты в области семейной психологии А. А. Бодалев и В. В. Столин подчеркивают, что семья сегодня гораздо больше зависит от своего внутреннего потенциала: межличностных чувств, способов общения, личностных черт ее членов [44].

Чем дальше, тем более становится очевидным тот факт, что кризисные явления, происходящие в семье, нельзя объяснить только негативными внешними влияниями. Ведь в таком случае достаточно было бы лишь устранить некие неблагоприятные внешние воздействия, создать оптимальные условия для функционирования семьи, и кризисные явления исчезнут.

Если бы это было так, то семейное неблагополучие мы бы обнаруживали только на самых низких ступенях социальной лестницы и в наименее экономически благополучных странах. На самом деле, чем выше уровень жизни в социуме, тем больше проявляется в нем семейных проблем. А название популярного сериала «Богатые тоже плачут» может стать итоговой строкой анализа социального состава клиентов семейных психотерапевтов.

Важно также отметить тот факт, что в трансформирующемся обществе происходит смена позиций во взаимодействии трех

разноуровневых субъектов: общества, семьи, как малой группы, и индивида. Если в дореформенный период иерархия их взаимоотношений напоминала пирамиду, в основании которой находился индивид, а на вершине – общество, то сегодня позиции меняются: индивид занимает верхнюю, лидирующую позицию, тогда как общество оказывается в нижней, подчиненной. Семья же сохраняет свое центральное место в иерархии, по-прежнему являясь каналом разрешения противоречий между социумом и индивидом.

Тем не менее, выполняя функцию посредника, семья, как отмечает А. Б. Орлов, имеет двойную ориентацию: она одновременно социо- и человекоцентрична [218].

Социоцентричную семью мы можем определить как традиционную, так как ее специфика состоит в том, что она обладает очень четкой избирательностью при осуществлении всех своих функций: семья транслирует и формирует только те ценности, которые являются социально приемлемыми и социально одобряемыми в данном конкретном социуме, в данной конкретной социальной группе. Эта избирательность семьи означает принятие в ее членах только таких качеств и проявлений, которые отвечают стандарту социально приемлемого и одобряемого.

А. Б. Орлов замечает, что социоцентричная семья принимает, по терминологии К. Юнга, только «персоны», хотя на самом деле человек является значительно более содержательной и многоаспектной личностью. Таким образом, традиционная социоцентричная семья взаимодействует, прежде всего, как система ролей и масок, и с точки зрения формирования гендерной идентичности можно сказать о том, что такая семья задает жесткий «формат», соответствующий стандартам данного социума. И в этом есть как положительная сторона – четкость, стабильность, однозначность образа мужчины и женщины, так и отрицательная – если стандарт не «присваивается» гладко и безболезненно, человек, «выпадающий» из этого стандарта, «выпадает» и из семьи или ставит ее на грань кризиса.

В случае же человекоцентричной семьи чувствительность, сенситивность проявляется не столько к запросам общества, сколько к интересам и запросам своих членов.

Как отмечает А. Б. Орлов, в условиях общения, складывающегося в человекоцентричной семье, человек не склонен вытеснять из своего сознания все то, что так или иначе не совпадает с содержанием его персоны. При этом сама персона (то есть принимаемые значимыми другими проявления индивида) утрачивает четкость и определенность своих границ. Подобное «размывание» границ персоны происходит прежде всего за счет того, что теневые (непринимаемые) проявления человека фактически исчезают.

Таким образом, именно в человекоцентричных семьях возможен относительно безболезненный процесс выстраивания и трансформации индивидуализированной модели гендерной идентичности, свободной от ограничивающих стереотипов и тех ролевых предписаний, которые исчерпали свой позитивный потенциал в новых условиях.

С психологической точки зрения можно говорить о кризисе, который переживает традиционная, социоцентричная семья, но это кризис не смерти, а перерождения, перехода в иную, в большей степени отвечающую потребностям современного человека, форму.

Происходящее сейчас сужение структуры семьи, как и ограничение спектра и объема выполняемых ею функций, можно рассматривать как стратегии негативной адаптации к условиям социальных и экономических изменений. Более того, в настоящих условиях действует закон центробежной силы: чем выше уровень дестабилизации общества, чем активнее идет процесс дезинтеграции социальных институтов, взаимосвязанных с институтом семьи, тем сильнее семья, как социальная группа, стремится освободиться от социального контроля и обрести неформальный статус либо в формальных рамках, либо вне их.

Согласно традиции, заложенной еще О. Контом, семья, как основная «клеточка» общества и его наиболее устойчивый институт, рассматривалась прежде всего с точки зрения ее социальной функции. Социологи видели в семье ту основу, на которой складываются и развиваются любые исторические общности (род, племя, народ), формируются политические структуры. Этим утверждалось то важное положение, что семья как сфера и инструмент социализации индивидов служит хранительницей культурных традиций общества,

что она есть та форма жизнедеятельности, в которой вырабатываются механизмы согласования взглядов индивидов, принадлежащих к разным поколениям. И, что особенно важно здесь подчеркнуть, поскольку это служит выражением одного из существенных признаков семьи как социального института, она есть та естественная среда, где постоянно встречаются старое и новое и происходит соединение традиции и новаторства. То есть в жизни семьи есть то особое, благодаря которому в ней совершается творческая переработка действительности, вырабатываются новые модели отношений мужчин и женщин, уникальные иерархии внутрисемейных целей и ценностей.

В целом, современное состояние семьи как социального института и как элемента культуры трактуется достаточно противоречиво. Сегодня как в Украине и России, так и на Западе по данному вопросу существуют порой прямо противоположные взгляды [14, 15, 73, 106, 117, 134, 235, 259, 260]. Так, сторонники «парадигмы модернизации» (А. Г. Вишневецкий и его последователи) ратуют за завершение перехода от семьи традиционной, патриархальной к семье современной; сторонники «кризисной парадигмы» (А. И. Антонов, В. Н. Архангельский, В. А. Борисов, В. М. Медков, С. В. Дармодехин и др.), наоборот, выступают за создание условий для возрождения семьи как социального института, то есть по сути традиционной семьи; сторонники «минимизации последствий кризиса для семьи и общества» (А. Г. Волков, В. В. Елизаров и др.), совпадая в теоретическом отношении со взглядами сторонников «парадигмы модернизации», в практическом плане большой акцент делают на необходимости решения социальных задач по социальной защите «слабых» социально-демографических групп населения посредством выплат семейных пособий и других льгот» [14].

Аналогичные процессы наблюдаются на Западе. Л. Руссель, Н. Смелзер и другие, относящиеся к представителям «осторожного оптимизма», полагают, что если семья и переживает кризис, то это кризис не института семьи как такового, а кризис его старых форм и признак перехода к новым. Хотя в противовес оптимизму высказываются опасения, что в обществе может возобладать пагубный индивидуализм и эгоизм, способные разрушить и семью, и общество [257, 258].

С точки зрения психологии особый интерес вызывает позиция Э. Берджеса [106]. Он говорит о том, что урбанизация и индустриализация привели к упадку традиционной семьи. Но это не значит, что семья умерла, считает Э. Берджес, она меняется, супружеские отношения становятся «относительно бесструктурными», большее значение приобретает индивидуальная способность партнеров к адаптации, а прочность брака становится зависимой главным образом от психологических усилий супругов, то есть семья изменяется, утрачивая все признаки социального института, и превращается в свободную ассоциацию лиц, взаимодействующих ради своих личных желаний и потребностей, в «товарищеское общение», содружество. Следовательно, любые проблемы семьи – это психологические проблемы, и они могут быть благополучно разрешены индивидуальными усилиями ее членов. Но отмечу, супруги должны быть к этому готовы и психологически, и «технологически» – как на практике эти индивидуальные потребности и интересы привести к общему знаменателю.

Плохое супружество негативно влияет на жизнь личности и на жизнь общества, причем страдают не только дети, хотя они – прежде всего. Еще совсем недавно в американском обществе популярной была такая идея: «Если вас не устраивает ваш партнер, уходите и ищите другой, более счастливой жизни». Сейчас доминирующие установки меняются: супруги с неладом в совместной жизни, как правило, хотят остаться вместе и ищут для этого профессиональной психологической помощи. К сожалению, в Украине мы наблюдаем пока только первые ростки такого подхода.

Значимость психологических аспектов взаимодействия супругов друг с другом в современной семье четко очерчена в концепции Дэвида Элкинда, описывающего движение от «нуклеарной» к «проницаемой» (permeable) семье [322]. В нуклеарной семье существовали ясные и жесткие границы между домом и жизнью за его пределами, между жизнью детей и взрослых и она, в определенной мере, выступала как идиллическое убежище от требований внешнего мира. В «проницаемой» семье эти границы начинают стираться, для нее характерны открытость, сложность и разнообразие жизненных стилей. Выбор стиля жизни и поведения в современной семье

гораздо шире, чем прежде, но жесткие границы нуклеарной семьи в большей степени отвечали потребностям детского развития, так как это была семья, сконцентрированная на детях, живущая ради детей и делающая все, чтобы создать для детей комфортные «тепличные» условия. Такая картина типична и для большинства украинских семей, которые, по сути, являются «детоцентрированными». Для достижения блага детей взрослые зачастую были вынуждены жертвовать своими интересами, ограничивать свое личностное развитие, и в этом состоит, как указывает Д. Элкин, «старый дисбаланс в семье».

Особенности современной проницаемой семьи в большей мере соответствуют потребностям взрослых, но расширение «степеней свободы» произошло в основном за счет удовлетворения потребностей детей, что привело сегодня к «новому дисбалансу». В проницаемой семье у детей появляется ощущение необходимости жертвовать своими потребностями в безопасности и защите, чтобы соответствовать ожиданиям родителей и общества, требующих от них большей самостоятельности и автономии (и это также реальность нашего общества сегодня).

Аналогично женщинам, на которых падала основная стрессовая нагрузка в нуклеарной семье, нынешняя молодежь обращает свое раздражение против себя или окружающего мира. Начиная с середины XX века, появляются свидетельства, подрывающие миф о нуклеарной семье как идеальной структуре для создания здоровых и счастливых родственных отношений. Все больше обсуждаются и предаются гласности проблемы насилия в семье, дурного обращения с детьми, отсутствия между членами семьи теплых отношений, подавления одних членов семьи другими. Глубокие социально-политические изменения 1960–70-х годов – требования признания человеческого разнообразия, уважения прав меньшинств и женщин, молодежные движения и т. д., а также астрономический рост разводов привели к полному разрушению мифов о нуклеарной семье. Приведу цитату, ярко иллюстрирующую отношение многих западных психологов к традиционной семье: «В стандартной нуклеарной семье мужчина и женщина спасают друг друга многими способами в различных ситуациях. Папа спасает семью тем, что

содержит машину в порядке, зарабатывает деньги сорок часов в неделю на работе (которую он ненавидит); мама спасает семью, отдавая заботу и любовь, заботясь о том, чтобы каждый чувствовал себя хорошо, давая каждому то, в чем он нуждается, еще до того, как он об этом попросит, – в общем, отдавая детям больше заботы, чем они когда-либо смогут вернуть ей» [303 с. 227]. Изменения, происходящие в традиционной семье, подорвали убеждения в единственности структуры, способной удовлетворить эмоциональные потребности всех ее членов. Семья эпохи «постмодерна» – это не одна картина, а мозаика (паттерн) человеческих отношений. Семья, где оба родителя работают; семья, в которой есть только мать или только отец; семья, живущая в незарегистрированном браке, «встречающаяся семья» и т. д., – все это сегодня если не принимается полностью всеми, то, по крайней мере, уже признается возможными способами реализации семейных отношений. Нуклеарная семья остается идеалом для некоторых или даже идеалом вообще, но общество ясно осознает, что сама по себе «нуклеарность» ничего не значит. За ней могут скрываться как эмоционально крепкие, здоровые и финансово устойчивые отношения, так и тяжелые и неприглядные компромиссы «ради» детей или каких-либо других обстоятельств [33, 303, 322].

Наиболее сильными в семье являются эмоциональные связи, скрепляющие членов семьи друг с другом. В нуклеарной семье эти связи были центрированы на детях: главным считалось благополучие детей и самопожертвование взрослых. В проницаемой семье большая часть отношений направлена на поддержание благополучия взрослых и требует определенного самопожертвования со стороны детей. Автор показывает ряд знаковых изменений, которые претерпели «три кита» нуклеарной семьи – романтическая любовь, материнская любовь и чувство дома (чувство принадлежности к семейному обществу).

Романтическая любовь основана на вере в единственность того человека, с которым суждено встречаться, чтобы любить его всю жизнь. Она подразумевает относительную беспомощность женщины, ее зависимое положение, ожидание «прекрасного принца», у которого она найдет защиту и опору и которому сможет

посвятить свою жизнь. Сегодня ситуация значительно изменилась: место романтической любви заняли договорные отношения. Если романтические отношения можно было бы назвать идиллическими и мистическими, то «договорные» практичны и реалистичны и подразумевают вполне сознательный выбор и принятие решений. «Договор» означает достижение согласия партнеров по поводу сексуальных отношений, выбор друг друга как моногамных партнеров и определение общих позиций по вопросу организации семейной жизни. В случае невыполнения одной из сторон своих обязательств развод считается естественным. И это очень показательно, так как переход от эмоционально-чувствительного принятия решения «люблю» к рациональному подразумевает отказ от многих мифов общественного и индивидуального сознания. И, прежде всего, мифа о женщине, ведь именно ее рациональность, расчетливость в любовных отношениях особенно активно осуждалась общественным мнением. Договорные же отношения предполагают равных партнеров со сходным балансом рациональных и эмоциональных компонентов, то есть андрогинный тип личности.

Как мы видим, романтическая любовь предполагает женщину с традиционными установками, обладающую чертами, вписывающимися в классический фемининный набор. Договорные же отношения (которые вовсе не исключают любви), с одной стороны, предполагают, а с другой, и формируют иной набор качеств, причем не только у женщины, но и у мужчины.

Материнская любовь означает глубокую преданность, полную и постоянную доступность матери, ее посвященность проблемам детей. В XX веке «мать-наседка» стала, благодаря психоаналитикам, считаться чуть ли не основной причиной детских неврозов, препятствием на пути автономии ребенка. В проницаемой семье и мать, и отец несут равную ответственность за воспитание детей, более того, они разделяют ее с детскими учреждениями, и следствием этого стал отказ от одностороннего авторитета в семье в пользу взаимного. Отказ от иерархичности во взаимоотношениях – общий процесс, характерный не только для семейной жизни, но и для общества в целом. Все больше людей стремится к утверждению

равных, товарищеских отношений, что имеет не только позитивные последствия. Негативные последствия заключаются в том, что родители лишаются возможностей руководства и влияния на поведение ребенка, в чем он насущно нуждается. Эти изменения менее характерны для украинских семей, отношения «родители – дети» у нас в большей части семей до сих пор воспринимаются и реализуются на практике как иерархические. В тех же случаях, когда родители лишаются возможности руководства и влияния на детей, это, чаще всего, связано с экономическими и социальными факторами: работающие с утра до вечера родители (или один родитель) просто физически отсутствуют в жизни детей, выполняя только функцию их материального обеспечения, редуцируя при этом воспитательную функцию.

«Чувство дома» постоянно подрывается различными требованиями, которые диктуют разным членам семьи их собственные занятия. Появляется «чувство города» как места, где ребенок передвигается, осваивая различные его пространства и возможности, однако пространства принципиально ему не принадлежащего, а общего. Чувство близости («мы», «вместе») сменяется чувством автономии. Последняя означает по сути то, что каждый из членов семьи имеет право ставить собственную потребность в самореализации выше потребностей семьи как целого. Всемерное подчеркивание самоуважения и необходимости поддержания самооценки, ставшее сегодня чуть ли не основным принципом воспитательной и педагогической работы в американской практике, вступает в противоречие с требованием приспособления к окружающим и обществу в целом. Как итог – самореализация становится более важной, чем благополучие общества.

Для нас эта проблема кажется менее актуальной, чем для американского общества. Тем не менее количество молодых людей, не спешащих вступать в брак, рассматривающих семейный союз как помеху в успешной карьере, растет с каждым годом.

Перекликаются с вышеизложенным идеи о трансформации семейных отношений, высказанные М. Тейлором и Ш. МакГи, продолжающих разрушение мифа нуклеарной, традиционной семьи

[346]. В своей психотерапевтической практике семейного консультирования они опираются на следующие идеи:

1. Главная проблема семейно-брачных отношений состоит в том, что человеческие существа эволюционировали как вид и как партнеры по любви, при этом модель брака и взаимоотношений в нем осталась, в основном, без изменений. Эта модель, с точки зрения авторов, не только игнорирует бесспорные человеческие потребности: учиться любить самих себя, находить свое призвание в жизни и посвящать себя ей, но и потребность в подлинной, непрерывно развивающейся эмоциональной связи с другим человеком.

2. Революционным для супружеских пар является признание этих высших потребностей: любви к себе, жизненного призвания и эмоциональной близости, что позволяет объединить в единое целое индивидуальные предпосылки счастья с предпосылками благополучия взаимоотношений.

3. Традиционная модель семейно-брачных отношений ориентирована в большей степени на удовлетворение потребностей «низшего порядка», то есть потребностей в еде, физической безопасности и чувства общности. При этом традиционная модель брака никогда не ставила перед собой задачу сочетания индивидуальных высших потребностей с потребностями семьи, что угрожает потере собственного «Я» в семье.

М. Тейлор и Ш. МакГи рассматривают традиционные отношения в браке как «врага», «ловушку», в которую попадают современные люди, высоко ценящие свое «Я», свои мечты и личные планы. Так как стереотипы в семейной сфере очень сильны, человек становится «пленником традиций» (употребление выражения «пленник» подчеркивает бессознательный характер следования этим традициям). Традиционные представления о семейном очаге, накладываясь на реальность, создают неоправданные ожидания, ложные предположения, базирующиеся зачастую на мифе о мужчине-кормильце и женщине-жене и матери. Кроме того, социально-экономические факторы могут заставлять людей играть традиционные роли, но психология людей уже иная, и играя эти роли, они испытывают серьезнейший внутренний дискомфорт, единственным способом преодоления которого становится распад брака.

Авторы ни в коей мере не утверждают, что брак и семья в современных условиях не нужны, речь идет, как неоднократно подчеркивается, о традиционной форме семейно-брачных взаимоотношений, которая не эволюционировала, в отличие от личностей современных людей, для которых удовлетворение потребностей высшего уровня становится значимой жизненной ценностью.

Естественно, что далеко не все (вспомним пирамиду потребностей А. Маслоу) [195] относятся к тому типу людей, для которых потребности в саморазвитии, самореализации, творчестве являются жизненно важными. Тем не менее проблемы, о которых говорят Морис Тейлор и Шина МакГи, обобщив свой опыт работы в семейном консультировании в целом ряде стран, в последнее десятилетие стали не менее актуальными и для нашей страны. Ведь традиционная модель семейных отношений ставит жесткие рамки для самореализации женщины: выбор работы, чтобы она не мешала выполнению семейных обязанностей, ожидание жертвования своими профессиональными, карьерными интересами ради потребностей семьи. В целом ряде случаев, к сожалению, жертвование обусловлено экономическими факторами: при невысоком уровне зарплаты и практически неразвитой системе социальной помощи уход за маленькими детьми, тяжелобольными членами семьи ложится на плечи женщины, вынужденной при этом поступиться своими личными планами. Но приведу пример из консультативной практики, где ситуация с «пленниками традиций» выступила в чистом виде, так как она не была связана с экономическими факторами.

Мила, 37 лет, владелица небольшой частной фирмы, занимающейся консалтингом: «Предыдущий мой брак распался совершенно нелепо, по абсолютно абсурдной причине. Ушла-то от мужа я сама, но причина не во мне, хотя некоторые считают, что неправа я... Я женщина деловая, активная, работаю лет с шестнадцати, у меня свой бизнес, который приносит нормальные деньги, и для меня это важно, так как я никогда не смотрела «в руки» мужу – что даст... Тем более, что муж «на службе», так что зарабатывает меньше, но для меня это проблемой никогда не было... И вдруг слегла его мать, к которой он очень привязан. Я сразу сказала, что оплачу сиделку, но он как с ума сошел, начал требовать, чтобы я оставила работу,

что его мать не одинокая, чтобы с ней чужие люди сидели. Естественно, я на это не согласилась, и не только по финансовым причинам (хотя основные деньги в нашей семье зарабатывала я). Я сидеть дома без работы, без людей не могу. Да и тем более, необходимости в этом нет. А он как с цепи сорвался – скандалы, упреки... Никогда я не думала, что у моего мужа такая дурь и она развалит мою семью. Переживала я страшно, наверное, больше всего из-за того, что я не понимала, да и сейчас не понимаю, зачем я должна ставить крест на своей жизни, отказываться от своих планов, терять все...».

Как мы видим, данную ситуацию женщина воспринимает именно как иррациональную, лишённую логики, и с другой стороны, неприемлемую, так как значимость реализации в профессиональной сфере, финансовая самостоятельность для нее крайне велика. Муж же в этой ситуации оказался действительно «пленником» стереотипных представлений об исключительно женском долге, женской жертвенности (даже в том случае, когда этой жертвенности ситуация не требовала, и она могла быть разрешена без ущерба для какой-либо стороны).

Достаточно много примеров таких «ловушек традиций» дают нам реалии сегодняшней украинской семьи. Например, часто упоминаемое чувство вины работающих матерей порождается не реальной виной матери, уделяющей ребенку меньше времени по сравнению с неработающей (как показывают исследования, значение имеет не столько количество времени, сколько качество, то есть содержание совместной деятельности матери и ребенка), а сравнением себя с образом идеальной жены и матери, занятой только внутрисемейными делами. Причем на рациональном уровне подавляющее большинство этих женщин могут вполне аргументировано изложить все «плюсы» работающей матери – начиная от материального фактора и заканчивая психологическими аспектами взаимодействия.

«Пленники традиций» чаще воспринимают свой брак как неудачный, так как возникает противоречие между трансформирующимся внутренним миром супругов и традиционной формой семейно-брачных отношений, рамок семейных ролей, в которые они сами себя пытаются загнать.

Со взглядами Тейлора и МакГи на трансформацию современной семьи перекликаются и идеи украинских психологов. Так, например, в работе О. Я. Кляпец проводится идея о том, что эволюция семейно-брачных отношений основывается на динамике личностных потребностей, которые могут быть удовлетворены браком [144]. Причем автором проводится аналогия с пирамидой потребностей А. Маслоу, так как каждая из исторических форм семейно-брачных отношений соотносима с ее уровнями и удовлетворяет актуальную на данный период потребность личности: от органических потребностей (во время промискуитета – неупорядоченных половых отношений всех со всеми) до потребности в познании, удовлетворение которой стало приоритетным в наше время.

Высказывается предположение, что в будущем семья приобретет такую форму, которая сможет удовлетворить потребность в самоактуализации. В этом случае главной ценностью в браке станет личностное развитие, реализация всего личностного потенциала, самосовершенствование каждого члена семьи. Отношения между супругами будут строиться на основе партнерства, поиска согласия, сотрудничества и уважения прав другого человека. (Но отметим, что реализация этого светлого будущего семьи возможна только в условиях трансформации традиционных гендерных ролей, качественной перестройки всей системы гендерной социализации).

Подводя итог этому краткому обзору взглядов психологов и социологов на современное состояние семьи и ее предполагаемое будущее, можно сделать ряд важных для исследуемого вопроса выводов.

- Есть достаточно много объективных факторов, свидетельствующих о кризисе, переживаемом институтом семьи: разводы, увеличение количества детей, рожденных вне брака, сокращение официально зарегистрированных браков и т. д. Как следствие этого увеличивается количество детей, воспитывающихся в неполных семьях. А это значит, что процесс гендерной социализации для них затруднен (а иногда и искажен). Особенно проблемным становится выстраивание гендерной идентичности мужчин, так как неполная семья – это, в основном, семья без мужчины. И образ мужчины начинает формироваться на основе интерпретации этого образа женщиной.

- Еще не так давно брак представлял собой экономический союз двух зависимых друг от друга людей, спаянных социальными узами расширенной семьи, и освященный религиозным обрядом. Сегодня брак утратил все эти скрепляющие элементы. Экономический союз потерял свою актуальность вследствие активного выхода на рынок труда женщин. Давление традиций расширенной семьи на брак практически полностью отсутствует, религиозный контроль ослаб, так как современное общество становится все более светским. Брак становится абсолютно частным делом, неофициальным (и не слишком строго соблюдаемым контрактом) между двумя людьми. Он слабо контролируется родственной общиной. Когда у кого-либо из супругов изменяются потребности в опоре и в близких отношениях или появляется предположительно лучший партнер, брак легко рушится. Более того, большинство потребностей, традиционно удовлетворяемых в браке, можно удовлетворить и другими способами, вне семьи. Поэтому одной из основополагающих причин распада семьи можно назвать изменение самой сути брака. Социум уже не «держит» супругов в браке, уходит в прошлое и единый формат семейно-брачных отношений. Перефразируя высказывание А. Н. Леонтьева о личности, можно сказать, что, восходя по лестнице эволюции, семья все больше индивидуализируется.

- Переживаемый сейчас кризис семьи касается, прежде всего, ее традиционной формы, не отвечающей в полной мере потребностям личности в развитии, самореализации. Потребность в индивидуализации, повышение значимости у женщин реализации собственных интересов, стремление к психологическому комфорту внутри семьи – это реальность, которую можно оценивать по-разному, но необходимо с ней считаться.

Несомненно, что современная семья переживает сложный этап эволюции – переход от традиционной модели к новой (а точнее сказать – к новым!). Реальная семья в современном украинском обществе вариативна. Она может объединять супругов с детьми, находящихся в зарегистрированном или незарегистрированном браке; пару «мать и ребенок»; бездетных партнеров, не вступающих в брак и ведущих совместное хозяйство; полигамный союз, основанный на религиозных обычаях или новых нравственных нормах,

а также однополый фактический брак. Изменяются виды семейных отношений, требования супругов к их качеству, иной становится система власти и подчинения в семейной жизни, внутрисемейные роли, положение детей.

- Как и другие социальные институты, семья не застрахована от такого хода истории, когда может возникнуть угроза ее существованию. И эта угроза связана с поиском ответа на вопрос о назначении семьи в современном мире. Ведь возникнув как основная форма организации совместной жизнедеятельности людей, семья сосредоточила в себе все основные функции по обеспечению жизни человека. Постепенно освобождаясь от ряда этих функций, распределяя их между другими социальными институтами, семья столкнулась с тем фактом, что сегодня тяжело выделить определенный специфический вид деятельности, который может осуществлять только семья или который может быть произведен только в семье. По существу, все функции, которые когда-то принадлежали преимущественно семье, сегодня могут реализоваться вне ее. В связи с этим возникает вопрос: остается ли семья фундаментальным социальным институтом, за границами которого существование человека невозможно?

Отвечая на этот вопрос, можно сослаться на опыт США, страны, которая одной из первых заговорила о кризисе семьи (и для этого были реальные основания) и об отмирании института семьи как такового. Ответом на этот процесс стала идеология, ставящая семью на вершину ценностей иерархии и известная под названием *New Familialism*, которая получила распространение в США в конце 1980-х годов. Новое направление общественной мысли провозгласило необходимость возвращения к традиционной структуре семьи вместе с предоставлением семье ведущего места в иерархии общественных ценностей.

Наращение опасных тенденций в развитии семьи и общества в США связано, по мнению представителей течения *New Familialism*, с приданием чересчур большого значения принципам личной свободы в последние 30 лет, с широким распространением утрюванного индивидуализма. Для нормального развития американского общества необходимо, как подчеркивают идеологи этого движения, хотя бы приблизительное восстановление традиционных ролей

мужчины-кормильца и женщины-хранительницы очага, а также прежнего уважения к браку как таковому.

Показательно, что существование семьи признается необходимым условием нормального развития общества. Правда, предлагаемый для реанимации статуса и значения семьи в обществе путь мало реален как с экономической, так и с психологической точек зрения. Восстановление традиционного контракта «добытчик – хранительница очага» для Украины невозможно и потому, что подавляющее большинство украинских семей просто не выживет на одну зарплату, и потому, что для женщин возврат к старому означает редукцию социальных потребностей, сокращение вариантов жизненного пути, возможностей самореализации, и как следствие этого – резкое снижение удовлетворенности жизнью в целом.

- Настоящая ситуация в Украине, как и в большинстве развитых стран, в какой-то мере парадоксальна: с одной стороны, увеличивается кризисность семьи как социального института, а с другой – в сознании людей возрастает потребность человека в той психологической поддержке, которую обеспечивает только семья.

Именно в сегодняшних сложнейших условиях семья получает шанс на возрождение благодаря актуализации потребности людей в подлинно глубоких и близких отношениях. Особое значение приобретает фелицитивная и терапевтическая функция семьи, которым в традиционной семье не уделялось достаточного внимания. Благодаря реализации фелицитивной функции, название которой происходит от лат. слова *felicio* – *счастье*, семья удовлетворяет потребность человека быть счастливым [91]. Известный американский психолог А. Аргайл в своей монографии «Психология счастья» [18] приводит результаты национального опроса в США, которые показали, что более счастливыми оказались люди, состоящие в браке. Понятие «счастье» тесно связано с общей удовлетворенностью жизнью, и если мы вспомним типичные высказывания людей, довольных своей жизнью, одно из первых мест в их высказываниях занимают указания на наличие семьи, детей.

- В условиях социальной анемии особое значение для человека приобретает наличие хотя бы одной микрогруппы, в которой его принимают, понимают, доверяют и которой доверяет он сам. Такая

среда играет лечебную, терапевтическую роль для людей, находящихся под гнетом социальных стрессов. Результаты мониторинга общественного мнения, проведенного в Украине в 1997 году, показали, что доверие населения к различным социальным институтам, группам кардинально подорвано. В 1997 году степень доверия по шкале «полностью верно» оказалась следующей:

- себе доверяют 77,5% опрошенных;
- семье и родственникам – 69,2%;
- Богу – 50,9%;
- соседям – 13,1%;
- коллегам – 10,7%;
- соотечественникам – 9,7%;
- милиции – 8,7%;
- средствам массовой информации – 3,4% [91].

Это еще одно подтверждение тому, что авторитет семьи в сознании отдельного человека остался достаточно высоким, несмотря на все кризисные явления, характерные для настоящего этапа развития семейно-брачных отношений.

• Модель человекоцентричной семьи представляется перспективным будущим семейных отношений, в которой для представителей обоих полов возможна полноценная реализация себя как личностей, а не как носителей жестко закрепленных внутрисемейных ролей. «Безусловное принятие», характерное для взаимоотношений в семьях такого типа, максимально способствует установлению доверия между партнерами. Но, к сожалению, это в большей степени пока действительно *модель* выхода семьи из кризиса. К человекоцентричным семьям можно отнести различные типы семей, альтернативных традиционной семье, в которых идет отработка новых моделей взаимоотношений, выстраиваемых между двумя (и более) индивидуальностями, а не между стандартными персонажами семейного спектакля.

• Внедрение в жизнь модели человекоцентричной семьи, с одной стороны, будет способствовать формированию гендерной идентичности, освобожденной от постоянного сравнения со стереотипными образцами идеальных мужчин и женщин, порожденных иным социальным опытом. С другой же стороны, увеличение количества

людей, сумевших отказаться от диктата стандартов семейных ролей, традиционного распределения функций в пользу максимального учета потребностей, интересов и желаний конкретной личности, будет способствовать скорейшему переводу «экспериментальной» модели семьи в статус общепринятой.

2.2. Распределение обязанностей в семье и внутрисемейные роли как индикаторы изменений

Проанализировав тенденции изменений современной семьи, кризис, который она переживает, мы можем утверждать, что кризисные явления переживает традиционная нуклеарная семья, трансформируясь в новую человекоцентричную форму (в отличие от социоцентричной). Что может стать достаточно объективным критерием, диагностирующим действительность этих изменений? С уверенностью можно назвать, по крайней мере, несколько взаимосвязанных критериев – изменения в иерархии и степени значимости различных функций семьи; в распределении обязанностей между супругами; в содержании внутрисемейных ролей.

В свою очередь, большая часть гендерных стереотипов, влияющих на формирование гендерной идентичности, связана именно с традиционным разделением ролей и обязанностей между мужчинами и женщинами в семье.

Начнем с базового элемента – с функций, которые выполняет семья.

Если семья создана, она существует (в той или иной форме) – значит, она выполняет определенные функции. Как отмечает Н. Я. Соловьев [260], «функций семьи столько, сколько видов потребностей в устойчивой, повторяющейся форме она удовлетворяет». Поэтому неудивительно, что у разных авторов перечни функции семьи отличаются, хотя некоторые из них присутствуют в обязательном порядке. Г. Навайтис [207], проанализировав многочисленные списки функций семьи, пришел к выводу, что их можно расклассифицировать по группам потребностей, которые они удовлетворяют:

– потребности, связанные с отцовством и материнством;

– потребности, связанные с созданием и поддержанием некоторых материальных условий жизни семьи;

– потребности в физической и психологической близости.

И действительно, если мы рассмотрим наиболее популярные в отечественной литературе классификации функций семьи, то убедимся, что все они соответствуют вышеуказанным группам потребностей.[14, 44, 47, 62, 102, 146, 169, 260, 305] Так, например, социологи А. Г. Харчев и М. С. Мацковский выделили следующие функции: репродукции населения, бытовую, экономическую, воспитательную, рекреативную, социального контроля, интимную [281]. Психологи и психотерапевты Э. Г. Эйдемиллер и Ю. Юстицкис классифицировали функции семьи следующим образом: воспитательная, хозяйственно-бытовая, эмоциональная, духовного (культурного) общения, первичного социального контроля, сексуально-эротическая функция [305]. А. Н. Елизаров на основе анализа многочисленной научной литературы выделил основные функции, наиболее часто приписываемые семье (располагаем их в порядке убывания частоты упоминания):

1) рождение и воспитание детей;

2) сохранение, развитие и передача последующим поколениям ценностей и традиций общества, аккумулятивное и реализация социально-воспитательного потенциала;

3) удовлетворение потребностей людей в психологическом комфорте и эмоциональной поддержке, чувстве безопасности, ощущении ценности и значимости своего «Я», эмоциональном тепле и любви;

4) создание условий для развития личности всех членов семьи;

5) удовлетворение сексуально-эротических потребностей;

6) удовлетворение потребностей в совместном проведении досуга;

7) организация совместного ведения домашнего хозяйства, разделение труда в семье, взаимопомощь;

8) удовлетворение потребности человека в общении с близкими людьми, в установлении прочных коммуникативных связей с ними;

9) удовлетворение индивидуальной потребности в отцовстве или материнстве, контактах с детьми, их воспитании, самореализации в детях;

10) социальный контроль за поведением отдельных членов семьи;
11) организация деятельности по финансовому обеспечению семьи;

12) рекреативная функция – охрана здоровья членов семьи, организация их отдыха, снятие с людей стрессовых состояний и т. д. [109].

Если в начале было отмечено, что сколько потребностей – столько и функций, то в завершении надо сказать: сколько семей – столько и иерархий функций. Ведь у каждой семьи есть своя шкала ценностей, и то, что важно для одних супружеских пар, может оказаться абсолютно незначимым для других. Главное, чтобы представления самих супругов о значимости тех или иных сфер их совместной жизни совпадало. А ведь именно от того содержания, которое вкладывают супруги в ту или иную функцию, будет во многом зависеть то, каким будет брак.

Н. Н. Обозов отмечает: «...каждый из супругов имеет собственное представление о цели брачного союза: хозяйственно-бытовое потребление и обслуживание, сексуальное взаимодействие, обеспечивающее половое удовлетворение, психотерапевтическое взаимодействие, обеспечивающее эмоциональную и моральную поддержку, организация досуга и создание среды для развития и самореализации личности, рождение и воспитание детей. Совпадение и несовпадение представлений супругов о целях их брака значительно обуславливает степень его стабильности, благополучия» [217, с. 176].

Связь функций семьи с эмоционально-потребностной сферой человека ярко проявляется в тех случаях, когда значимая для одного из партнеров функция нарушается, регрессирует. Типичным примером здесь может служить нарушение эмоциональной функции, когда один из партнеров не чувствует психологической поддержки другого, жалуется на недостаток внимания, ласки, страдает от отсутствия проявлений любви. Результатом этого становятся конфликты, «эмоциональный развод» и, если эта функция не будет восстановлена, – развод реальный.

Как говорит известный российский семейный консультант А. Я. Варга: «...удачный брак – это такой брак, в котором могут

реализовываться потребности и фантазии. Если существенные потребности не могут реализовываться в браке, то обычно он переживает серьезный кризис или разваливается... Уже на этапе выбора партнера происходит вычисление вероятности удовлетворения психических потребностей в отношениях с этим человеком» [56, с. 14].

Так, в частности, отказ от вступления в брак (либо отодвигание срока вступления в него) – достаточно характерное явление для молодых, амбициозных, карьерно ориентированных девушек не только на Западе, но и в Украине является косвенным показателем недоверия к вероятному партнеру. Недоверия, связанного с опасением, что брак, выполнение семейных обязанностей станет серьезным препятствием к удовлетворению значимых для них потребностей в самореализации в профессиональной сфере. Угрозой может выступать и возможность дискредитации сложившегося образа «Я», новой модели женственности, которая достаточно далека от традиционного образа хорошей жены и матери. Как мы увидим далее, эти опасения не беспочвенны.

В качестве примера приведем результаты исследования содержания образа идеальной женщины, проведенные Н. Г. Бондарь в 2001 году [46]. Респондентами выступили 70 мужчин, половина из которых состояла в браке. Оказалось, что содержание образа идеальной женщины несколько различается у женатых и неженатых мужчин. Неженатые мужчины отдают предпочтение таким характеристикам, как красота, скромность, ум, умение вести беседу на любую тему. Женатые же больше ценят в женщине хорошую хозяйку, понимание, трудолюбие и умение зарабатывать деньги. Общими для обеих групп опрошенных мужчин оказались такие качества образа идеальной женщины, как честность, верность, доверие и жизнерадостность. Но в целом, несмотря на некоторые различия в списках качеств, все они входят в традиционный фемининный «набор».

Не следует забывать еще одну проблему: современная семья строится на произвольном разделении обязанностей, нигде не записан свод правил, по которым это происходит. Поэтому притирка супругов в этом аспекте всегда индивидуальна для каждой пары.

Естественно, что у мужчин и женщин могут существовать различные представления об идеальном типе семьи и распределении

семейных обязанностей и ролей. Как следствие этого, возможен союз партнеров с противоречивыми установками по отношению к той модели семьи, которую они планируют создать. Такие противоречия зачастую обуславливают появление семейно-ролевых конфликтов, которые могут приводить к распаду семьи и к кризису гендерной идентичности, обусловленному неуспешностью реализации сформированной модели поведения в семейной сфере [7, 62, 90, 92, 93, 94, 95, 152, 179].

Так, в частности, в исследовании молодых семей, проведенном М. Г. Горлач, был выявлен ряд зон диссонанса в различных сферах семейной жизни (досуг, быт, воспитание детей, финансы) [92].

Наибольшие расхождения между представлениями о семейных ролях мужчин и женщин наблюдались в сфере досуга.

Все опрошенные женщины не согласились с мнением, что муж имеет право на некую автономию в проведении свободного времени вне дома, а жена – нет. 66,7% мужчин придерживаются именно такого мнения. Таким образом, только 33,3% из них признали, что соблюдают равные права. Второй по величине диссонанс отмечен в сфере быта. Мужчины имеют установки на традиционный тип семейных отношений в быту (жена выполняет больший объем домашних работ, а если муж ей и помогает, то только в выполнении «традиционных» видов мужской работы). Женщины же склоняются к эгалитарному типу отношений, то есть хотят либо делить все обязанности поровну, либо выполнять их по определенной договоренности (например, основную часть домашних дел должен взять на себя тот, у кого больше свободного времени) [92, с. 136].

В финансовой сфере и сфере воспитания детей диссонанс незначителен и установки супругов по отношению к собственным ролям и ролям партнеров по основным параметрам коррелируют друг с другом.

Более интересен другой результат – у опрашиваемых мужчин и женщин было выявлено и несоответствие собственных установок реальному поведению в семейной жизни.

Особенно ярко этот диссонанс выражен у женщин в сферах быта и воспитания детей. 54,1% опрошенных женщин испытывают диссонанс в сфере быта, так как имеют установку на эгалитарный

тип отношений, в реальной же жизни традиционно выполняют свои обязанности, получая минимальную помощь от партнера. 20% испытывают диссонанс в сфере воспитания детей, так как рассчитывают на равноценное участие в воспитательном процессе и заботе о детях своих мужей, но не получают этого. 50% женщин не удовлетворены сложившейся ситуацией в сфере досуга. [92, с. 136].

Таким образом, потребность женщин в эгалитарном типе распределения семейных обязанностей не удовлетворяется из-за сохранения традиционных установок в семейной сфере мужчин.

Косвенным образом этот диссонанс свидетельствует об изменении в содержании гендерной идентичности женщин. Ведение домашнего хозяйства, воспитание детей не воспринимается как имманентно присущие черты женственности, прежде всего самими современными женщинами.

Попробуем сравнить, как реализуются различные функции в браке «традиционном» и в браке, который мы условно назовем «современным» [89].

<i>БРАК ТРАДИЦИОННЫЙ</i>	<i>БРАК СОВРЕМЕННЫЙ</i>
Хозяйство. Женщина занимается домом, мужчина зарабатывает, делает карьеру	Домашнюю работу не делят на «мужскую» и «женскую», каждый старается чем-то помочь. Карьеру делают оба или на семейном совете решают, кто в данный момент возьмет на себя большую часть семейных нагрузок
Воспитание детей. Женщина занимается воспитанием с помощью ласки и увещаний. Мужчина при необходимости вмешивается, в особых случаях прибегая к телесным наказаниям. Ребенок должен следовать родительскому выбору в профессиональном самоопределении	Телесные наказания недопустимы, участвуют в воспитании оба. Учитываются интересы и способности ребенка
Финансы. Добытчик – муж, жена распоряжается деньгами, которые он ей дает	Зарабатывают (и подрабатывают), по возможности, оба. Каждый вносит столько, сколько может. Распоряжаются финансами совместно

Лидерство. Глава семьи – муж	У каждого члена семьи есть своя сфера, где он – лидер, авторитет. Основные решения принимаются совместно
Досуг. Супруги проводят свободное время вместе. Иногда муж может развлекаться вне дома, жена в это время должна заниматься семьей	Муж и жена могут проводить досуг каждый по своему усмотрению – вместе или порознь
Интересы. Супругов в основном занимают домашние заботы	Помимо семейных проблем обсуждаются увлечения каждого из партнеров, вопросы карьеры, политики и т. д.
Семейная атмосфера. Теплоту и нежность вносит в семейные отношения жена, муж может себе позволить быть грубым	Супруги ожидают друг от друга равного вклада в плане создания «погоды в доме»; грубость в отношениях недопустима
Нравы. Жестко контролируется в основном поведение женщины, мужу прощаются разные «вольности»	Каждый должен отвечать за свои поступки. Если один из супругов изменяет, то другой имеет право на «ответный ход». Или же оба соблюдают верность

Как мы видим, по распределению функций современный брак – это брак равных партнеров (эгалитарный брак, человекоцентричный брак), в котором нет угнетения одного другим, где учитываются стремления, интересы и мнения каждого. Конечно, в чистом виде он встречается, к сожалению, не часто. И это создает почву для возникновения диссонанса между осознанием себя в «новом формате» женственности и невозможностью реализовать себя в жестких рамках традиционной семьи.

По исследованиям социолога Сергея Голода, на шкале, измеряющей благополучие и устойчивость современного брака, «первую тройку» составляют духовная, психологическая совместимость, сексуальная гармония и удовлетворенность [253]. Брак – не реализация сказочной приталики «...и стали они жить-поживать да добра наживать», все происходит значительно сложнее. Брак требует от супругов не только любви, но и терпимости и взаимопонимания,

именно при таком сочетании он имеет высокие шансы стать успешным. Но наиглавнейшим фактором удачного брака является правильный выбор партнера. Люди со сходными установками, взглядами, имеющие общие ценности, относящиеся к одной социальной группе, имеют меньше поводов для конфликтов и больше шансов сохранить свой брак. В случае такого сходства есть больше шансов сохранить (и укрепить) позитивный образ «Я», раскрыть свою индивидуализированную модель «женственности» и «мужественности» и, что очень важно, воспринимать семью, семейные отношения не как ограничитель для полноценной реализации человека в социуме, а, наоборот, как помощь, опору для наиболее полного раскрытия потенциала личности.

Попытаемся рассмотреть основные аспекты супружеской совместимости не только с точки зрения обеспечения устойчивости брака, но и с точки зрения влияния этих аспектов на личность супругов. Супружеская совместимость многопланова, чаще всего выделяют следующие ее виды [216]:

- духовную;
- социально-ролевою;
- психологическую;
- сексуальную.

Духовная совместимость проявляется как совпадение, подобие жизненных позиций, ценностных ориентаций, взглядов на окружающий мир и свое место в нем, интересов и мотивов социального поведения. Духовное соответствие или несоответствие чаще всего отчетливо осознается супругами. При гармоничных отношениях супругов по данному виду совместимости муж и жена проявляют не только любовь, но и уважение друг к другу, их отношения характеризуются высоким уровнем взаимопонимания по смысложизненным вопросам. Чем выше образовательный и культурный уровень супругов, тем более значима для них духовная совместимость (поэтому в жизни сказки о Золушке и прекрасном Принце редко заканчиваются счастливо – слишком велики различия в культурном развитии, образовании супругов, их ценностных ориентациях).

Данные, полученные А. Н. Елизаровым в исследованиях, проводившихся на протяжении нескольких лет, свидетельствуют, что

потребности в самоактуализации, саморазвитии и самосовершенствовании у членов неблагополучных семей не развиты или находятся в зачаточном состоянии [110]. Отсюда вполне логично связать семейное благополучие с высокой значимостью в жизни семьи духовных ценностных ориентаций, а семейное неблагополучие с их низкой значимостью.

Можно условно выделить три группы ценностных ориентаций, в основе которых лежат:

1) *витальные («биологические»)* потребности – в пище, в воде, сне, температурном комфорте, защите от внешних воздействий и т. д. В этом случае ценности являют собой множество «материальных квазипотребностей» в одежде, жилище, технике и т. д.;

2) *аффилиативные* потребности – принадлежность к определенной социальной группе и стремление занимать определенное (необязательно лидирующее) место в ней, пользоваться привязанностью и вниманием окружающих, быть объектом их уважения и любви;

3) *духовные* потребности – познание окружающего мира и своего места в нем, смысла и назначения своего существования, стремление к саморазвитию и самосовершенствованию, альтруизм [110].

Совпадение или несовпадение ведущих ценностных ориентаций супругов, несмотря на свой внешне «отвлеченный» характер, пронизывает все уровни взаимодействия супругов и влияет на принятие решений практически по всем частным вопросам организации семейной жизни.

Аффилиативные потребности, их удовлетворение в семье могут играть двоякую роль в формировании и трансформации гендерной идентичности. Мужчина, или чаще женщина, стремясь удовлетворить свою потребность в любви и принятии со стороны партнера, может стараться демонстрировать модель поведения настоящего мужчины/настоящей женщины, хорошего мужа/хорошей жены, соответствующие ожиданиям партнера, а не своим собственным представлениям, ломая свою личность и поступаясь своими ценностями. С другой стороны, желание быть объектом уважения и любви партнера может способствовать стремлению человека к саморазвитию и реализации себя в различных жизненных сферах – как семейной, так и профессиональной.

Развитые же духовные потребности, тем более поддерживаемые в семье, являются основой для формирования непротиворечивой модели гендерной идентичности, изменения которой обусловлены общей логикой развития личности в трансформирующейся среде и не имеют кризисного характера.

Семейно-ролевая совместимость супругов приобретает в наше время особое значение, так как представления о тех ролях, которые должны исполнять супруги в совместной жизни стали не столь жестко детерминированными, поэтому представления о том, каким должен быть «настоящий муж» и «настоящая жена» у вступающих в брак могут резко расходиться.

Н. Н. Обозов и А. Н. Обозова выделяют в семейно-ролевой совместимости два основных аспекта. Во-первых, это согласованность семейных ценностей, особенно в вопросах: для чего существует семья, что она должна приносить людям, вступившим в брак [216, 217].

Семейные ценности формируются, в основном, под влиянием образцов родительской семьи, также на них влияют образование, воспитание, и, что типично для современного общества, – модели семейного поведения, демонстрируемые СМИ. В целом весь этот комплекс воздействий образует устойчивые установки в сознании супругов, которые с трудом поддаются коррекции. Столкновения супругов по вопросам, что главнее – рождение и воспитание детей (при детоцентристской установке) или достижение определенного уровня бытового комфорта, – приводят к длительным конфликтам, которые могут протекать в открытой форме, но зачастую носят скрытый характер, прорываясь в виде внезапной агрессии, выражения недовольства и т. п. Препятствия на пути реализации главных семейных ценностей вызывают чувство разочарования в семейной жизни с данным партнером.

Исследования американских психологов показали, что одним из основных и наиболее важных факторов успешности супружеской жизни является приверженность мужа и жены самому институту брака, то есть осознание брака, семейного образа жизни как ценности. Естественно, что главным семейным ценностям уделяется больше времени, сил, энергии, если же эти важные для одного из

супругов ценности не реализуются, то это вызывает неудовлетворенность семейной жизнью вообще.

Вторая сторона семейно-ролевой совместимости – согласованность ролевых представлений о функциях мужа и жены в семье. Супругам предстоит решить сложный вопрос: кто и за какие стороны семейной жизни отвечает. Одним из наиболее явных признаков ролевого несоответствия являются конфликты вокруг распределения семейной нагрузки между супругами: мера участия каждого в ведении домашнего хозяйства, в воспитании детей, в материальном обеспечении семьи и т. д.

На семейно-ролевую совместимость огромное влияние оказывают те образцы поведения, которые были усвоены в родительской семье.

Последовательным сторонником традиционного разделения ролей является Толкотт Парсонс [259]. По его мнению, семья реализует две функции, необходимые для поддержания непрерывности социальных отношений: ими являются социализация детей и формирование постоянных, стабильных личностей взрослых. Реализация этих функций требует разделения труда, что связано с выполнением мужчинами и женщинами предписанных им ролей. Матери и жены занимаются удовлетворением потребностей семьи «изнутри»: они являются центром этой системы, и в домашнем хозяйстве им выпадает важнейшая позиция, вытекающая из задач «экспрессивности» (уход за нуждающимися в нем взрослыми и детьми, но также и удовлетворение эмоциональных потребностей, потребностей в любви и сексе). А долгом мужчины является реализация «инструментальных» целей, обращенных к внешнему миру, – работа и обеспечение семьи необходимыми средствами содержания. Такое разделение ролей, по мнению Т. Парсонса, – в интересах как семьи, так и общества в целом, поскольку дает возможность бесконфликтного существования сбалансированной системы.

С тезисом о сбалансированности такой системы поспорить трудно, но еще более трудно реализовать ее в современных условиях (в частности, в условиях Украины, где для выживания семьи и содержания детей необходимо работать обоим супругам). Кроме того, хотя эта теория и не принижает значение женщины, – ее роль значима,

но в своем, четко определенном секторе, тем не менее, резко снижает возможности ее самореализации (как, впрочем, и возможности полноценной реализации мужчины «внутри», а не «вне» семьи). Эта же линия прослеживается и у А. де Токвиля, который придает традиционной роли жены высокий статус, подчеркивая при этом негативные аспекты профессиональной сферы жизни.

Так, А. де Токвиль в книге «Демократия в Америке» (1969) в пользу традиционной роли женщин привел следующие аргументы: 1) посвящение себя семейным делам похвально, потому что дом – это место, где господствует согласие и спокойствие, противоположность всеобщему эгоизму и аморальности, типичных для сферы труда и общественной деятельности; 2) главное в семье – это солидаризм: семья – ограниченное общество, на которое можно положиться и которое не подводит перед лицом неудач. Профессиональная арена – это переполненное конкуренцией место постоянного напряжения и давления для подтверждения собственной компетентности в стремлении к успеху. Положительная оценка традиционной роли женщины опирается также на доминирующее влияние женщин, живущих делами семьи и дома, на развитие морали [340].

В целом традиционные роли предполагают со стороны жены рождение и воспитание детей, создание домашнего уюта и ведение домашнего хозяйства, приспособление к зависимости и терпимость к ограничению сферы деятельности. Со стороны мужа требуется принятие основных решений, поддержка семейной власти и контроль, экономическая безопасность и защита семьи, эмоциональная благодарность жене за приспособленность к зависимости. Ю. Е. Алешина и И. Ю. Борисов указывают, что ориентация мужчины и женщины на создание семьи традиционного типа свидетельствует о, соответственно, мужской системе ценностей у мужчин и женской у женщин [7]. Направленность на семью нетрадиционного типа (к этому типу авторы относят и эгалитарную семью) у женщин свидетельствует о преобладании мужских ценностей, аналогичная же направленность мужчины – о доминировании женских. В современных браках все чаще важную функцию стали играть товарищеские роли, которые требуют от супругов обеспечения моральной поддержки и сексуального удовлетворения, оживленного

и интересного общения между собой и окружающими. Актуализируются роли партнеров, требующие и от жены, и от мужа экономического вложения в семью в соответствии с размером заработков, общей ответственности за детей, участия в ведении домашнего хозяйства и разделения правовой ответственности.

В работе В. П. Левкович и О. Э. Зуськовой подчеркивается, что потребность супругов в исполнении определенных ролей в семье выступает как одна из базовых потребностей совместной супружеской жизни [179].

С житейской точки зрения роль определяет значение каждого из супругов в семье, их зоны ответственности за определенные сферы семейной жизни. Внутрисемейные роли часто становятся значимой частью образа себя (классические примеры: «я, прежде всего, мать», «я – отец семейства»). Они же, эти роли, могут стать индикатором личностного неблагополучия, переживания кризиса – «я всего лишь прислуга в доме»; «я домохозяйка, ведь, как оказалось, ни на что больше я не способна»; «я в семье только источник денег» и т. д. (из высказываний во время консультаций).

Нередко потребность супругов в исполнении *определенных* ролей входит в противоречие с необходимостью выполнения других ролей, которые не совпадают с ценностями, интересами, личностными особенностями супругов. Чаще всего это происходит в тех случаях, когда кто-то из супругов отказывается от исполнения традиционных семейных ролей, жестко приписанных определенному полу. Индикатором такого противоречия может служить достаточно стандартный диалог: «Почему именно я должен(а) этим заниматься? Потому, что ты мужчина (женщина)!».

Таким образом, постулируется позиция, в которой особенности личности выступают как менее значимые по сравнению с принадлежностью к определенному полу.

Кроме образцов родительской семьи, на семейно-ролевую совместимость влияет значимое окружение, род занятий и режим работы супругов, их личные склонности и пристрастия. Сегодня ролевые конфликты стали достаточно частыми и острыми, так как экономические реалии жизни Украины внесли свою корректировку в традиционные семейные роли и эту проблему мы подробно рассмотрим далее.

Психологическая совместимость предполагает позитивное взаимодействие характеров, темпераментов, личностно-волевых особенностей супругов. Именно психологическая совместимость обуславливает общий эмоциональный фон семьи. Особенности черт характера, темпераментов, волевые качества могут гармонично сочетаться как при их тождестве, так и при их противоположности. Нередко жизнестойкие содружества создают мужчина и женщина, дополняющие друг друга по своим темпераментам. Данные психологов, реальная жизнь подтверждают, что наиболее сильно несовместимость проявляется, если обоим супругам присущи такие отрицательные черты характера, как эгоизм, безответственность, потребительское отношение к людям, лень, равнодушие и др.

Исследованиями установлено, что в счастливых браках супруги имеют следующие черты: эмоциональную устойчивость, согласие с окружающими людьми (они редко конфликтуют в быту и на производстве), они покладисты, общительны, достаточно доверчивы и искренни в отношениях, отличаются непринужденностью в выражении своих чувств. Напротив, в несчастливых браках супруги эмоционально неуравновешенны, вспыльчивы. Излишне критичны к окружающим, стремятся «взять верх» над другими, доминировать, они замкнуты, отчуждены, подозрительны, недоверчивы к людям, к своему супругу, скованны в выражении чувств, переживаний, мыслей и планов [217, с. 179].

Если же партнеры психологически дисгармоничны – это проявляется в утомлении и раздражении друг от друга, в нарушении общения, затяжных конфликтах. Типичными высказываниями о партнере в таком случае являются: «Какой трудный человек», «Как можно быть таким», «Я его (ее) не понимаю».

Адаптация супругов в плане психологического приспособления друг к другу проходит достаточно сложно, так как иногда она требует изменений ряда особенностей личности, коррекции присущих ей индивидуальных черт.

Гармоничность, соответствие потребностей в интимном общении одного супруга возможностям другого – основной смысл сексуальной совместимости. По единодушному мнению сексуальная совместимость, как правило, достижима. Однако неумение достичь ее

является довольно распространенной, хотя нередко скрываемой или неосознанной причиной распада семьи. Надо учесть, что сексуальная и эмоциональная близость не всегда сопутствуют друг другу, одна может порождать другую, но это не обязательно. Браки, которые основываются только на сексуальной гармонии, редко бывают успешными, но и те браки, где супруги испытывают сексуальную неудовлетворенность, также являются неустойчивыми. По убеждению А. Маслоу, сексуальная близость приносит истинную радость и удовлетворение лишь в тех случаях, когда партнеры близки эмоционально.

Сексуальная совместимость или несовместимость, как это уже давно известно, определяется не только и не столько физиологией. Перечень психологических аспектов, влияющих на этот вид совместимости, достаточно широк, начиная от особенностей гендерной социализации с пресловутым двойным стандартом по отношению к сексуальному поведению мужчин и женщин и заканчивая двойственностью образа женщины, возникающего во многом «благодаря» массовой культуре – женщина как сексуальный объект и женщина как личность [41, 49, 50, 75, 77, 96, 100, 150, 160, 194, 212].

Кроме того, нельзя игнорировать тот факт, что уровень самооценки, степень уверенности в себе, принятие себя зависит и от успешности либо неуспешности в сексуальной сфере, от осознания своей сексуальной привлекательности, соответствия определенным стандартам в этой сфере.

Итак, нужна ли нам сегодня семья с ее сложностями, проблемами, кризисами? Наверное, этот вопрос аналогичен тому, если бы мы спрашивали о ребенке, находящемся в переходном возрасте, – с ним столько проблем, нужен ли он нам? И семья, несмотря на свой исторически вполне солидный возраст, находится в таком же сложном проблемном периоде. И помощь ей нужна не только от государства, специалистов по семье и браку, но и от каждого человека. Многие кризисные явления в жизни семьи создают сами люди, не желая меняться, работать над собой, критически осмысливать отжившие стереотипы, оказывающие иногда разрушающее воздействие на семью. Ведь пока, несмотря на все критические замечания, обращенные в сторону семьи, никому не удалось выдумать ничего лучшего.

С какими же установками подходят к созданию семьи юноши и девушки, находящиеся в брачном возрасте и формирование личности которых происходило в трансформирующемся обществе. Мы взяли для исследования тот аспект, в котором, как в кристалле, отражаются представления о функциях супругов, и, опосредованно, те роли, которые они собираются исполнять, и те, которые они ждут от партнера.

Целью исследования стало выявление представлений молодежи о распределении обязанностей между супругами. Полученные результаты представлены в таблице.

Группа 1 – девушки, 30 человек, возраст 17–23 года.

Группа 2 – юноши, 30 человек, возраст 18–25 лет.

Таблица 2.1

№	Распределение обязанностей в семье	Гр. 1 (женщины)			Гр. 2 (мужчины)		
		жена	муж	совместно	жена	муж	совместно
1	Покупать продукты	2	2	26	0	6	24
2	Воспитывать детей	0	0	30	0	2	28
3	Зарабатывать деньги	0	4	26	0	26	4
4	Готовить	12	2	16	26	0	4
5	Стирать	6	0	24	30	0	0
6	Проводить мелкий ремонт	2	16	12	0	26	4
7	Вносить мусор	0	28	2	0	26	4
8	Убирать	12	0	18	22	0	8
9	Распоряжаться финансами	20	0	10	0	10	20
10	Делать крупный ремонт	0	14	16	0	26	4
11	Создавать уют в доме	26	0	4	22	2	6
12	Собирать детей в дет. садик, в школу	16	0	19	22	0	8
13	Решать важные вопросы жизни семьи	0	0	30	6	6	18
14	Поддерживать семейные традиции	4	0	26	0	6	24

* Примечание – перечисленные в таблице виды обязанностей были выбраны по частотному критерию по результатам предварительного опроса данной

группы респондентов об основных обязанностях, которые выполняют супруги в семье.

Ответы девушек распределились следующим образом.

1. Женщины считают, что основными обязанностями мужчин в семье являются (перечислено в порядке убывания значимости):

- выносить мусор;
- проводить мелкий ремонт;
- делать крупный ремонт.

2. Своими основными обязанностями в семье женщины считают:

- создавать уют в доме;
- распоряжаться финансами;
- собирать детей в школу и детсадик;
- убирать;
- готовить.

3. Совместно, по мнению женщин, супруги должны:

- решать важные для жизни семьи вопросы;
- воспитывать детей;
- поддерживать семейные традиции;
- зарабатывать деньги;
- покупать продукты;
- стирать;
- убирать;
- готовить;
- делать крупный ремонт.

Ответы юношей рисуют нам несколько иную картину:

1. По мнению мужчин, жена должна:

- стирать;
- готовить;
- убирать;
- создавать уют в доме;
- собирать детей в школу, детсадик.

2. Своими главными семейными обязанностями мужчины считают:

- зарабатывать деньги;
- проводить мелкий ремонт;
- выносить мусор;
- делать крупный ремонт.

3. Совместно супруги должны:

- воспитывать детей;
- покупать продукты;
- поддерживать семейные традиции;
- распоряжаться финансами;
- решать важные вопросы в жизни семьи.

4. «Не мужскими» считают опрошенные юноши следующие семейные обязанности:

- готовить;
- убирать;
- собирать детей в школу и детсадик;
- создавать уют в доме.

Таким образом, мы видим, что и в настоящее время у современной молодежи существуют определенные стереотипные представления о традиционных ролях мужчины и женщины в семье, сформированные в процессе гендерной социализации.

Более традиционно ориентированными в вопросе о распределении обязанностей ожидаемо оказались мужчины. Приготовление пищи, уборка, создание уюта в доме – обязанности исключительно жены. Однако мнение девушек о распределении обязанностей имеет тенденцию к трансформации; они уже не считают обязанностью исключительно мужчины содержать семью, зарабатывая деньги, (хотя сами мужчины эту обязанность для себя не исключили, и она является одной из главных, по их мнению, для мужа).

Этот экспресс-опрос продемонстрировал достаточно симптоматичную картину. Юноши видят себя в роли мужа, практически идеально вписывающегося в сценарий традиционного патриархального брака. Он: зарабатывает деньги, проводит крупные и мелкие ремонтные работы, совместно с женой занимается воспитанием детей, поддержанием семейных традиций, закупкой продуктов, распределением финансов. Она: стирает, готовит, убирает, собирает детей в детский садик и школу, создает уют в доме.

Девушки же видят себя в роли жены в партнерском браке, так как подавляющее число обязанностей в семье они представляют как выполняемые совместно. Чисто женскими функциями для них выступают: создание уюта и распоряжение финансами. Таким

образом, «типичный муж» и «типичная жена», – но в разных моделях семейных отношений, причем «женская модель» является более современной и соответствующей нынешней стадии социального развития общества.

Сходные по ряду ключевых позиций результаты были получены по более старшей возрастной выборке (возраст опрошенных 25–50 лет) в исследовании «Городская семья: какая она?», проведенном в России в 2001 году. В опросе приняли участие более 600 респондентов, работников предприятий и организаций г. Новосибирска. Приведу ряд результатов по тем же разделам, которые совпадают с нашим опросом: перечень домашних работ, выполняемых супругами на равных в 30–70% семей состоит из шести пунктов. Это: покупка продуктов, уборка квартиры, мытье посуды, планирование досуга, распоряжение финансами, уход за больными; принятие важных для семьи решений происходит после совместного обсуждения в семьях 65% респондентов; перечень дел, связанных с уходом за детьми и их воспитанием, выполняемых на равных, в 30–60% семей респондентов состоит из семи пунктов: посещение врача, уход за больным ребенком, укладывание спать, помощь в подготовке уроков, наказание, приобщение детей к культуре (посещение театров, музеев, кино), игры, прогулки с детьми, чтение им книги вслух [245, с. 645–646].

Как мы видим, есть сходство в позициях о совместных видах деятельности: это совместное решение важных для семьи вопросов, покупка продуктов, воспитание детей. Как отмечается в анализе результатов российского исследования, наибольшая эгалитарность во взглядах характерна для представлений о воспитании детей. Этому аспекту семейного взаимодействия было уделено особое внимание, и позиция «воспитание детей» была детализирована. Так, 69% мужчин и 79% женщин считают, что воспитывать детей необходимо вместе, 61% мужчин и 65% женщин высказывают за совместное выполнение обязанностей, связанных и с уходом за детьми. Однако 37% мужчин и 31% женщин считают, что ухаживать за детьми должна женщина. По вопросам воспитания эта тенденция менее выражена: всего 24% мужчин и 12% женщин считают, что воспитывать детей – женская прерогатива, а 8% мужчин

и 9% женщин готовы возложить эту обязанность только на мужчин [245, с. 645].

Опрошенные нами студенты также единодушны в мнении о том, что воспитывать детей необходимо вместе, а вот собирать и водить детей в детский садик, школу – функция жены.

Крайне интересны и некоторые расхождения в результатах опроса более молодой и «старшей» группы опрошенных.

Как отмечено в новосибирском исследовании, наиболее ярко в структуре гендерных ожиданий проявляется воспроизводство традиционного канона, согласно которому зарабатывать деньги должен мужчина. Так, при равных эгалитарных оценках (24–25% мужчин и женщин считают, что в этой сфере не должно быть жесткого разделения), 75% женщин и 73% мужчин считают, что добытчиком должен быть мужчина. Причем мнение о том, что зарабатывать деньги должна женщина, не поддержала ни одна из респонденток, в то время как 3% мужчин оказались готовы предоставить им это право. Подавляющее же большинство опрошенных девушек (86,6%) функцию зарабатывания денег в семье рассматривают как совместную. Юноши же рассматривают себя в семье совершенно традиционно – только 13,4% оценивает эту обязанность как совместную, а 86,6% – исключительно как функцию мужа.

Аналогично проявляется консервативность в представлениях о желаемом распределении обязанностей, связанных с домашней работой: 35% женщин и 51% мужчин высказались за то, чтобы эти обязанности выполнялись женой, и всего 1% женщин хотели бы, чтобы домашние обязанности выполнялись мужчинами, хотя 2% мужчин готовы взять на себя соответствующие дела. Не менее консервативны и юноши – стирку, готовку, уборку они видят практически как исключительно женскую сферу деятельности.

Почему же возникает такая ситуация, при которой даже у молодых людей мы наблюдаем актуализацию вполне стереотипного контракта «добытчика» и «домохозяйки», а у девушек же наблюдается достаточно выраженная тенденция к эгалитарности и, соответственно, к изменению образов «хорошего мужа» и «хорошей жены»? Для разрешения этого вопроса обратимся к истории традиционной нуклеарной семьи.

Ведь нуклеарная семья претерпела определенную эволюцию. На ранней стадии ей была присуща однокарьерная модель, при которой только муж и отец был занят в общественном производстве. Он зарабатывал деньги и содержал семью, а мать/жена была занята только в домашнем хозяйстве, следила за порядком в доме, обстиривала семью и готовила пищу. На более поздней стадии для нуклеарной семьи стала характерна двухкарьерная модель, когда работают оба – муж и жена, и оба должны (теоретически!) делить домашние заботы. Такие семьи называют также двухдоходными, или семьями с двумя кормильцами. Занятость на производстве не освобождала женщину от домашних дел, поэтому у работающих женщин (по сравнению с работающими мужчинами) трудовая нагрузка возрастает в два раза. Снять двухкратную нагрузку с женщины, прежде всего, может муж, поэтому равное распределение домашних обязанностей – справедливая плата за работу женщины вне дома.

Еще в 70-е годы XX века отечественные ученые (А. Г. Харчев, С. И. Голод и др.) отмечали отрицательные последствия совмещения профессиональной работы с семейными обязанностями женщины. Двойная нагрузка ограничивает время полноценного отдыха, воспитания детей, профессионального роста; она является причиной физических и нервных перегрузок, которые зачастую ухудшают психологический климат в семье и создают предпосылки для развода [281].

Очевидно, что занятость женщины в общественном производстве (и даже в случае более высокой зарплаты жены) в условиях Советского Союза обычно не приводила к перераспределению домашних обязанностей таким образом, чтобы мужчина выполнял по меньшей мере их равную долю. Напротив, как известно, женщина в любом случае несла на себе большую часть этого груза, в то время как мужчина сопротивлялся любой попытке как-то изменить это положение.

В такой взаимосвязанной и взаимообусловленной системе, какой является семья, изменение одного параметра необходимо должно повлечь за собой изменение другого, иначе система не сохранит устойчивость и стабильность. Таким образом, если жена берет на себя в семье те функции, которые традиционно считались

принадлежностью мужской семейной роли, то изменения должны коснуться и функции мужа. Что же происходит в реальности?

Для уточнения результатов, полученных при анкетировании, юношам и девушкам была предложена гипотетическая ситуация: «Муж потерял работу. Единственным источником доходов являются заработки жены. Так как в этой ситуации функцию финансового обеспечения семьи выполняет жена, а муж не работает и находится дома, то должен ли он взять на себя традиционные женские обязанности по ведению домашнего хозяйства?». Ответы респондентов распределились следующим образом: все опрошенные девушки (100%) считают необходимым в таком случае перераспределение обязанностей, но лишь незначительная часть юношей (10%) разделила их мнение. Таким образом, и здесь мы видим столкновение между «традиционной» и «инновационной» моделями семейных отношений. Коррелируют с полученными в нашем исследовании результатами и данные, полученные в социально-демографическом исследовании «Молодая семья Украины 1990-х», по которому 85,1% мужчин и 79,4% женщин согласны с утверждением, что «все основные обязанности женщин должны быть связаны в первую очередь с семьей, а у мужчины – с работой».

В широкомасштабном исследовании, проведенном Х. Домански в 24 странах (США, страны Центральной и Восточной Европы, Австралия, Япония, Филиппины и т. д.), было выявлено, что в отношении распределения семейных обязанностей, во всех странах такими домашними работами, как стирка, уборка, хождение за покупками, ухаживание за больными детьми, приготовление пищи, занимаются женщины. Мужчинам остается только мелкий ремонт по дому. Эти обязанности, признаваемые многими женщинами естественными, добавляют им, как отмечает автор, даже ощущение власти и удовлетворяют чувство собственной идентичности [320].

Шон Берн приводит целый ряд примеров исследований, показывающих, что конфликты по поводу выполнения домашних обязанностей и ухода за детьми являются основным источником напряжения в отношениях между супругами. В исследовании 600 пар, подавших «заявление на развод», Джордж Левинджер указывает, что второй, наиболее распространенной причиной разводов, по словам

женщин, является то, что их мужья пренебрегают своими обязанностями по дому и присмотру за детьми. В исследовании, которое провели Бут и коллеги, выявлено, что с увеличением числа размолвок из-за домашних обязанностей понижается удовлетворенность браком и его стабильность. В своем исследовании семей, где работают оба супруга, Стейл и Турецки обнаружили, что чем больше ответственности берет на себя муж по части ухода за детьми и домашних работ, тем в большей степени жена бывает удовлетворена браком [35]. И. Плек изучил результаты исследований участия мужей в уходе за детьми и выполнения домашних обязанностей и заключил, что участие мужа оказывает положительное влияние на оценку мужьями и женами удовлетворенности их семейной жизнью. Он предполагает, что это происходит потому, что жены испытывают меньше негативных чувств; активное участие в домашней жизни может повысить у мужа чувство контроля происходящего, а некоторые задачи, например уход за детьми, могут доставлять удовольствие и мужьям, и женам. Партнеры – мужчины, участвующие в равной основе в выполнении домашних работ, могут также получать определенную психологическую пользу, испытывая меньшее чувство вины [343].

По данным социологического опроса, проведенного в 1995 году Центром независимых социологических исследований (Россия), 2/3 мужчин и 1/2 женщин на вопрос о женской миссии в обществе согласились «с естественным женским предназначением». Кроме того, опрос показал, что относительно работающей женщины существует целый ряд негативных установок. Например, 51% мужчин-респондентов и 37% женщин считают, что занятость последних негативно влияет на детей, 50% мужчин и 25% женщин осуждают женщину, которая работает ради собственной карьеры, то есть влияние стереотипов половых ролей в обществе еще очень велико, несмотря на то, что в странах бывшего СССР кардинальные изменения традиционных женских ролей начались достаточно давно (после Октябрьской революции) [118].

Примеры исследований с аналогичными результатами можно было бы приводить и приводить, но все они при некоторых расхождении в конкретных цифрах и процентах рисуют сходную картину.

Но хотелось бы акцентировать внимание на том, что видение женщинами своего образа во внутрисемейных отношениях меняется быстрее, чем представление мужчин о роли и функциях женщины в семье. Конечно же, изменение старых моделей внутрисемейных ролей и появление новых вызывает напряжение и противоречия в ролевом наборе мужа и жены.

Соединение роли матери и работницы, работницы и домработницы само по себе конфликтно, поскольку это не взаимодополнительные, а конкурентные позиции.

Конфликт возникает между ролями мужчины-работника и мужчины-главы семейства, если у женщины появляется роль работницы. Работа вне дома приносит не только дополнительные деньги в семейный бюджет, но и определяет самостоятельность женщины. Мужчина перестает быть сначала единственным, а затем и главным кормильцем, а вместе с этим утрачивает превосходство и лидерство в семье. Казалось бы, кто больше зарабатывает, тот и обладает большей властью в семье. Однако власть – это также и возможность распоряжения финансовыми средствами, и в этой области мужчины, как показало исследование Х. Домански, не доминируют. Данные исследования показывают, что при ответе на вопрос: «Кто в хозяйстве распоряжается деньгами?» (на него отвечали мужчины, как наиболее достоверные информаторы) мужчины не имели претензий к женщинам за распоряжение финансами. В большинстве стран доминирует образец совместного принятия решений. Только в трех странах доля мужчин, указавших на функционирование в их семьях модели «полного партнерства» составляла менее 50%. Этими исключениями были Филиппины и Япония, где вопрос о финансах чаще всего решают женщины (62 и 64% соответственно), а лежат деньги в общей кассе – всего у 12 и 14% семей соответственно. Еще одним исключением является Россия, где картина другая: деньгами распоряжается муж – 14%; деньгами распоряжается жена – 27%, у них общая касса – 47% (320, с. 47–49).

Прежде чем в Соединенных Штатах феминизм завоевал официальные позиции, событием, которое во многом повлияло на общественное мнение, стало издание книжки Бетти Фридан «Загадка

женственности» [279]. Фридан показала обществу, что американские домашние хозяйки не чувствуют удовлетворенности жизнью и не являются счастливыми, что растет число женщин, которые приходят к врачу с неопределенными проявлениями усталости и невротическими проблемами, источника которых они не могли назвать. Фридан определила их как «мистику женщины», которая требовала от них тратить свое время на бескорыстное оказание услуг другим.

Надо отметить, что параметр «заботы» является одним из тех, в котором ярко проявляется обесценивание психологических качеств, относящихся к женщинам. В процессе социализации общество поддерживает женщин в том, чтобы соответствовать «женским» нормам и путям развития и в то же время обесценивает их за выбор этого пути – в частности, женщину обучают заботиться о близких, удовлетворять, в первую очередь, потребности членов своей семьи и тратить свое время, энергию на ведение домашнего хозяйства, «поддержание очага». При этом женщин критикуют и зачастую дискриминируют в профессиональной сфере именно за то, что они чересчур тесно связаны с семьей и экономически зависят от мужчин. М. Гринспен отмечает, что женщина обычно усваивает эту андроцентрическую двойную связь в процессе социализации, одновременно и следуя полоролевым нормам, и обесценивая себя и свои психологические качества [327].

Огромное число женщин бурно отреагировало на книгу. Началась революция: женщины вновь взялись за свое образование и пошли на работу, даже на самую низкооплачиваемую, чтобы (не запустив ухода за детьми, мужем и домом) обогатить свою жизнь. Исход женщин из дома изменил лицо американского общества.

В Соединенных Штатах рост числа замужних женщин в составе рабочей силы заставил социологов пересмотреть многие положения, основанные на традиционном разделении супружеских ролей. Появились специальные исследования, касавшиеся двух работающих супругов, сравнения профессиональных достижений жены в соотношении с достижениями мужа. Анализ исследований, проведенных в 1970-е, а затем в 1990-е годы, свидетельствует, что проблемы в браке возникают, если служебные достижения жены

превышают достижения мужа и она начинает зарабатывать больше мужа. Следовательно, традиционные представления о распределении ролей в семье поставлены под угрозу: муж больше не содержит жену, и она больше не зависит от мужа. Но качество брака в двухкарьерной семье не страдает, если основные характеристики статусов мужа и жены (образование, престиж профессии, доход) приблизительно равны, либо показатели мужа выше [35, 106, 161, 188, 196].

Для женщин же работа вне дома, несмотря на двойную нагрузку, имеет особую ценность. Это наглядно показывают результаты исследований 1993 года, проведенных Центром исследования общественного мнения в Польше, когда было опрошено 1087 женщин по случайной выборке, и им был задан вопрос: «Какая женщина в нашем обществе более уважаема: профессионально работающая; домашняя хозяйка, нигде не работающая; либо между ними нет разницы?». Тот же вопрос был задан в 1996 году 1101 женщине. В результате мнение о более высоком престиже работающих женщин высказали в 1993 году 48,3% анкетированных, и только 3,2% выразили точку зрения, что домашняя хозяйка пользуется большим престижем. Через три года произошел скачок: уже 70,2% высказались в пользу работающих женщин и только 2,3% – в пользу домохозяек. Это произошло из-за изменения мнения тех женщин, которые в 1993 году не видели между обеими ролями большой разницы, их доля увеличилась почти наполовину – с 22,9% до 41,4% [320, s. 16].

Конечно же, не только соображения престижа побуждают женщину к совмещению нескольких ролей.

Работа необходима многим женщинам не только по экономическим, но и по социальным причинам. Они не хотят быть оторванными от коллектива и общения с людьми. Быт засасывает, а работа заставляет женщину находиться в «форме». Сравнивая кругозор и уровень интеллектуального развития работающих и неработающих женщин, психологи констатируют преимущества первых. Однако необходимость дополнительного заработка для семьи остается основным мотивом трудоустройства для многих работающих женщин в нашей стране [70].

Социологи говорят не о двух, а о трех основных ролях, которые приходится выполнять женщине: супружеской, родительской, профессиональной. А психологи добавляют, что в результате у нее может возникать чувство неудовлетворенности, если одна из них отсутствует в их жизни, что может вести к депрессии. Работа вне дома, как выяснилось, компенсирует стресс, она помогает женщине легче преодолевать напряжение в супружеских отношениях. Но выяснилось и другое: когда женщина чрезмерно увлекается работой и забывает о доме, напряженность в семье растет: с точки зрения близких, она забрасывает не только хозяйство, но и воспитание детей, что противоречит традиционной роли и, как следствие, у мужа и детей растет неудовлетворенность [65]. Такое развитие событий, как показали результаты нашего опроса, вполне вероятно, так как в этом случае активно строящая свою карьеру жена, не вписывается во вполне традиционные ожидания мужа. Считается, что из двух зол – плохое выполнение профессиональной или родительской и супружеской ролей – женщине следует выбрать первое, так как общество традиционно закрепило за ней роль хозяйки и воспитательницы детей. И традиционный процесс гендерной социализации во многом способствовал тому, чтобы сформировать у женщины именно те качества, которые необходимы для исполнения ролей жены и матери.

И если позиция мужчины в общественном сознании традиционно рассматривалась как эгоистическая, женщина же мыслилась как существо альтруистическое, для которого интересы семьи и близких важнее собственных интересов. Сейчас же эта позиция под влиянием феминистических взглядов начала активно ломаться – известная фраза М. Арбатовой – «Я у себя одна», могла бы стать девизом этого процесса. Многочисленные публикации в женских журналах, обучающие, как отстаивать свои интересы, как выстраивать жизнь с учетом, прежде всего, своих приоритетов – это то новое, что активно входит в сознание украинских женщин. Процесс этот, в целом позитивный, но несколько односторонний, так как меняются, в основном, взгляды, установки, стиль жизни женщин. Если подходить к этому с точки зрения развития отдельной личности, проблем ее самореализации и адаптации в меняющемся мире, то

формирование разумного эгоизма женщины, свободы выбора, оптимальной модели поведения, несомненно, процесс положительный. Но если мы рассматриваем не отдельную личность, а части семейной системы, то становится очевидным, что так же, как достаточно целенаправленно ведется работа по изменению сознания современной женщины, соответственно должна вестись работа по формированию новых, отличных от традиционных, взглядов на жизнь в семье мужчины. А ведь мужская литература, мужские журналы пропагандируют традиционный, при этом даже утрированно-маскулинный образ. Семья же, состоящая из носителей идеологии традиционной мужественности и новой женственности, прогнозируемо конфликтна и неустойчива.

Хотя профессионально большинство женщин не уступает мужчинам, но их зарплата во всех странах, как минимум, на 30% меньше. Поэтому главным добытчиком все равно остается мужчина. Мужчины концентрируются в лучше оплачиваемых сегментах рынка, женщины – в более низко оплачиваемых. Тем не менее работающие женщины в нашей стране (как, впрочем, и в большинстве стран мира) с точки зрения экономического состояния семьи располагаются на континууме от тех, кто является главным и единственным кормильцем семьи, до тех, кто по финансовым возможностям своих супругов вполне могут позволить себе не работать и чей вклад в семейный бюджет мало значим и несопоставим с вкладом мужа, но непосредственное удовлетворение от заработанных денег является ценностью само по себе. Собственные доходы повышают самооценку и дают чувство власти, основанное на более видимых и измеримых факторах, чем управление домом и каждодневное выполнение бытовых функций.

Следует учитывать, что семья с двумя работающими супругами становится в современных условиях «двухкарьерной» в полном смысле этого слова, так как все больше женщин (как это мы покажем в дальнейшем) ориентированы на успех не меньше, чем мужчины.

Естественно, что в такой «двухкарьерной семье» возникают и новые проблемы в межличностных отношениях. Те семьи, в которых оба супруга работают, подвержены стрессовым воздействиям со стороны как семейных, так и профессиональных проблем.

На адаптацию супругов к такого рода стрессам воздействует достаточно широкий комплекс факторов: от полоролевых установок мужа и жены до условий их трудовой деятельности.

Оценивая воздействие социальных контактов на адаптацию семей, в которых оба супруга работают, исследователи выделяют два теоретических подхода [186]. Согласно первому, основываясь на ранних работах, посвященных проблеме «ролевой перегрузки», у работающих супругов социальные контакты являются потенциальными источниками стресса. Установление, поддержание и развитие социальных контактов требует затрат времени и энергии, которых после выполнения профессиональных и семейных обязанностей остается не так уж и много. Таким образом, для работающих супругов, чьи ресурсы времени достаточно ограничены, включенность в социальные связи становится дополнительной обязанностью, которая может усиливать ощущение перегрузки и вызывать чувство загнанности. Правда, здесь есть одно значимое различие: женщины, обладающие большими материальными и психологическими ресурсами, извлекают пользу из контактов с другими людьми, в то время как женщины с малым объемом ресурсов воспринимают социальные связи как дополнительный стресс.

С другой стороны, существует иной взгляд на роль социальных отношений с позиций подхода, рассматривающего такие связи как источник помощи и поддержки, а именно: наличие социальных контактов позитивно связано с психологическим благополучием. Например, участие близких (других людей) способствует снижению негативных последствий профессионального стресса.

Два указанных подхода приводят к противоположным выводам относительно роли социальных связей в психологической адаптации семей с работающими супругами. Согласно теории «ролевой перегрузки» (которая была уже упомянута выше), воздействие социальных контактов на адаптацию будет негативным, согласно теории «социальной поддержки», – позитивным.

В исследовании российского психолога Л. Н. Лукьяновой была поставлена задача выявить, какой из представленных подходов больше соответствует современной социальной ситуации. Одной из целей данного исследования было рассмотрение влияния

социальных связей на адаптацию работающих супругов в семьях [186].

Полученные при проведенном исследовании результаты показали, что профессиональный стресс отрицательно коррелирует с психологическим самочувствием и мужей, и жен. Для данной группы на основе полученных результатов была предложена модель взаимосвязей между социальными отношениями, стрессом и психологическим самочувствием. Социальная поддержка, как выяснилось, оказывает как прямое влияние на адаптацию – наличие поддержки приносит пользу индивидууму (как мужчинам, так и женщинам), – так и не прямое влияние – через снижение уровня стресса, который уменьшается, встречаясь с высокой степенью поддержки. Выявленные в исследовании Л. Н. Лукьяновой факты косвенным образом еще раз подтверждают значимость психологической поддержки, тех позитивных межличностных связей, которые устанавливаются между супругами для стабильности брака.

Исследование выявило позитивную роль социальной поддержки. Но насколько партнеры по браку ориентированы на то, что такая поддержка необходима, что это обязательное слагаемое благополучной семейной жизни в современных условиях?

Социально-психологические исследования, проведенные в Вильнюсе в конце 1980-х годов, показали, что представления мужчин и женщин о семейных ролях часто ограничиваются какой-либо одной стороной семейной жизни – преимущественно хозяйственно-бытовой или сексуальной. Весьма любопытно, что в большинстве случаев подробно обсуждались обязанности не того пола, к которому принадлежал опрашиваемый, а противоположного. Для нас же интереснее всего расхождения (которые наиболее ярко проявились в исследовании), которые обнаружили между юношами и девушками в представлении о том, каким образом можно поддерживать хорошие психологические отношения в семье. Представители сильного пола основную задачу видели в материальном обеспечении, почти начисто забывая о моральной и эмоциональной поддержке, оказываемой мужем жене. В отличие от них представительницы слабого пола подчеркивали значение подобной поддержки и детально ее обсуждали [260].

Результаты исследований зарубежных психологов также подтверждают значимость поддержки: решающим фактором, определяющим удовлетворенность или неудовлетворенность женщин браком, является взаимная поддержка или ее отсутствие.

Напомню, что и в нашем опросе юноши основной своей функцией в семье видят материальное обеспечение. Вопрос же о готовности к поддержке и, главное, вопрос о понимании ее значимости остается открытым, так как нежелание молодых людей взять свою долю обязанностей при потере роли добытчика в семье вряд ли свидетельствует о стремлении помочь, поддержать жену.

Акцент на материальном обеспечении семьи, который во многих феминистски ориентированных работах рассматривается как способ мужчины дистанцироваться от остального широкого круга проблем семьи, с одной стороны, может быть осужден как попытка создать себе «легкую жизнь». С другой же, возложение исключительно на мужа роли добытчика зачастую приводит к целому ряду негативных явлений. Наиболее типичные из них:

1) профессиональные интересы мужчины могут не совпадать с выбором высокооплачиваемой работы, ему приходится выбирать ту работу, которая позволяет ему выполнять функцию добытчика, даже если она ему не нравится;

2) зарабатывание больших денег сопряжено обычно с работой днем и ночью, а это приводит к ослабеванию внутрисемейных контактов (и, прежде всего, с детьми);

3) ощущение ответственности за благополучие экономически зависящих от него близких людей, стремление оправдать ожидания семьи вызывает постоянную психологическую напряженность и приводит к появлению психосоматических заболеваний.

То есть обычная трактовка традиционного распределения семейных обязанностей как выгодных исключительно мужчине не в полной мере соответствует реальности. А с учетом того, что в психологической поддержке нуждаются и мужчины, то именно в случае «двойной нагрузки» жены муж с малой степенью вероятности ее получает. И причин этому много: от элементарной нехватки времени у отработывающей две смены жены до сознательного нежелания оказывать эту поддержку из-за нарушения справедливости,

отсутствия равновесия во вкладе в поддержание семейного очага. Если женщине не удастся привлечь мужа к выполнению семейных обязанностей, то, в большинстве случаев, она пытается уменьшить свой вклад, и оказание психологической поддержки партнеру уходит из списка обязанностей одним из первых, так как жена считает (и во многом справедливо), что в сочувствии, сопереживании и поддержке нуждается именно она.

Ситуация распределения и перераспределения функций и семейных обязанностей сложна и чревата конфликтами и теснейшим образом связана с представлениями о гендерных ролях.

И. С. Клецина отмечает, что гендерные конфликты в основном вызваны потребностью в перераспределении традиционных женских и мужских ролей. Как правило, мужчины имеют установки на традиционный тип семейных отношений в быту (жена выполняет больший объем домашних работ, а если муж ей и помогает, то только выполнением традиционных видов «мужской работы») [139]. Женщины чаще склоняются к эгалитарному типу распределения ролей в семье, при котором семейные обязанности делятся поровну между мужем и женой, либо распределяются в зависимости от сложившейся ситуации: основную часть домашних дел берет на себя тот член семьи, у которого больше свободного времени.

Шон Берн пишет, что «маловероятно, что гендерные роли изменяются раньше, чем изменится распределение обязанностей в семье» [35, с. 280]. Мы же считаем, что маловероятно, что изменится распределение обязанностей в семье, если не изменится сам процесс гендерно-ролевой социализации.

Женщине, да и мужчине достаточно сложно существовать в ситуации «разорванного сознания», когда в профессиональной сфере (за исключением некоторых видов деятельности) требования к ним унифицированы, яркая выраженность феминных и маскулинных характеристик является скорее «минусом», чем «плюсом», сложная социально-экономическая ситуация нацеливает на борьбу, конкуренцию, достижение успеха, а в семье продолжают господствовать традиционные установки, исполняются роли, созданные в совершенно иных условиях.

Женщина испытывает в такой ситуации больший ролевой диссонанс, чем мужчина, так как модель, востребованная в профес-

сиональной сфере, включает, все-таки, прежде всего тот набор качеств, который традиционно приписывался представителям мужского пола. В семье же мужчина ожидает от женщины типично феминного поведения, и делегируемый ей круг функций и внутрисемейных обязанностей поддерживает и закрепляет этот традиционный образ (хотя, заметим, что сама женщина уже не видит себя в этом образе).

Таким образом, рассматривая распределение обязанностей, как индикатор трансформации семейных отношений, можно отметить следующие ключевые моменты.

1. Представления о распределении внутрисемейных обязанностей и, соответственно, ролей, которые играют муж и жена в семье, меняются. Но, к сожалению, этот процесс имеет четко выраженные гендерные различия, что небезопасно для семьи, как для системы, в которой один из базовых элементов трансформируется быстрее, чем другой. Женщины ориентируются на эгалитарную модель распределения обязанностей, мужчины же – на традиционную.

2. Тем не менее есть позиции, указывающие на изменение ряда традиционных установок мужчин. Наиболее показательными здесь являются стремление к усилению отцовской позиции (воспитание как совместный процесс, а не как функция матери); признание необходимости совместного решения важных для семьи вопросов.

3. Наиболее устойчивой оказалась для мужчин функция и роль «добытчика». Для женщин же обязанность зарабатывания денег выступает как совместная. Не менее устойчивой для мужчин оказалась и роль женщины как «домохозяйки». Женщины же многие хозяйственные обязанности видят как совместные. То есть мы видим у мужчин сохранение традиционного контракта мужа – добытчика и жены-домохозяйки (причем вне зависимости от того, что жена также может выполнять роль «добытчика», даже основного или единственного). У женщин же формируется новый контракт: «добытчиков – домохозяек», ориентированный на партнерские отношения.

4. С точки зрения формирования и развития гендерной идентичности такая ситуация порождает ряд серьезных трудностей, так как существует расхождение между образом идеальной женщины, идеального мужчины, который создается на индивидуальной основе,

и представлениями об этом образе у представителей противоположного пола, которые, несомненно, являются «значимыми другими». Эта проблема усугубляется еще и тем, что, как отмечает Т. В. Говорун, процесс социализации пола в Украине является весьма противоречивым [74, 76].

2.3. Семейно-ролевые конфликты, порожденные изменением традиционных ролей и обязанностей

Рольные конфликты всегда имели широкое распространение во всех сферах жизнедеятельности человека. В переходную же эпоху многие роли трансформировались, добавились новые, нетрадиционные для нашего общества роли (например, женщина-предприниматель, мужчина-домохозяин, муж и жена во «встречающейся» семье и т. д.). Усиление ролевой неоднозначности привело к росту противоречий между ролями. В современном обществе ярко проявился конфликт между половыми и социальными ролями женщины (женщина-мать, жена и одновременно руководитель, политик и т. п.). В последнее время набирает драматизма конфликт между реальными внутрисемейными ролями мужчин, традиционными гендерными стереотипами и социальными ожиданиями в отношении этих ролей

П. П. Горноста́й [93, 94], обобщив данные исследований о структуре ролевого взаимодействия и типах ролевых конфликтов, сделал вывод, что конфликты возникают из противоречий между тремя группами факторов:

- а) организационными (ролевыми предписаниями, или социально заданными ролевыми позициями);
- б) межличностными (стилем взаимодействия, взаимными ролевыми ожиданиями);
- в) личностными (мотивами, ценностями, опасениями, Я-концепцией человека).

В целом, все ролевые конфликты можно разделить на две большие группы:

- 1) внешние, или межличностные (зависящие от объективных характеристик – реальных ролевых ожиданий, ролевого поведения, ролевых норм и т. п.);

2) внутренние, или внутриличностные (зависящие от компонентов когнитивной структуры индивида, например, его представления о ролевых ожиданиях).

В некоторых источниках также рассматриваются понятия объективного и субъективного ролевого конфликта [94, с. 45].

Семейно-ролевые конфликты являются теми, в которых проявляются противоречия между всеми группами факторов: организационными (так как роли мужа и жены, родителей и детей являются, во многом, социально заданными ролевыми позициями); межличностными (здесь, как мы уже видели ранее, взаимные ролевые ожидания стали особо противоречивыми); личностными (что также стало зоной столкновений между идентификацией себя с традиционным маскулинным/феминным образом и реальными особенностями собственной личности).

Семейно-ролевые конфликты вносят весомый вклад в закрепление негативной тенденции к росту разводов, которая типична для Украины (впрочем, как и для многих европейских стран). Изменения, происходящие в социуме, привели к трансформации в той сфере, которая долгое время считалась незыблемой, – роли мужчины и женщины в семье. И, естественно, когда ломаются установки, о которых можно с полным правом сказать, что они «впитаны с молоком матери», конфликты неизбежны. В тех супружеских парах, где уровень культуры невысок, выяснение вопроса: «Кто в доме хозяин?» может проходить в форме не только вербального конфликта, но и сопровождаться физической агрессией.

Переходное состояние общества продуцирует множество стрессов: потеря или вынужденная смена работы, неразрешимость жилищной проблемы, риск и перенапряжение в связи с предпринимательской деятельностью, ухудшение материального благополучия или страх его потери, невозможность полностью обеспечить потребности семьи и т. п. При этом разрешение возникших проблем все меньше осуществляется на макроуровне, через систему социальной защиты и государственной политики поддержки семьи, и все больше переносится на микроуровень – уровень внутрисемейных отношений. Далекое не каждая семья способна разрешить возникающие трудности, что порождает основу для межличностной напряженности и конфликтов.

А. С. Кочарян, Г. С. Кочарян и др. указывают на то, что нарушение какой-либо из функций семьи «следует квалифицировать как соответствующий вид конфликта» [166, с. 6].

Многочисленные исследования внутрисемейных конфликтов подтверждают это высказывание. Так, например, А. Н. Волковой в 1996 году было проведено изучение семейных конфликтов с учетом ряда независимых переменных [65]. Был проведен опрос около 300 семей – жителей Санкт-Петербурга и области с целью выявления различных проблем семейной жизни. В результате была получена следующая картина тематики конфликтов в семье:

1) ведение совместного хозяйства (распределение обязанностей, бытовая нагрузка, представления о роли быта во взаимоотношениях и т. п.) – 25, 5%;

2) воспитание детей (распределение родительских ролей, отношение к детям, различие в стилях воспитания – 12,3%;

3) финансы (экономический вклад каждого члена семьи, распределение денег, контроль семейного бюджета) – 9,7%;

4) вредные привычки супруга (пьянство, азартные игры, неряшливость) – 15,4%;

5) партнерские отношения (статус в паре, проблема понимания, достоинство, уважение и верность) – 21,5%;

6) взаимоотношения с родственниками и родителями супругов – 9,5%;

7) проведение досуга – 5,45%;

8) жилищные проблемы (неустроенность быта, проживание с родственниками) – 6,1%.

Как мы видим, все вышеперечисленные конфликты коррелируют с основными функциями семьи. Кроме тематики конфликта в данном исследовании учитывались еще два параметра: зоны конфликтов и их характер (хронические или ситуативные). Под зоной понималась достаточно автономная область семейной жизни, связанная с какой-либо функцией семьи. Оказалось, что зоны конфликтов меняются в зависимости от стажа супружеской жизни. Молодые пары чаще имеют конфликты в следующих зонах: бытовые функции, проведение досуга, взаимоотношения с родственниками. Конфликты в этих зонах значительно уменьшаются со стажем семейной жизни.

У супругов со стажем более 10 лет совместной жизни значимыми зонами становятся: межличностные отношения, воспитание детей, финансовые отношения. Однако одна область конфликта актуальна практически на любом этапе существования городской семьи: межличностные отношения супругов, в которых, как в фокусе, отражаются проблемы становления, трансформации и согласования широкого спектра внутрисемейных ролей.

Реальность, в которой мы живем, отрицает жесткую заданность женских и мужских ролей. Уже в советские времена базовой моделью семьи была семья с двумя работающими супругами. Принципиальная новизна этой модели, по сравнению с прошлым, состояла в том, что работающая вне дома жена и мать была в достаточной мере самостоятельной, иногда даже автономной фигурой и могла выполнять роль «кормильца» (в ряде случаев и главного). Но жизнеспособность традиционной советской семьи сохранялась в большей степени за счет двойной занятости женщин, роль же мужчины кардинально не менялась – обязанность содержать семью выступала как не просто главная, но единственная обязанность.

Исходя из этого, становится понятным, почему в пока немногочисленных исследованиях, посвященных изменению мужской роли в обществе, употребляют слово **«кризис»**. Ведь чтобы обрести и сохранить свое лицо, мужчине необходимо «двойное подкрепление», профессиональная занятость и семья. И, как следствие этого, мужчина более уязвим, так как возможна и двойная неудача. Для нашего общества очень характерна не столько действительно существующая в общегосударственном масштабе, сколько лелеемая в общественном сознании мужская роль «кормильца семьи». Представление же о себе как о «добытчике», «кормильце» является одной из базовых опор маскулинности. В Украине, учитывая ситуацию официальной, а еще в большей степени скрытой безработицы, выполнение этой роли для многих мужчин становится весьма проблематичной. С одной стороны, официальная статистика свидетельствует, что у безработицы в Украине – женское лицо, а с другой – исследования социологов, экономистов подтверждают известную нам на бытовом уровне истину – в огромном украинском теневом секторе работают преимущественно женщины, а скрытая

безработица коснулась, в первую очередь, таких «мужских» предприятий, как предприятия оборонной промышленности, тяжелого машиностроения и т. п. Реальностью стала ситуация, когда во многих семьях женщины, более гибкие по своей психологической природе и, благодаря этому, быстрее приспосабливающиеся к изменениям, стали единственными добытчиками и кормильцами.

«Присвоение» женщиной (иногда и вынужденное) такой базовой для мужской идентичности роли «добытчика» не может не порождать серьезных межличностных и/или внутриличностных конфликтов.

Семьи, в которых объективно произошло изменение традиционных ролевых обязанностей мужа и жены, могут реализовать следующие модели поведения.

I. Жена выполняет в семье функцию главного (а иногда и единственного) «добытчика». При этом традиционные женские домашние обязанности остаются на ней и не перераспределяются. Насколько эта ситуация типична для нашего общества, говорят результаты социологического опроса взрослого населения Украины, проведенного Украинским институтом социальных исследований в 1996–1997 гг. [25]. Отношение опрошенных к утверждению: «Если жена более способна быть главным «добытчиком» денег в семье, то ее муж должен заниматься домашними делами» оказалось следующим:

- 40% мужчин и 56% женщин выразили согласие с этой мыслью;
- 40% мужчин и 26% женщин выразили негативное отношение;
- 20% мужчин и 18% женщин не смогли однозначно определить свое отношение к данной ситуации.

Различия во взглядах мужчин и женщин на возможность перераспределения обязанностей в ситуации «жена-добытчик» проявились достаточно ощутимо, но этот результат ожидаемый и закономерный. Интереснее другое – четверть опрошенных женщин на нетрадиционную для патриархальной семьи ситуацию отреагировали совершенно в духе домостроевских традиций. Таким образом, взаимодействие супружеской пары в ситуации смены ролей может проходить как минимум по двум сценариям.

1) Муж, не имея возможности осуществлять функцию материального обеспечения семьи, тем не менее категорически не желает брать

на себя хозяйственно-бытовую сферу жизни семьи, считая это чисто женским занятием. Жена же в такой ситуации, вынужденная выполнять весь комплекс традиционных и нетрадиционных для женщины семейных ролей, испытывает при этом широкий спектр негативных реакций как по отношению к супругу, так и к супружеству вообще. Проиллюстрируем эту ситуацию примером из консультативной практики.

Елена, 42 года. Я с работы приходила как выжатый лимон. Деньги-то мне платят приличные, за сделанное сверх нормы доплачивают, а муж работу потерял, дома сидит – вот и приходится... Но выматываешься – ничего уже не хочется, бежишь с работы, купишь что-то поесть, а дома начинается: «Ты что, не можешь нормальный обед приготовить? У тебя пыль в палец толщиной лежит!» А сам-то ничего не делает, сидит дома, друзей обзванивает. Работу он так ищет. Вначале мне было обидно до слез, а потом поругались мы как-то очень сильно, и он ушел из дома куда-то. Я бы вроде должна страдать, нервничать, а мне так легко стало! И я вдруг поняла – он для меня не муж, не мужчина – а просто обуза! Я не хочу все тянуть на себе, я устала ненавидеть его за то, что он сидит дома и ничего не делает... Мы расстались... Он меня еще долго попрекал, что это из-за денег. Нет, я не знаю, как это объяснить, но это не из-за денег, просто с ним стало тяжелее, чем без него. Если бы он по дому что-то делал, и не приставал с упреками, мы бы и до сих пор бы жили, ведь вначале я его очень любила... В общем, я сейчас ни о чем не жалею. Только мне стало трудно с мужчинами, стала какой-то циничной, не о чувствах думаю, а о том – обуза он или не обуза. А попадаются в основном такие, что денег, в лучшем случае, самому на кусок хлеба, а претензий по обслуживанию столько, как будто я дома сижу – ничего не делаю, а он меня содержит. Нет, наверное, с браком я завязала...

Как мы видим в описанном выше случае, объективно изменившаяся внешняя ситуация не привела к пересмотру установок и изменению поведения мужа, оно оставалось стереотипно маскулинным. И, соответственно, от жены ожидалось сохранение не менее стереотипного фемининного поведения в семье. Ориентация же жены на перераспределение обязанностей не в соответствии с полом,

а в соответствии с объективно сложившейся ситуацией (которая в первую очередь коснулась именно ее) привела к распаду брака и к некоторым личностным изменениям. На смену «этике заботы», жертвенности, примата чувств над разумом (слагаемых образа традиционной женственности) пришел рационализм во взаимоотношениях, учет, прежде всего, собственных интересов.

Ситуация, обрисованная в интервью, достаточно типична. Подавляющее большинство прилично зарабатывающих женщин занято в сфере малого и среднего бизнеса (или в теневом секторе экономики), где продолжительность трудового дня зачастую не регламентирована, уровень нагрузок высок и, как следствие этого, на домашние дела остается и мало времени, и мало сил. И если партнер не вносит свою долю труда в семейные отношения, такой брак рано или поздно разрушается, так как нарушается равновесие вкладов супругов в жизнь семьи, срабатывает «фактор справедливости».

Яркой иллюстрацией стремления к установлению равновесных отношений в семье являются результаты исследования О. М. Здравомысловой (2003), проведенного в России и Чехии (см. табл. 2.2) [117].

Показателен достаточно высокий процент выразивших согласие с позицией, что «муж и жена делят поровну обязанности...». Как позитивный фактор можно рассматривать то, что подавляющее большинство опрошенных оценивает как критерий неравномерного распределения домашних обязанностей именно наличие свободного времени, а не величину финансового вклада в домашнее хозяйство. Тем не менее мы также видим здесь у женщин более выраженную эгалитарную позицию (см. утверждение 1, б), а у мужчин – традиционную (см. утверждение 2, 3).

2). Жена, выполняя функции «добытчика», домашнюю работу считает «не мужским» делом и не инициирует (а иногда и не допускает) участия мужа в хозяйственно-бытовых функциях.

Виктория, 53 года. Муж у меня почти ничего в дом не приносит, я все сама кручусь. И работа, и на подработки езжу, и пироги пеку, и стираю, все на мне! Не мужику же этим заниматься... А с работой – ну так у нас сложилось, так не разводиться же! Дочка, правда, меня укоряет, говорит: «Ты б заставила отца по дому что-то делать». Да он и делает, если что надо по мужской работе, а чтоб борщи варить – ну не знаю...

Таблица 2. 2.

**Распределение семейных обязанностей в семье
в % от числа ответивших***

№ п/п		Прага		Москва	
		Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
1	Муж и жена делят поровну обязанности по дому и воспитанию детей	45	62	64	74
2	Муж – кормилец семьи, жена заботится о доме и детях	54	51	73	58
3	Муж выполняет «мужскую», а жена – «женскую» работу	40	20	79	52
4	Муж больше, чем жена, посвящает времени домашней работе и уходу за детьми	4	1	12	10
5	Жена больше, чем муж, посвящает времени домашней работе и уходу за детьми	43	27	45	27
6	Тот из супругов, кто меньше занят на работе, посвящает больше времени дому и воспитанию детей	66	63	77	87
7	Тот из супругов, кто меньше зарабатывает, делает основную работу по дому и уходу за детьми	16	12	8	9

* Респонденты выражали согласие или несогласие по каждому высказыванию, поэтому сумма по столбцу больше 100%.

Как в первом, так и во втором варианте сценариев или один, или оба партнера имеют жесткие традиционные полоролевые установки, их гендерная идентичность соответствует стереотипно-традиционному маскулинному/фемининному типу, следование которому привело в первом случае к распаду семьи.

Но надо отметить, что ряд семей под влиянием объективных факторов, влияющих на организацию семейной жизни, перестраивают свои отношения.

При этом перераспределение функций может осуществляться под давлением и сопровождается внутренним неприятием новой роли (своей/своего партнера/ или той или другой вместе).

Татьяна, 33 года. Мы с мужем оба преподавали, поступили в аспирантуру, но... у родителей изменились материальные условия, они уже не могли помогать нам. Мы решили, что в первую очередь, защищаться должен муж, а я пока поищу себе какую-нибудь денежную работу. Мне это удалось относительно легко, благодаря своей активности и общительности, зарабатывать я стала прилично. Правда, были и свои минусы – шестидневка, работа ежедневно до 8–9 вечера. Муж занимался наукой, защитился, но... ставка преподавателя в государственном вузе финансовых проблем не решала. В общем, как это раньше говорили: «Сто рублей, но рано дома». Постепенно я перевела все стрелки в домашних делах на него. Не скажу, что это было легко – и скандалы были, и поджатые губки свекрови... Но, с другой стороны, – а что он думает, что я одна в семье пахать буду!? Я не могу сказать, что у нас в семье все гладко. Внешне-то все вроде бы нормально... Но, если честно сказать, меня мучает мысль, насколько устойчив наш брак. Муж мне часто с подколкой рассказывает о своих лаборантках, ассистентках и т. п., которые хоть маленькую зарплату получают, но мужей холят-лелеют, борщами-варениками кормят. Я-то с утра до ночи на работе, а он с полдня свободен. Может быть, я не права, но мне кажется, что у него кто-то есть. А с другой стороны, если сказать честно... Меня что-то грызет внутри – ну что он за мужик! На самом деле мужик в нашей семье давно я...

В этой ситуации отчетливо отразилась двойственность представлений, характерная для переходных периодов развития общества. Современная «андроженная» модель семейных отношений вступает в противоречие с глубинными традиционными полоролевыми установками.

Все вышеперечисленные модели семейного поведения порождают целый ряд конфликтных ситуаций, значимо влияющих на качество семейных отношений и, в конечном итоге, на стабильность брака. Среди наиболее характерных для нынешнего периода причин конфликтных ситуаций я бы выделила два основных вида.

1. Неприятие партнера в новой роли. Этот вид может проявляться в следующих вариантах:

а) мужа раздражает жена в роли кормильца, ситуация рассматри-

вается им как унижительная для мужского достоинства. Реакция мужчины в такой ситуации варьируется в зависимости от его индивидуальных особенностей в диапазоне от глубокой депрессии до физической агрессии, направленной на жену. Мужчина может в такой ситуации минимализировать свое жизненное пространство в семье, свои потребности, свою роль в принятии решений. Подсознательно, а когда и сознательно, подчеркнуто демонстративно старается обособиться от материальных благ, приносимых в дом женой. Очень характерной чертой для такой модели поведения являются конфликты между супругами, касающиеся потребностной сферы. Не имея возможности обеспечивать материальную сторону жизни семьи, мужчина ограничивает удовлетворение своих потребностей («мне ничего не нужно...», «что на меня деньги тратить...») и т. д.), что порождает у жены, семейно обусловленной, чувство вины, и конфликт протекает в скрытой форме, скорее как два взаимообусловленных внутриличностных конфликта. Но конфликт может проходить и как столкновение ценностных ориентаций супругов. «Ты корыстная», «тебя только деньги интересуют», «тебе работа важнее, чем семья» – обвинения мужа. «Его больше устраивает жить в нищете, чем крутиться», «он считает, что кусок хлеба и картошка в доме есть – и достаточно» – претензии жены.

Причиной вербальной либо физической агрессии в ситуации недовольства новой ролью жены является чаще всего подсознательное стремление утвердиться в традиционной роли мужчины – сильного, доминирующего, агрессивного. С этой же причиной зачастую связана и супружеская неверность, в основе которой не столько желание удовлетворить свои сексуальные потребности, сколько опять же подсознательное желание утвердиться в своей мужественности: («хочу чувствовать себя мужчиной»);

б) жену раздражает муж в роли «нахлебника». Эта ситуация особенно характерна для традиционно ориентированных женщин, которые воспринимают и оценивают мужчину в первую очередь как добытчика. Реакции женщин в такой ситуации располагаются в достаточно широком спектре: от вербальной агрессии, направленной на мужа, до снижения сексуального влечения и поиска «настоящего мужчины» на стороне.

2. Неприятие себя в новой роли, кризис гендерной идентичности. Последствия такой ситуации могут проявляться в депрессивных реакциях различной глубины, аутоагрессии, состоянии глубокой внутренней неудовлетворенности и глубинной семейной неудовлетворенности, что, в свою очередь, может порождать агрессию, направленную на других членов семьи.

В конечном итоге, и неприятие себя, и неприятие партнера в новой, нетрадиционной для внутрисемейных отношений, роли приводит к семейно-обусловленному нервно-психическому и физическому напряжению и может стать толчком для развития соматических заболеваний, появлению суицидальных тенденций или стать причиной распада семьи.

II. Кроме вышеперечисленных вариантов достаточно негативных последствий перестройки и смены ролей мужа и жены, отчетливо начинают проявляться тенденции к установлению подлинно партнерских равноправных отношений супругов, которые потребовали пересмотра, в первую очередь, собственных представлений о «мужественности» и «женственности».

В подтверждение этого можно процитировать высказывания двух женщин, которые выполняют в своих семьях на данный период функцию «добытчика»:

Наталья, 27 лет. Мы с мужем вместе уже 5 лет. Я референт-переводчик, знаю два языка, работаю в СП, на зарплату грех жаловаться. Мужу же повезло меньше, он технарь, работа и зарплата нестабильны, да и когда она есть... ну вы сами представляете, сколько сейчас инженеры на наших заводах получают. Но у него золотые руки, квартира наша – как игрушка, большинство домашних забот он взял на себя. Когда у нас родилась дочка, мне очень жалко было терять эту работу и через 1,5 месяца я уже вернулась на фирму. Настю же полностью взял на себя Женя. Нам, в общем, и не приходится в голову подсчитывать, кто сколько зарабатывает и кто что делает. Я очень уважаю своего мужа за то, что он делает для семьи, и он это знает.

Особенно интересен рассказ другой женщины, **Марины, 39 лет**, семья которой находилась на грани развода, но сохранилась, благодаря тому, что супруги сумели пересмотреть свои традиционные

установки. «Мы с мужем достаточно быстро встали на ноги, оба хорошо зарабатывали, никаких споров и ссор по денежным вопросам у нас никогда не было, деньги тратились, в основном, на меня и на дочку, причем муж сам настаивал на этом. После начала перестройки и всего этого «рынка» все изменилось к худшему... Я, в конце концов, смогла найти новую работу с хорошей зарплатой, стала быстро продвигаться... У мужа на работе о зарплате вообще забыли, он уволился, но постоянной новой работы не нашел. И тут у нас начались постоянные конфликты – он стал предъявлять претензии, что я плохая хозяйка, не занимаюсь ребенком и т. д. У меня же эти его слова вызывали просто взрывы злости – как он, ничего не делая, еще смеет предъявлять претензии ко мне!? Затем я почувствовала, что муж начал погуливать... ну и я, если честно сказать, разрешила себе иметь «друзей». Через некоторое время, как мы ни старались сдерживаться, оба уже понимали – все! Мы разошлись (но не развелись), бывший (на тот момент) муж нашел работу, жил сам, да и я замуж не стремилась, так как работа занимала у меня все силы и время, но тут, я должна отдать должное своему мужу, он первый стал делать активные шаги к примирению... Теперь моя карьера пошла еще более успешно, и это во многом благодаря мужу – он полностью освободил меня от быта, помогает мне во всем. Я зарабатываю в 5–6 раз больше, чем муж, но сейчас это уже больше никого не волнует. Андрей, по-моему, очень точно поставил диагноз, что с нами произошло: «Я думал о том, как унижительно жить на деньги женщины, но не думал о том, что эта женщина – моя жена, которой тяжело и о которой мне надо заботиться и помогать...».

Наверное, эта история недостаточно пока типичная, но она демонстрирует возможность благополучного разрешения такой психологически тяжелой для многих пар ситуации, когда «добытчиком» в семье становится женщина, «посягая» тем самым на одну из основ мужественности.

Как мы видим, трансформация традиционных ролей и обязанностей приводит и к целому ряду внутриличностных проблем.

С трансформацией гендерной идентичности связан, прежде всего, внутриличностный экзистенциальный конфликт, порожденный гендерными стереотипами. Этот конфликт, как отмечает И. Клецина,

нарушая привычный ход жизни, дезорганизуя или даже делая невозможной жизнедеятельность, требует от человека переосмысления своей жизни и ее наиболее существенных черт, переосмысления своих жизненных целей, отношений с окружающими, образа жизни, взглядов, установок и многого другого. Успешное преодоление конфликта является жизненно важной задачей для человека, а результатом его разрешения часто становится появление новых качеств и условий жизни [139].

Одним из наиболее выразительных примеров экзистенциального конфликта является ситуация трудного жизненного выбора: «работа или семья», с которой (по разным причинам) приходится сталкиваться как женщинам, так и мужчинам. Если женщина при решении такой дилеммы выбирает работу, она не только принимает важное жизненное решение, она (осознает она это или нет) отказывается от идентификации себя с образом традиционной женственности. Аналогичные процессы происходят и с мужчиной, если он совершает выбор в пользу семьи.

Широкий спектр внутриличностных конфликтов переживает работающая женщина, стремящаяся гармонично объединить сферу семейную и профессиональную, роль жены и матери и роль работницы (а зачастую и руководительницы). Ролевой конфликт работающей женщины возникает вследствие большого количества социальных ролей, которые выполняет женщина, и нехватки времени, физических сил для полноценного выполнения этих ролей. Конфликт между ролями чаще возникает, если женщина ориентирована и на профессиональный рост, и на свою семью. В этом случае взаимно противоречивые требования различных социальных ролей, выполняемых личностью, препятствует их успешной реализации.

Как отмечает О. А. Гаврилица, отрицательная оценка умения женщины справляться с совмещением ролей в семейной и профессиональной сферах приводит к возникновению ролевого конфликта, проявляющегося в целом комплексе субъективных негативных переживаний [66].

С какими же психологическими проблемами сталкивается современная работающая женщина в своей семье? Типичным для работающей женщины является чувство вины, связанное с семьей.

Оно возникает при затруднениях в реализации семейных ролей из-за того, например, что приходится много времени уделять работе и забирать это время у близких, нарушая таким образом важный для многих женщин баланс работы и семьи.

Часто чувство вины связано с «синдромом отличницы», то есть с установкой одинаково превосходно выполнять все свои роли – и деловой женщины, и матери, и жены. Когда такое идеальное выполнение всех функций становится невозможным, какие-то роли «сворачиваются», редуцируются, но при этом женщина испытывает чувство вины перед ребенком, которому она не уделяет достаточно внимания, перед мужем, из-за того, что она не выполняет в полном объеме традиционные женские функции и т. п. Психотерапевты отмечают, что именно чувство вины лежит в основе многих стресс-симптомов работающих матерей.

Другой стороной этой проблемы является семейно-обусловленное нервно-психическое и физическое напряжение. Чрезмерное нервно-психическое напряжение, которое характерно для женщин, совмещающих интенсивную деловую жизнь с традиционным выполнением семейной функции, является одним из основных психотравмирующих переживаний, источником формирования «синдрома загнанной домохозяйки» (Э. Берн) [36].

Чувство вины, нервно-психическое и физическое напряжение может привести к состоянию глобальной семейной неудовлетворенности, когда образуется глубокая пропасть между ожиданиями женщины и ее реальной семейной жизнью, между ее высоким статусом в обществе («удачливая деловая женщина») и низким статусом в семье («плохая жена и мать»).

Общей причиной этих серьезных проблем является ролевой конфликт, порожденный, с одной стороны, необходимостью сочетания деловых и семейных ролей, а с другой – их внутренней противоречивостью.

Женщины всегда воспринимались как гарант стабильности в семье и обществе, а теперь именно ее роли, ее функции подвергаются активному размыванию и расшатыванию. А вместе с изменением ролей и функций женщины в семье и обществе изменяется и образ женщины, приписываемые ей психологические характеристики,

ожидание по отношению к ее поведению, взглядам, жизненным целям и ценностям.

Кроме того, неоднозначным становится и процесс гендерной социализации в семье, так как дети могут наблюдать широкий спектр моделей поведения мужчин и женщин, разрушение традиционных гендерных стереотипов или их сохранение (причем, как разрушать, так и сохранять могут как один из членов семьи, так и оба) и т. д.

Как идет формирование психосексуальных характеристик, гендерной идентичности у детей, воспитывающихся в тех семьях, где роли родителей кардинально поменялись: мама является основным источником дохода в семье, а отец, лишившийся работы, сидит дома?

Что происходит в семьях, где у партнеров одинаково успешная профессиональная карьера, причем независимая друг от друга? А если профессиональная конкуренция проникает в семью? Количество вопросов бесконечно, и, к сожалению, большинство из них пока без ответов.

А ведь статистика свидетельствует о том, что семья становится все более нестабильной, идет постоянное ухудшение психического здоровья общества (это ожидаемый результат, так как истоки здоровой или больной психики – в семье). Для того чтобы сделать хотя бы первые шаги по оздоровлению семьи, может быть, есть смысл помочь современным, умным, активным, высокопрофессиональным женщинам адаптироваться в собственных семьях, чтобы не возникла ситуация, характерная для ряда развитых стран, где женщина сама себя ставит перед выбором: семья или карьера, и зачастую выбирает второе.

На сегодняшний день в обществе необходимо сформировать понимание того, что женщины, социальные роли которых далеки от традиционных, нуждаются в психологической помощи для освобождения прежде всего самих себя от тех установок, которые не соответствуют реалиям сегодняшнего дня. Мы не всегда можем изменить окружающих нас людей, но изменить субъективное восприятие себя и собственной модели жизни мы в силах.

И хотя сейчас основное внимание сосредоточено на «женском вопросе», мужчины сталкиваются с не менее серьезными

проблемами в поиске своего места в изменившемся обществе и в семье. Из-за более высокого уровня притязаний, мужчины тяжелее адаптируются к новым условиям и требованиям. Поставленные в непривычные условия «двойной подчиненности», когда руководитель является не только начальником, но и владельцем, многие мужчины ощущают психологический дискомфорт, сталкиваясь с ситуацией, привычной для женщин, но новой для мужчин – «стеклянным потолком» в их карьере. Нестабильность существования, отсутствие социальных гарантий тяжело воспринимается мужчинами с традиционными установками, которые, теряя функцию кормильца семьи, теряют и самоуважение, ощущение собственной ценности, и, как результат – пытаются выйти из этой ситуации неадекватными ей способами: алкоголизм, суицидальное поведение, вербальное и физическое насилие.

Нельзя забывать, что не только семья сама по себе является причиной конфликтов. Проблемы окружающей действительности также преломляются через призму семейных отношений. Типичными примерами являются: влияние на семейные отношения потери работы одним из партнеров, разрушенная карьера, невыносимый психологический климат на работе и т. п.

Надо отметить, что трудности «внешнего мира» могут по-разному отразиться на психологических взаимоотношениях в семье. Семья может стать защитой от негативных внешних воздействий, может помочь сформировать способы противодействия трудностям, а может и усугубить их.

Несмотря на расширение спектра внутрисемейных, внутриличностных конфликтов, которые имеют гендерную природу, это не означает, что ими охвачены все мужчины и женщины. Защитную роль здесь играет идентичность человека. И. Клецина высказала предположение, что чем большее значение в структуре Я-концепции имеет личностная идентичность, тем в меньшей мере человек подвержен влиянию гендерных стереотипов и в большей степени способен к адекватному поведению, не предполагающему его вовлеченность в ситуацию внутриличностных конфликтов. Таким образом, можно заключить, что в большей мере подвержены внутренним конфликтам гендерного типа индивиды, у которых

гендерная идентичность, как составляющая личной идентичности, занимает ведущее положение в структуре их Я-концепции [139, с. 3].

Мы также можем предположить, что успешное разрешение семейно-ролевых конфликтов, приводящее к пересмотру стереотипизированного содержания внутрисемейных ролей в пользу учета индивидуальных характеристик личности и особенностей ее жизненного пути будет способствовать становлению целостной, непротиворечивой модели гендерной идентичности.

Разрешение семейно-ролевых конфликтов, принятие себя и других в новых ролях становится основой для передачи уже иного социального опыта детям, что, в свою очередь, облегчит им выход из узких рамок традиционной гендерной социализации и создаст основу для формирования индивидуализированных моделей гендерной идентичности, а своих семей – как человекоцентричных.

ГЛАВА 3 САМОРЕАЛИЗАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ И ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

3.1. Гендерные стереотипы в профессиональной сфере и реальность

Профессиональная сфера нашей жизни, успех и неудачи, выбор определенного вида деятельности и траектории развития в ней, с одной стороны, отражают особенности личности человека, с другой же – изменяют, трансформируют ее. И. П. Попова отмечает, что «профессиональная идентичность всегда была основанием идентичности и мужчин, и женщин в советском обществе. Профессиональная карьера, как правило, занимала в жизненном проекте ведущее место. При этом на уровне государственной политики декларировались равные права и равные шансы мужчин и женщин в сфере профессиональной деятельности: выбора профессии, обучения, продвижения на работе, профессионального роста. В реальности формировался свой, устоявшийся в массовом сознании гендерный характер различных профессий (например, профессия летчика, должностная позиция директора крупного предприятия имели явно «мужской облик», работника сферы обслуживания, учителя – «женский» и т. д.). Кризис и реформы 1990-х годов изменили ситуацию. Многие оказались перед неизбежностью «слома» жизненного и профессионального проекта, создаваемого годами выбора и обучения профессии, выстраивания карьеры, формирования навыков, профессионального опыта, связей и др.; другие пытались продолжать его несмотря ни на что» [233, с. 2].

Не вызывает сомнения, что гендерная и профессиональная идентичность тесно связаны, слишком много стереотипов накопилось в этой области. Поэтому долгие годы на выбор профессии значимое влияние оказывало ее гендерное позиционирование в сознании – «женский» это вид деятельности или «мужской». С другой же стороны, выбор женщиной (или мужчиной) направления профессио-

нального развития, стереотипно связанного с противоположным полом, порождает у окружающих сомнения в женственности/мужественности этих людей.

Трудовая деятельность в целом, избранная профессия, формирующая профессионально значимые качества личности, вносят свой вклад в образ «Я» и затрагивают некоторые аспекты гендерной идентичности. Свидетельством этого являются и многочисленные гендерные стереотипы, имеющие как достаточно глобальный характер и постулирующие взаимосвязи между полом и приоритетными жизненными сферами (профессиональной – у мужчин и семейной – у женщин), так и более частный, связанный с конкретными профессиями и видами деятельности.

Взгляды психологов на взаимосвязь между трудовой деятельностью и формированием личности, образа «Я» располагаются на континууме от представления о негативном влиянии труда до представления о нем как о факторе совершенствования и развития личности.

Практически все теории самоактуализации содержат тезис, согласно которому доминирующим мотивом любого трудового поведения и поведения вообще является наиболее полное выражение индивидуальных умений и способностей. Наиболее известный представитель этого направления Абрахам Маслоу, утверждал, что самоактуализации работающий человек может достичь, если на работе он использует свои способности для достижения позитивных целей, работа удовлетворяет его потребности и служит реализации таких ценностей, как поиск истины, уникальность, целостность, совершенство и независимость [195]. В отличие от позитивной трактовки роли работы в жизни и формирования личности человека в рамках «Я-психологии», фрейдистская точка зрения на работу достаточно пессимистична [277]. Зигмунд Фрейд считал, что количество имеющейся у человека жизненной энергии (либидо) представляет собой фиксированную величину и силы, потраченные на трудовую деятельность, отнимают энергию у любви и личностной активности. Труд – необходимость, продиктованная потребностью человека в пище и средствах существования, и, кроме того, сама формальная структура трудовой деятельности с ее правилами и ри-

туалами заставляет человека руководствоваться в жизни принципом реальности, а не принципом удовольствия. Трудовая деятельность является серьезным препятствием для свободного удовлетворения фундаментальных для Фрейда сексуальных и агрессивных инстинктов. Труд способствует укреплению эго, но для человека он выполняет функцию внешнего контроля, поэтому, естественно, что трудовая деятельность, как и любой другой ограничитель свободы проявления влечений, вызывает у личности негативные чувства.

Несмотря на общую пессимистическую концепцию трудовой деятельности, З. Фрейд все-таки не отказывает труду в ряде положительных влияний на личность. Так, например, труд структурирует жизнь человека и делает ее более осмысленной, давая возможность учиться и приспосабливаться к реальному миру. Таким образом, труд способствует достижению зрелости, формированию сильного эго, что, в конечном итоге, позволяет человеку проявлять свои инстинкты в социально приемлемой форме.

В любом случае, несмотря на положительную или отрицательную оценку, трудовая деятельность представляет собой значимый фактор формирования таких базовых характеристик личности, как самооценка и образ «Я», который включает, естественно, и гендерный компонент. Трудовая деятельность продуцирует многие социальные стереотипы и установки, и они закрепляются в процессе трудовой социализации. Но не только труд влияет на личность – существует и обратная связь. А. Фернхем, П. Хейвен отмечают, что хотя работы, посвященные связи между личностными характеристиками и такими параметрами, как выбор профессии, мотивация труда, продуктивность, удовлетворенность работой, смена профессий, новаторство, креативность и т. д., недостаточно систематизированы, их объем непрерывно растет. Результаты исследований вполне ясно показывают, что личностные черты являются одним из значимых факторов, определяющих результаты трудовой деятельности [275]. По отношению же к личностным характеристикам, приписываемым представителям определенного пола, достаточно давно в общественном сознании существовали установки, связывающие эффективность трудовой деятельности с наличием или отсутствием определенных «мужских» и «женских» качеств.

В психологии разработаны различные теоретические модели влияния личностных факторов на профессионально-релевантное поведение. Достаточно типичным примером такого подхода является модель О'Брайена (O'Brien, 1986), схематически изображенная на рис. 3.1 [275, с. 228].

О'Брайен отмечает, что как смена профессии, так и реакции человека на работу различных видов в какой-то степени зависят от личностных факторов. Кроме того, О'Брайен признает, что организационные структуры и условия работы оказывают влияние на личностные характеристики и общую адаптацию (а может быть, даже радикально изменяют их, хотя в его модели это влияние не учитывается).

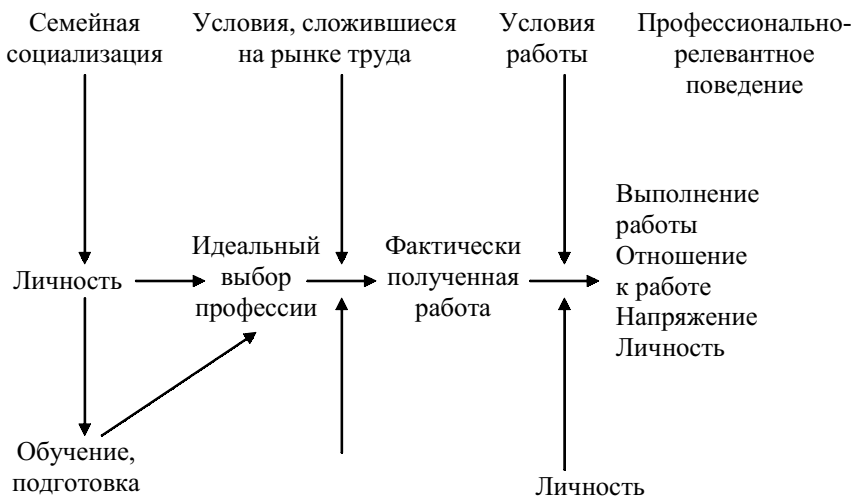

Рис. 3. 1. Связь между личностными параметрами, выбором профессии и содержанием работы

Условия, сложившиеся на рынке труда, и социально-экономический статус человека являются факторами, ослабляющими связь между выбранной профессией и фактически полученной работой. Профессионально-релевантное поведение непосредственно

определяется содержанием работы, но также в какой-то степени зависит от условий работы и личностных характеристик работника.

В этой модели, естественно, отмечено влияние семейной социализации на личность. И именно семья является первым и одним из главных источников трансляции гендерных стереотипов, закладываемая в сознании установки о «правильном» женском и мужском поведении, о «подходящих» для женщин и мужчин профессиях, значимых жизненных сферах и т. п. Существующие в обществе гендерные стереотипы оказывают большое влияние на социализацию детей, подростков, юношей и девушек, во многом определяя ее направленность. Гендерные стереотипы, при всем их многообразии, можно объединить в три группы, две из которых так или иначе относятся к профессиональной сфере [35, 38, 80, 136, 138, 142, 164, 183, 223, 249, 287].

О первой группе – стереотипах маскулинности-фемининности мы уже достаточно подробно говорили ранее. Вторая же группа гендерных стереотипов касается закрепления в соответствии с полом семейных и профессиональных ролей. В них постулируется, что главные социальные роли женщин – семейные (жена, мать, хозяйка), все остальные интересы, в том числе и профессиональные, являются вторичными по отношению к этим семейным ролям. У мужчин же главные социальные роли – профессиональные, и оценивать реализованность их личностного потенциала следует по профессиональным успехам. Оценка же успешности жизни женщины, ее реализованности в социуме осуществляется по наличию или отсутствию семьи и детей.

Третья группа гендерных стереотипов имеет более «узкий» характер и связана с различиями в содержании труда. Типичным, свойственным женскому полу, считается исполнительский, обслуживающий характер труда, а «женские профессии» являются проекцией на макроуровень традиционных женских занятий – здравоохранение, образование, общественное питание и торговля, социальное обеспечение и т. п. Содержание же мужского труда в большей степени относится к инструментальной сфере, где главным является творческий, созидательный труд. Кроме того, мужчине отводится роль руководителя, а женщине – подчиненной, обслуживающего персонала.

Естественно, что если трансформации в социально-экономической сфере затронули семью (в которой как в зеркале отразились и преломились новые роли, которые женщины и мужчины стали играть в социуме), то в области профессиональной изменения произошли еще более ощутимые. Как следствие этого процесса, характерного не только для Украины, а и для всех экономически развитых стран, в психологии одним из перспективных направлений научных исследований становится изучение изменений гендерных стереотипов в зависимости от профессионального выбора. Изменение же гендерных стереотипов влияет и на формирование гендерной идентичности, и на возможности полноценной реализации себя в профессиональной сфере – прежде всего как уникальной личности, а не как типичного представителя того или иного пола.

Тем не менее традиционно построенный процесс гендерной социализации во многих своих аспектах продолжает тиражироваться, так как ригидность в этой сфере крайне велика. Традиционные же гендерные роли способствуют формированию активного отношения к миру, стремлению самореализоваться в любимом деле и принятию ответственности за свою жизнь в большей степени у мужчин, нежели у женщин. Исследователи, изучавшие проблемы самореализации женщин и мужчин, отмечали, что традиционные гендерные роли затрудняют самореализацию именно женщин, ограничивая ее возможности «внесемейной» самореализации.

Конечно, говоря о самоактуализации, следует отметить, что сам А. Маслоу никогда не связывал ее жестко с «внедомашней», «внесемейной» деятельностью. Напротив, он неоднократно замечал, что самоактуализация выражается не только и не столько в художественном творчестве, но и в воспитании детей, ведении хозяйства и т. п. В этом смысле домохозяйка имеет те же возможности для самоактуализации, что и, например, композитор.

Однако самоактуализация и самореализация личности во внутрисемейной деятельности рассматривались исключительно как женский вариант жизненной стратегии. Кроме того, такая форма реализации своих жизненных ценностей, интересов, потребностей, способностей зачастую имеет «компенсаторный» характер: если в обществе не созданы условия, способствующие самоактуализации

и самореализации женщины в профессиональной сфере, то в этом случае она будет *вынуждена* реализовываться только дома. Показательными с точки зрения тех условий, которые задаются в обществе, являются гендерные предпочтения работодателей. На сегодняшний день сформировались две точки зрения относительно гендерных предпочтений работодателей, которые, на первый взгляд, мало согласуются между собой. Первая относится, скорее, к обыденному сознанию: работодатели предпочитают мужчин, считая женщин работниками «второго сорта», из-за необходимости совмещать семью и работу.

В контексте этой точки зрения приведем результаты диссертационного исследования психологических особенностей самоактуализации современных украинских женщин, проведенного М. Б. Гасюк [87]. Экспериментально установлено, что показатели по основным параметрам самоактуализации (ориентация во времени, ценности самоактуализации, взгляд на природу человека, автономность, креативность, контактность) выше у выборки семейных женщин, чем у несемейных. Показатели развития потребности в познании, гибкости в общении не коррелируют с фактором семейного состояния, спонтанность же в равной мере слабо выражена у всех опрошенных женщин. Подтверждено и позитивное влияние наличия семьи на такую характеристику саморегуляции, как планирование.

То есть, в целом, результаты этого исследования могут быть интерпретированы с точки зрения опровержения истинности еще одного стереотипа – что семья является помехой для полноценной реализации женщин в профессиональной сфере.

Вторая точка зрения господствует в среде профессионалов – кадровиков и работодателей: существуют «женские» и «мужские» профессии, поэтому выбор работодателя – никакой не выбор, а лишь следование потребности, предъявляемой рабочим местом. Здесь также приведем результаты исследования, проведенного О. М. Разумниковой, и касающегося, в частности, сохранности в молодежной студенческой среде гендерных стереотипов в профессиональной сфере. Как оказалось, стереотипные представления о мужском доминировании сохранились для широкого круга специальностей:

военное дело, строительство, сельское хозяйство, политика, экономика, инженерия, программирование. Чисто женской деятельностью с большим перевесом было названо только домоводство. Не столь явное, но, тем не менее, доминирование женщин было отмечено в кулинарии, педагогике, медицине, то есть в традиционных женских областях. Минимальными же половыми различиями характеризовались такие области, как наука, искусство, спорт. В целом же, как отмечает О. М. Разумникова, «...несмотря на стойкость полоролевых стереотипов, все-таки можно отметить определенную динамику в выборе профессии современной молодежью, связанную преимущественно с расширением поля профессиональной деятельности женщин. Это явление, по-видимому, является результатом формирования в ходе адаптации к социальному окружению определенных особенностей в половой самоидентификации и самоактуализации, что должно сочетаться с изменениями базовых жизненных ценностей и половых психологических автостереотипов» [242а, с. 77].

Тем не менее от результатов психологических исследований, рисующих картину реальности, отличающуюся от гендерных стереотипов, вернемся к мнениям и предпочтениям работодателей, которые зачастую являются «проводниками» этих стереотипов в жизнь.

Обследование, проведенное Центром исследований рынка труда (ЦИРТ), дает серьезную базу для размышлений: по данным опроса, 88% опрошенных работодателей указали на предпочтение мужчин и 53% – на предпочтение женщин для занятия конкретных должностей в структуре предприятия. Самое показательное в ответах – аргументация предпочтений. Наиболее распространенными аргументами в пользу найма мужчины оказались: большая выносливость (42%), меньшая конфликтность (34%) и более высокая производительность труда (33%). В качестве объяснения выбора женщины приводились следующие характеристики: более высокая исполнительность (76%), более высокая ответственность (44%) и более высокая дисциплина (38%) [по 223]. То есть мы видим достаточно стереотипный набор маскулинных или фемининных характеристик, которые приписываются потенциальному работнику на основе принадлежности к определенному полу.

Увидеть гендерные предпочтения работодателей мы можем и на примере анализа заявок, полученных на подбор персонала одним из рекрутинговых агентств г. Харькова за 2002–2003 годы [223].

Если расклассифицировать все заявки (в исследовании Л. А. Панасенко их проанализировано около 500) по половому признаку, то в 40% случаев предпочитали брать на работу только мужчин, 36% заявок не содержат ограничений по полу и только на 19% вакансий работодатель оговаривал требование – «женский пол», из которых 31% – на должность секретаря и 23% – на должность бухгалтера, которые считаются традиционно женскими. Таким образом, гендерные предпочтения работодателей вырисовывались достаточно четко.

При заявке о подборе менеджера высшего или среднего звена в 61% (!) случаев оговаривалось жесткое требование – «только мужчина». Причины этому самые разные, но в основном, как отмечает Л. А. Панасенко, это просто убеждение, что мужчина будет лучше справляться со своими обязанностями. Иногда следует и такое объяснение: «Мы – мужская компания» или «Такова политика руководства – брать только мужчин», что явно указывает на патриархальное сознание и является косвенным показателем устойчивости гендерных стереотипов в сфере менеджмента.

Что касается специалистов в сфере продаж, то 50% работодателей хотят видеть на рабочем месте мужчину и только 14% – женщину. Общее мнение работодателей таково, что мужчина более активен и мобилен, чем женщина.

Практика работы рекрутингового агентства, где проводилось исследование, показала, что на менее оплачиваемую работу, не предполагающую особого карьерного роста, работодатель предпочитает брать женщину, так как считает, что она менее амбициозна, чем мужчина.

С другой стороны, часто вместо «заказанного» мужчины работодатели в конечном счете принимают на работу женщину, так как в ходе отбора оказывается, что женщина, например, совершенно на равных с мужчиной может продавать не только косметику, парфюмерию и т. п., но и промышленную продукцию, и работодатели, увидевшие это на практике, приходя в следующий раз с заказом в рекрутинговое агентство, уже не выделяют пол соискателя, как

один из главных критериев отбора. Но сам факт изначальной убежденности работодателя, что мужчина в его фирме лучше справится со своими обязанностями, свидетельствует о значительной степени патриархальности нашего общества и еще раз подтверждает расхождение между традиционными гендерными стереотипами и реальностью.

Рост числа работающих женщин стал одной из главных причин изменения содержания комплексов личностных качеств, присущих современным женщинам, но гендерные стереотипы, как, впрочем, и любые другие стереотипы, менее подвержены быстрым изменениям.

Семья – один из основных социализирующих факторов, поэтому ее роль в поддержании и тиражировании гендерных стереотипов крайне важна. Те женщины, которые с большой охотой занимались бы домом и детьми, но вынуждены работать по материальным причинам, не получают удовольствия от работы и воспринимают ее практически по Фрейдю – как необходимое зло, отнимающее у них время и силы, те, которые, в иной ситуации были бы отданы традиционным домашним хлопотам. Женщины такого типа сами по себе являются носителями традиционных взглядов на свои роли и, соответственно, на роли мужчины и передают эти взгляды своим детям. Тем более, что если во времена Советского Союза в общественное производство были вовлечены практически все женщины, и иная модель поведения почти не была представлена в социально-приемлемом варианте, то сейчас, на постсоветском пространстве, обозначился еще один вариант развития – не просто возврат к традиционному образу женственности, но и усиление этого образа. У ряда женщин появилось желание «вернуться» в семейное пространство, оставить работу, заняться устройством домашнего быта. На практике это желание реализовалось особенно широко среди семей, уровень обеспеченности которых выше среднего и которые могут с легкостью существовать на заработок мужа.

Но все-таки абсолютное большинство женщин стремится получить специальное образование, стать самостоятельными и независимыми, способными обеспечить нормальные условия жизни себе и своим детям. Исследования показывают, что наибольший процент

опрошенных женщин (84%) считают наличие профессиональной подготовки и возможность работать по специальности одной из главных жизненных ценностей [21].

Смысл своей трудовой деятельности женщины также видят:

- в повышении доходов семьи (63,7%);
- в желании быть в коллективе (50,2%);
- в укреплении личной экономической самостоятельности (43,2%);
- в реализации своих способностей (36%);
- в достижении высоких показателей деловой карьеры (8%).

В данном случае мы видим «промежуточный» вариант отношения женщин к работе: работа важна, но особую значимость профессиональная деятельность приобретает лишь в тесной связи с интересами семьи. Личное же продвижение и благополучие оказывается менее значимым.

Но, естественно, что увеличивается и количество тех женщин, для которых их профессиональная деятельность является главным средством самореализации, одной из наиболее значимых ценностей наряду с семьей (а иногда и более значимой, чем семья).

Мы в меньшей степени затрагиваем проблемы мужчин, так как гендерные стереотипы в профессиональной сфере для них выступают как положительный фактор. Тем не менее и здесь выстраивается ряд проблем, степень значимости которых со временем будет усиливаться: выбор мужчинами традиционно женских профессий (а такая тенденция есть, об этом свидетельствуют достаточно часто идущие сюжеты в СМИ – где, правда, они чаще всего подаются как «жареные» или, в лучшем случае, любопытные факты); конкуренция с женщинами на традиционно мужском поле и т. д.

В любом случае гендерные стереотипы в профессиональной сфере усложняют процесс самореализации и самоактуализации личности, особенно для тех, кто относится к андрогинному типу (а их становится все больше и больше) и не принимает эти стереотипы как естественные, и еще в большей степени – для женщин маскулинного типа и мужчин фемининного.

Существующее расхождение между реальными особенностями личности современных мужчин и, особенно женщин, и гендерными

стереотипами в профессиональной сфере усложняет выбор человеком своего места в жизни. Выбор приходится осуществлять между стереотипно-шаблонным, предписанным традициями женским или мужским «предназначением» и осознанием себя как уникальной совокупности личностных качеств, потребностей, возможностей, не ограниченных привязкой к определенному полу.

3.2. Особенности личности мужчин и женщин как предпосылки и помехи успешной самореализации в профессиональной сфере

Изменение во внешних условиях существования отражаются на смене ценностных ориентаций личности, критериев оценки человеком самого себя и окружающего мира. Поэтому идентичность не может не зависеть от изменений социально-экономических ориентиров. Когда старая модель идентичности не позволяет человеку удовлетворять его базовые потребности, успешно интегрироваться в систему социальных отношений, возникает кризисная ситуация. Традиционная модель гендерной идентичности (особенно фемининная) не коррелирует с теми требованиями, которые предъявляет к личности работника рыночная экономика. Поэтому социально-экономические изменения, происходящие в нашей стране, не могли не повлиять на гендерную идентичность современных украинских мужчин и женщин. Особый интерес с точки зрения изменений гендерной идентичности представляют те личностные особенности, которые, с одной стороны, являются психологическими предпосылками для достижения успеха в профессиональной сфере, а с другой – относятся к традиционному маскулинному или фемининному образу.

Вопрос о личностных предпосылках успешной самореализации в профессиональной сфере приобрел особую актуальность для современного украинского общества с момента его вхождения в рыночную экономику.

На сегодняшний день в общественном сознании, особенно в молодежной среде, направленность на успех актуализирована (правда, в большей степени, усилиями средств массовой информации, чем целенаправленной политикой образовательных учреждений).

Поэтому становится необходимым получение реальных представлений о тех личностных предпосылках, которые влияют на успешность деятельности, тем более, что их требуется очистить от стереотипных представлений о гендерных различиях в этой сфере. Кроме того, в отечественной психологии проблема гендерных аспектов успешности традиционно находилась вне фокуса научных, да и практических интересов нашего общества.

Проблема влияния личностных особенностей на успешность деятельности (и, в том числе, гендерные аспекты этой проблемы) достаточно активно изучалась американскими психологами [10, 35, 105 111, 182, 271, 285, 339].

Большинство исследований концентрировались вокруг взаимосвязи успеха и мотивации, что определялось не только теоретическим значением этой проблемы, но и «социальным запросом» общества, ведь, например, в исследовании Дж. Макклеланда была установлена связь между потребностями отдельных людей в успехе и экономическим ростом общества, что позволило включить и психологический фактор в ту информацию, на основе которой делаются долгосрочные прогнозы развития экономики [136].

Классические и часто цитируемые исследования, проведенные в конце 1960-х – начале 1970-х годов выявили феномен неприязни к успеху у женщин (он был отмечен в целом ряде работ американских психологов – у Хорнера, Маккоуби, Джаклин и др.). Выявленный и описанный Мартиной Хорнер феномен страха успеха у женщин рассматривался как изначально присущий женской психике, как глубинный психологический барьер. То есть этот феномен интерпретировался с точки зрения психоанализа: неприязнь к успеху объяснялась подсознательным страхом женщины утратить свою традиционную «женственность», стать «неполноценной» в глазах мужчины с традиционными установками.

Но был ли у женщин тотальный страх успеха в любой сфере жизни? Вряд ли. Например, уход от успеха в профессиональной сфере в вышеизложенной интерпретации мог быть рассмотрен как тактический ход для достижения успеха в сфере личной жизни.

Исследования Г. В. Турецкой, проведенные в конце 90-х годов XX века, показали, что избежание успеха как внутриличностный

феномен формируется под влиянием социокультурной среды и полоролевых стереотипов, и женщины испытывают страх перед достижениями лишь в тех областях, где они нарушают полоролевые нормы. В целом же исследование феномена страха успеха позволило Г. В. Турецкой сделать следующие выводы:

- центр тяжести этого феномена находится не во внутрличностной сфере, а вовне, в контексте отношений и культуры;

- страх успеха как социально-психологическое явление присущ нашей культуре (речь идет о российской, но с учетом общего прошлого этот вывод может быть экстраполирован и на украинскую культуру и ментальность нашего населения);

- удельный вес характеристик ранней социализации в раскрытии феномена страха успеха очень высок;

- уровень проявления страха успеха зависит от степени эгалитарности взглядов, полотиичности выбранной сферы и активности и «населенности» этой сферы другими женщинами [271].

Исследования Пайка и Кэйхилла, проведенные в 1980-х годах, показали, что происходит постепенное сближение мотивации мужчин и женщин, и многие мужчины также стали опасаться того, что профессиональный успех будет достигнут ценой потерь в личных отношениях или утраты здоровья.

В классической работе «Женская психология» К. Хорни [285] отмечалось, что для юношей доминирующий тип мотивации – ориентация на успех, у девушек же доминирующая мотивация – избежание неудачи. И достаточно часто эта формулировка гендерных различий в мотивации успеха цитируется как неизменный постулат. Но более поздние исследования дают нам иные данные. Так, например, в исследовании М. Л. Кубышкиной, не были обнаружены различия между юношами и девушками в распределении мотивационных тенденций таких, как избежание неудачи, стремление к признанию и к соперничеству [168]. Были также выявлены возрастные особенности мотива социального успеха: у девушек надежда на социальный успех преобладает над мотивом избежания неудачи, у взрослых же женщин выявлено преобладание мотива избежания неудачи над надеждой на социальный успех. Кроме того, женщины менее склонны к соперничеству и более склонны избегать

неудачи, чем мужчины. М. Л. Кубышкина предположила, что девушки не меньше, чем юноши, нацелены на социальную активность и также ставят перед собой задачи социальной самореализации. Девушки так же, как и юноши, стремятся к признанию и деловому успеху. Различия же в мотивации девушек и более старших женщин, с одной стороны, объяснимы различиями в социальном опыте, а с другой – трансформацией социальных воздействий, формирующих образ успешной женщины в противовес традиционному образу «советской женщины», где более значимой интегральной характеристикой было соответствие стандарту «работницы», «крестьянки», члена трудового коллектива, одной из многих – добросовестной и скромной.

Расхождение результатов исследования М. Л. Кубышкиной с данными К. Хорни связаны и с временным разрывом – сменились поколения, и с социальными и культурными различиями респондентов. Ведь типичная российская семья, так же как и типичная украинская, достаточно давно была «двукарьерной», женщины с послереволюционного периода были активно вовлечены в общественное производство, и быть просто домохозяйкой (в отличие от американок) могли позволить себе немногие.

Рассматривая вопрос о личностных предпосылках успешной самореализации, невозможно не обратиться опять к работам А. Маслоу [195].

А. Маслоу, характеризуя человеческое развитие в терминах индивидуализации и достижения и признавая общность процесса психологического развития для обоих полов, тем не менее ценности и приоритеты женщин описывал как «мотивированные дефицитом».

Таким образом, хотя А. Маслоу формально относил понятие «самоактуализация» как к мужчинам, так и к женщинам, реально же у него выстраивалась логическая цепочка, противоречащая возможности самоактуализации личности женщин. А. Маслоу писал, что для людей, мотивированных к росту, к личным достижениям, окружающие их люди могут служить помехой. Нуждаются же в других люди, мотивированные дефицитом (см. выше – женщины!), так как удовлетворение их основных потребностей целиком зависит от окружающих. Достижение успеха, самоактуализация предполагает,

по Маслоу, личностную автономию, а у женщин доминируют потребности в близости и привязанности.

В целом, на сегодняшний день, как отмечает Е. П. Ильин, в психологической науке существует три точки зрения на проявление мотива достижений у мужчин и женщин [125]. Суть первой состоит в том, что женщины иначе мотивированы на достижения, чем мужчины. Вторая точка зрения – что мужчины и женщины мотивированы разными потребностями: для женщин потребность в эмоциональном принятии важнее, чем потребность в достижениях. Третья позиция – мужчины и женщины обладают мотивом достижений в равной степени, но реализуют его в разных видах деятельности. Эта достаточно популярная точка зрения, базирующаяся на представлении о различной природе «женского» и «мужского». Но при этом (по умолчанию) предполагается, что мотивы достижений у женщин связаны с межличностной сферой, с семьей, а у мужчин – с работой и карьерой. Косвенным подтверждением возможностей успешной самореализации у мужчин, прежде всего, в практической деятельности, а женщин – в эфемерной духовной, служит и высказанная К. Хорни мысль о различии женского и мужского способов существования. Она отмечает, что женский способ существования реализуется преимущественно через его направленность вовнутрь, через внимание к глубоким переживаниям и озарениям. Мужской способ существования характеризуется направленностью творческого импульса вовне, на поиск возможностей преобразования внешнего мира через взаимодействие с ним и утверждение себя в нем. То есть самореализация женщин происходит не через поступки, как у мужчин, а через процесс самоосознания [285].

Нельзя не согласиться (даже на уровне здравого смысла) с «инаковостью» мотивов мужчин и женщин. Но в чем она? И является ли эта «инаковость» неизменной? Ведь ориентация людей на достижения, на успех более чем что-либо другое является продуктом социализации.

Н. П. Лукашевич отмечает, что «успех ... зависит от психологии конкретного человека, от его системы ценностей, от степени его радостей и страхов. При этом система ценностей каждого человека может со временем претерпевать изменения» [185, с. 89].

Проиллюстрируем это высказывание результатами исследования, проведенного Лабораторией проблем высшей школы ХГУ «НУА» в 2003 году. Был проведен опрос, в котором приняли участие 150 человек в возрасте от 17 до 22 лет, 111 девушек и 39 юношей.

Результаты ответа на вопрос: «Какие ценности являются наиболее значимыми для Вас?» отражены в табл. 3.1.

Таблица 3.1

Иерархия жизненных ценностей юношей и девушек

№	Ценности	Девушки		Юноши	
		Ранг	% ко всем опрошен.	Ранг	% ко всем опрошен.
1	Активная деятельная жизнь	9	26,13	8	23,08
2	Жизненная мудрость	4	44,14	5	30,77
3	Здоровье	2	48,65	1	48,72
4	Интересная работа	8	28,83	4	35,90
5	Красота природы и искусства	17	7,21	13	5,13
6	Любовь	3	45,95	3	38,46
7	Материальная обеспеченность	9	26,13	4	35,90
8	Наличие хороших и верных друзей	1	54,95	1	48,72
9	Служебный и профессиональный рост	6	30,63	10	15,38
10	Общественное признание	16	9,01	11	12,82
11	Познание	14	12,61	8	23,08
12	Равенство	5	32,43	7	25,64
13	Самостоятельность	15	11,71	13	5,13
14	Свобода	12	14,41	12	10,26
15	Счастливая семейная жизнь	11	20,72	9	17,95
16	Самореализация	7	29,73	2	41,03
17	Развитие	10	24,32	10	15,38
18	Счастье других	18	5,41	10	15,38
19	Уверенность в себе	15	11,71	5	30,77
20	Развлечения	13	13,51	6	28,21

Если первая тройка ценностей (наличие хороших и верных друзей, здоровье и любовь) у юношей и девушек практически совпадают, то далее мы наблюдаем достаточно симптоматичное расхождение

в рангах ценностей у представителей разных полов. Причем ряд расхождений поддерживает традиционные модели маскулинности и фемининности, а ряд – вступает в противоречие.

Так, например, у юношей значительно выше (по сравнению с девушками) степень значимости уверенности в себе (5 и 15 места соответственно), общественного признания (11 и 16 места), самореализации (2 и 7 места), материально обеспеченной жизни (4 и 9 места, интересной работы (4 и 8 места), познания (8 и 14 места) и развлечений (6 и 13 места).

Полученные данные, на первый взгляд, подтверждают позицию о большей ориентированности мужчин на работу, достижение успеха, самореализацию. В противоречие же с ролевой моделью поведения «типичной феминины» вступают более низкий (по сравнению с юношами) статус счастливой семейной жизни (11 и 9 места соответственно) и более высокий карьеры, служебного и профессионального роста (6 и 10 места). Не соответствует и традиционным стереотипам о преобладающей у женщин «этике заботы» по сравнению с «этикой индивидуализма» мужчин и ранг такой ценности, как «счастье других» – 18-е, последнее, у девушек по сравнению с 10-м у юношей. Мы видим различия в системе ценностей, особенно тех, которые так или иначе связаны с ориентацией на успешность в профессиональной сфере. Тем не менее ценности этой группы присутствуют как у юношей, так и у девушек.

С полученными в данном опросе результатами коррелируют и результаты психодиагностического исследования, проведенного среди уже работающих женщин и мужчин.

Нами было проведено исследование социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере (использовались методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О. Ф. Потемкиной и методика «Мотивация труда», основанная на теории Херцберга). В исследовании приняли участие 47 испытуемых, сотрудников торгово-промышленной компании, имеющих стаж работы не менее трех лет (18 мужчин и 29 женщин) [79].

Методика О. Ф. Потемкиной направлена на выявление социально-психологических установок на «свободу – власть» и «труд – деньги» [243].

Эти установки, их иерархия во многом определяют направленность на успех в профессиональной сфере, а с другой стороны, – власть, свобода, труд, деньги – по этим параметрам традиционно выстраивали целый перечень гендерных различий. Что же показало наше исследование? Результаты представлены в табл. 3.2.

Таблица 3.2

Гендерные различия в социально-психологических установках персонала

№	Наименование ориентаций	Гр. мужчин	Гр. женщин	P
1	На труд	6,4 ± 0,02	4,8 ± 1,8	*
2	На свободу	6,4 ± 0,11	6,1 ± 0,07	–
3	На власть	4,6 ± 0,08	3,3 ± 0,09	*
4	На деньги	2,9 ± 0,13	3,03 ± 0,11	–

Примечание: *p ≤ 0,05 (по критерию Стьюдента – Фишера)

Значимые различия между опрошенными женщинами и мужчинами выявлены по двум ориентациям: на труд и на власть. Они оказались более ярко выраженными у мужчин, что совпадает с традиционными представлениями о стремлении к власти как типично маскулинном качестве. В «Социальной психологии» Д. Майерс очень выразительно проиллюстрировал устойчивость этих традиционных представлений. «Представьте себе двух людей. Один – «склонный к риску, деспотичный, доминантный, властный, независимый и сильный». Другой – «нежный, зависимый, мечтательный, эмоциональный, покорный и слабый». Если вам кажется, что первый – мужчина, а второй – женщина, то вы не одиноки в своем мнении. Во всем мире, от Азии до Африки и от Европы до Австралии, люди считают мужчин более доминантными, властными и агрессивными» [188]. И. В. Грошев, анализируя гендерные аспекты власти, отмечает, что «власть и пол не могут быть независимыми» [97]. Автор отмечает, что гендерные различия власти произрастают из объективной неоднородности мужчин и женщин в социуме, существующих полоролевых стереотипов, а также из различий их ролевых функций. Причем для понимания гендерных различий в представлениях

о власти важно развести понятия «власть над другими» и «власть над собой». «Власть над другими» включает в себя доминирование и контроль одного человека или группы над другими, с демонстрацией властолюбия. Эта трактовка в большей степени отвечает мужскому взгляду на власть. «Власть над собой» подразумевает способность изменить, «усилить» себя, расширить личные возможности, достичь цели, используя волю, настойчивость и т. п. – и эта трактовка коррелирует с женским взглядом на власть.

Кстати, наше дальнейшее исследование подтвердило значимость для женщин именно этой формы власти. Но ведь власть над собой – обязательное условие достижения полной самореализации, значительно более значимая, чем власть над другими. Ведь подходя к успеху в профессиональной сфере не как к формальному перечню ступенек вверх по лестнице карьеры, а как к достижению наиболее полного удовлетворения своих потребностей в этой сфере, раскрытию своего потенциала, мы понимаем, что между успехом и властью над другими нельзя поставить знака равенства. Интересно другое – наиболее выраженным показателем у женщин является ориентация на свободу. Такой результат может быть связан с типичной для женщин ориентацией на интеграцию работы и семьи и, в соответствии с этим, работа должна оставлять «свободное пространство» для реализации себя в сфере личной жизни.

Для работающих женщин свобода выступает, скорее всего, в той трактовке, которую дает В. Франкл – человек свободен найти и реализовать смысл своей жизни, даже если его свобода заметно ограничена объективными причинами. Человек не свободен от внешних и внутренних обстоятельств, однако они не обуславливают его полностью. Согласно Франклу, свобода сосуществует с необходимостью [276].

Эту точку зрения подтверждают и результаты кросскультурного исследования стереотипов женского поведения, где отмечалось, что и россиянки, и американки перспективы посвятить свою жизнь семье и быть домохозяйкой или сделать профессиональную карьеру рассматривают как возможные пути своих жизненных сценариев [202]. Однако показатели американок по этим пунктам несколько выше российских. Авторы О. В. Митина и В. Ф. Петренко объясняют

это тем, что россиянки, как правило, **вынуждены** (выделено – *И. Г.*) заниматься и профессиональной деятельностью, и вести домашнее хозяйство. Американские же женщины либо ведут домашнее хозяйство, либо работают, и тогда имеют помощницу по хозяйству. При этом делают они то или другое по собственному выбору, что всегда оценивается субъективно более привлекательно, чем ситуация, когда выбор совершается в связи с обстоятельствами (даже не выбор, а выполнение всех функций). Хотя в исследовании речь шла о россиянках, мы с полным правом можем экстраполировать эти результаты на украинских женщин.

Более высокая (по сравнению с девушками) ценность для юношей работы, уверенности в себе, самореализации, общественного признания подтверждается и большей степенью значимости для работающих мужчин (по сравнению с работающими женщинами) ориентаций на труд и на власть, как на интеграцию вышеперечисленных ценностей.

Уточнить особенности отношения мужчин и женщин к работе позволила проведенная нами методика «Мотивация труда», основанная на мотивационной теории Херцберга [241]. Каждому участнику опроса необходимо было оценить по 5-балльной шкале степень важности для него каждого из 12 нижеперечисленных факторов, влияющих на его отношение к работе (см. табл. 3.3, с. 186).

Существенных различий между результатами опрошенных женщин и мужчин не обнаружено, но можно говорить о некоторых различиях в иерархии этих факторов. Так, для женщин наиболее значимым фактором стало соответствие своих способностей и возможностей той работе, которую они выполняют («работа, которую вы можете хорошо делать и преуспевать в этом»), то есть «власть над собой», о которой мы уже говорили выше. Для мужчин же наиболее важным оказалось признание проделанной ими работы, уважение к ним и разумные правила и процедуры, существующие в данной компании. Наименее значимым фактором для женщин оказалась «удовлетворенность личной жизнью», что коррелирует с результатами опроса о значимости различных ценностей. Этому может быть двоякое объяснение: либо опрошенные женщины психологически разводят две эти сферы жизни – семью и работу, и поэтому

Таблица 3.3

**Гендерные различия в показателях выраженности факторов,
влияющих на отношение к работе**

№	Факторы	Мужчины	Женщины
1	Интересное содержание работы	4,4 ± 0,09	4,7 ± 0,07
2	Хороший начальник	4,3 ± 0,08	4,5 ± 0,04
3	Признание проделанной вами работы, уважение к вам	4,8 ± 0,15	4,6 ± 0,11
4	Возможность продвижения по службе	4,6 ± 0,05	4,5 ± 0,01
5	Удовлетворенность личной жизнью	4,1 ± 0,07	3,6 ± 0,11
6	Престижность работы	4,0 ± 0,04	3,9 ± 0,05
7	Ответственная работа	4,6 ± 0,08	3,3 ± 0,09
8	Хорошие условия для работы	4,6 ± 0,08	3,3 ± 0,09
9	Разумные правила и процедуры, существующие в данной компании	4,6 ± 0,08	3,3 ± 0,09
10	Возможность самосовершенствования	4,6 ± 0,08	3,3 ± 0,09
11	Работа, которую вы можете хорошо делать и преуспевать в этом	4,6 ± 0,08	3,3 ± 0,09
12	Чувство безопасности, связанное с работой	4,6 ± 0,08	3,3 ± 0,09

Примечание: значимых различий между результатами двух групп не обнаружено (по критерию Стьюдента – Фишера)

удовлетворенность личной жизнью не воспринимается ими как фактор, влияющий на работу. Либо женщины, подсознательно стремясь соответствовать ожиданиям работодателей, снижают значимость этого фактора как «типично женского». Ведь с высказываниями: «семья не должна мешать работе», «бабские проблемы на работе не обсуждать», «женщины все равно больше о семье, чем о работе думают» и т. п. сталкивались, вероятно, многие из них.

Вернемся к результатам, полученным при опросе студентов. Ответ на вопрос: «Как Вы думаете, какие средства, необходимы для достижения успеха в жизни?» не выявил значимых гендерных различий (см. табл. 3.4).

Таблица 3.4

**Иерархия средств, необходимых для достижения успеха
в жизни**

№	Средства	Женщины		Мужчины	
		Ранг	% ко всем опрошен.	Ранг	% ко всем опрошен.
1	Хорошая работа	1	72,97	1	66,67
2	Высокая зарплата	5	48,65	5	43,59
3	Верные друзья	2	71,17	3	53,85
4	Семья	4	64,86	2	56,41
5	Хорошие отношения с близкими	6	41,44	6	35,90
6	Спокойная, стабильная жизнь	7	28,83	7	30,77
7	Возможность постоянного совершенствования	3	66,67	4	46,15
8	Власть, возможность управлять людьми	9	9,91	8	12,82
9	Постоянные перемены, риск	8	12,61	8	12,82
10	Другое	10	9,01	9	2,56

Набор факторов достаточно традиционен – в первую «пятерку» средств достижения успеха вышли: хорошая работа, верные друзья, семья, возможность постоянного совершенствования и высокая зарплата. Отсутствие расхождений в видении средств достижения успеха у юношей и девушек достаточно симптоматично и свидетельствует о формировании сходных моделей поведения в новых социально-экономических условиях и отходе от традиционной дихотомии «зависимой женщины» и «активного мужчины-деятеля». Но хотелось бы обратить внимание на более высокий ранг семьи у юношей, по сравнению с девушками.

Для уточнения полученных результатов респондентам был задан вопрос, касающийся различных ориентаций в стратегиях достижения успеха (см. табл. 3.5).

Стратегия достижения успеха

№	Утверждения	Женщины		Мужчины	
		Ранг	% ко всем опрошен.	Ранг	% ко всем опрошен.
1	Я могу чего-то добиться в жизни только благодаря помощи родителей, друзей, знакомых	4	9,01	4	17,95
2	Мой успех зависит только от меня, от моей предприимчивости	1	81,98	1	79,49
3	Образование – основа моей будущей успешной жизни	2	77,48	2	64,10
4	В жизни все решают деньги	5	5,41	5	12,82
5	Важно стремиться к самостоятельности и независимости	3	63,06	3	56,41

Если в иерархии значимости вышеперечисленных утверждений мы также видим полное совпадение, то в «удельных весах» позиций есть симптоматичные расхождения: на опору в лице родителей, друзей, знакомых рассчитывает примерно каждый 5–6-й юноша и только каждая 9-я девушка. В целом, следует отметить, что результаты опроса и психодиагностического исследования отразили достаточно неоднозначную картину: мужчины демонстрируют достаточно традиционный образ, а вот образ женщины представляет собой, если так можно выразиться, «переходную модель», причем изменения коснулись, прежде всего, ориентаций и установок, связанных с работой и, даже более широко, утверждением себя в социуме.

Приоритет карьеры, ориентация на свободу, поиск опоры в достижении успеха в себе – но при этом низкий ранг уверенности в себе, отсутствие стремления к общественному признанию, традиционно-низкая мотивация к власти. Противоречивость «женской» модели может быть объяснена различиями в установках относительно значения и места работы в системе жизненных ценностей у женщин. В статье «Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины»

Ю. Е. Алешина и А. С. Волович отмечают, что в современном обществе девочки с раннего детства через семейный опыт, через средства массовой информации усваивают необходимость совмещать женскую роль с профессиональной, причем вопрос об их иерархии остается открытым, в то же время мужская и профессиональная роли представлены как тождественные, так как никакие иные мужские проявления практически нигде не описываются [8]. В итоге женская роль выглядит не только второстепенной, но и более тяжелой, с двойной нагрузкой.

Многие традиционно ориентированные женщины рассматривают работу только как средство для поддержания или повышения семейного благосостояния и, получив финансовую возможность не работать, полностью посвящают себя семье и дому, рассматривая эту сферу как приоритетную. С другой стороны, с каждым годом возрастает количество женщин, стремящихся к достижению высокого социального статуса, карьерных вершин, получению удовольствия от занятия своей профессиональной деятельностью [45, 49, 50, 68, 80, 82, 83, 111, 127, 132, 142, 164, 173, 183, 211, 231, 232, 274, 286, 290, 291, 292, 293].

Как отмечает Т. П. Хохлова, мотивация трудовой деятельности женщин имеет определенные отличия [286]. Так, в частности, женщины имеют более подвижную мотивационную структуру – например, если женщина чувствует себя социально защищенной, счастлива в браке, семье, то она придает меньшее значение своим отношениям с коллегами по работе и, как правило, не стремится к лидерству в организации. Однако она же может стремиться к завоеванию самостоятельного статуса в целях самореализации и утверждения собственной «полноценности». Если же женщина одинока, работает из-за материальной необходимости, позиция ее меняется – ярче проявляется стремление к стабильности, уверенности в будущем, обеспечении средств существования.

Психологические исследования показывают наличие тесной связи между удовлетворенностью жизнью и удовлетворенностью работой. Правда, как именно они связаны – на этот вопрос нет единой точки зрения. Наиболее популярными являются две гипотезы: компенсации и генерализации [105]. Суть гипотезы компенсации заклю-

чается в том, что люди, не находящие удовлетворения в работе, компенсируют его отсутствие, стараясь сделать так, чтобы остальные аспекты жизни приносили больше удовольствия. Гипотеза о генерализации (или выплескивании) основана на предположении о том, что удовлетворенность (или неудовлетворенность) генерализуется с трудовой на нетрудовую деятельность («выплескивается»). В различных исследованиях можно встретить подтверждение как одной, так и другой гипотезы. И объяснение этого факта кроется, скорее всего, в индивидуальных характеристиках, в том, насколько важна работа для этого, конкретного человека. Реакции на удовлетворенность (неудовлетворенность) работой людей, которые не придают ей большого значения, могут сильно отличаться от реакций тех, для которых работа играет жизненно важную роль. Стереотипы, долгое время существовавшие по отношению к женщинам, гласили, что, во-первых, для женщин работа вторична и ее значимость, по сравнению с семьей, невелика. А, во-вторых, в общественном сознании сложилась своя гипотеза компенсации – делают карьеру и стремятся к успеху женщины, у которых не сложилась личная жизнь.

Но, естественно, что личностные предпосылки успешности неправомерно было бы ограничивать только мотивационно-потребностной сферой личности.

В качестве личностных факторов, влияющих на успешность деятельности, достаточно часто выступают самооценка и уровень притязаний.

Так, в частности, непосредственная связь успеха и самооценки прослеживается в указанном Д. Майерсом принципе «успех повышает самооценку» [188]. Переживание же успеха (или неуспеха), возникающее вследствие достижения (или недостижения) поставленных целей влечет за собой смещение уровня притязания в область более трудных задач (или более легких).

Говоря о профессиональной успешности, мы не можем не затронуть постоянно идущую в общественном сознании дискуссию о том, кто эффективнее – мужчина или женщина.

Как отмечают Н. Самоукина и Н. Туркулец, в этой дискуссии можно выделить три основные точки зрения [251, с. 72]. «Патриархальная позиция» заключается в утверждении о том, что мужчина

эффективнее женщины во всем. «Феминистская позиция» – женщина эффективнее мужчины, она вообще все умеет делать и делает это лучше мужчины. «Позиция примирения» заключается в том, что мужчины и женщины одинаково эффективны как в жизни, так и в профессиональной деятельности. Эффективность же деятельности зависит от широкого спектра факторов, а не от половой принадлежности.

Проиллюстрируем эту позицию исследованием, проведенным нами, где в качестве испытуемых выступили менеджеры обоих полов, работающие в системе «человек – человек».

По отношению к широкому спектру профессий, относящихся к системе «человек – человек», гендерная стереотипизация выступает в качестве барьера как для женщин, так и для мужчин. Значимость коммуникативного компонента в достижении высокого уровня успешности в этих профессиях несомненна. И в психологии накоплено достаточно много исследований, демонстрирующих различия в мужском и женском стилях общения, в значимости общения, его глубине, эмоциональной окрашенности и т. д. [12, 64, 68, 98, 120, 124, 157, 170, 182, 217, 264].

В целом, эти различия кратко можно описать следующим образом: мужчины испытывают меньшую потребность в общении, чем женщины; они более эмоционально сдержанны, способны контролировать себя в процессе общения, стремятся к доминированию и установлению рациональных отношений. Но при этом мужчины в меньшей степени (по сравнению с женщинами) владеют приемами и способами общения, чаще используют шаблонные типы взаимодействия.

Для женщин отношения между людьми зачастую являются главенствующими в их социальной жизни, и они демонстрируют широкий спектр коммуникативных стратегий, они гибки, предпочитают не прямые способы воздействия на собеседника. Женщины обычно хорошо распознают и оценивают как свои чувства, так и чувства других, эмпатийны. Но при этом хуже контролируют свои эмоции и чувства, чаще, чем мужчины, демонстрируют в общении социально-желательные стратегии поведения, пассивность, уступчивость, зависимость.

В исследовании Л. В. Поповой были выявлены типичные мотивы профессиональной деятельности женщин, успешно работающих в сфере услуг (сфера, относящаяся к типу профессий «человек – человек») [233]. Главным «женским мотивом» оказалась ориентированность на «гармонию с собой», что, как отмечает Л. В. Попова, вообще часто отличает женские истории успеха.

А. В. Визгина, С. Р. Пантелеев отмечают, что «исключительную роль в формировании «женского» типа характера играет ориентация женщин на межличностное общение и связанное с этим стремление обратить на себя внимание, понравиться. По сравнению с мужчинами, поведение которых в большей степени регулируется социальными нормами, у женщин ценностью является сама по себе способность к общению» [61, с. 99].

Метаанализ половых различий в значимости тех или иных характеристик работы при выборе профессии, проведенный А. Конрадом и Дж. Ричи, показал, что наиболее выраженные различия проявлялись в том, что мужчины придают основное значение свободе и автономии деятельности, женщины же предпочитают работу с людьми и качество производственных отношений рассматривают как один из наиболее значимых факторов выбора профессии [337].

Таким образом, мы видим, что различий достаточно много, но при этом нельзя дать однозначную оценку тому или иному полу, составить «прогноз успешности» работы в системе «человек – человек» мужчин и женщин.

Но все чаще и чаще в качестве критериев, предопределяющих успешность деятельности в системе «человек – человек» (и особенно тогда, когда речь идет о менеджерской деятельности) называется такой показатель, как социальный интеллект, коммуникативная компетентность [54, 55, 170].

Социальный интеллект, отмечает В. Н. Куницына, – это многомерная, сложная структура, в состав которой входит такой аспект, как коммуникативно-личностный потенциал, представляющий собой комплекс свойств, облегчающих или затрудняющих общение, на основе которого и могут быть сформированы качества, представляющие собой стержень социального интеллекта – психологическую контактность и коммуникативную совместимость [170].

Целью нашего исследования и стало выявление гендерных особенностей коммуникативно-личностного потенциала людей, работающих в системе «человек – человек».

В исследовании приняли участие 40 менеджеров, работающих в различных частных фирмах (20 мужчин и 20 женщин), направление деятельности которых связано с непосредственным взаимодействием с клиентами. Таким образом, все испытуемые работали в системе «человек – человек», где коммуникативно-личностный потенциал во многом определяет успешность деятельности в целом. Тестирование проводилось в индивидуальном порядке.

В исследовании были использованы следующие методики:

1) опросник С. Бэм, позволяющий нам выявить степень выраженности маскулинных и фемининных характеристик в структуре личности, а также определить тип личности: маскулинный, фемининный либо андрогинный [222];

2) многофакторный опросник Р. Кеттелла, измеряющий 16 черт характера, отражающих самые разные аспекты личности человека и, в частности, особенности коммуникативной сферы, эмоционально-волевой регуляции поведения, степень социальной адаптации, наличие эмоциональных проблем, лидерского потенциала и др. [243];

3) опросник Д. Кейси, предназначенный для определения социального типа личности, образованного сочетанием базовых признаков, включающих и особо интересные в контексте нашего исследования интроверсию и экстраверсию [289].

Оценка достоверности полученных результатов была проведена с помощью t-критерия Стьюдента.

По методике С. Бэм нами были получены следующие результаты (см. табл. 3.6).

Таблица 3.6

Результаты исследования по методике Бэм*

Характеристики	Группы		Значения t-критерия Стьюдента
	Мужчины	Женщины	
Маскулинность	$-0,36 \pm 0,14$	$-0,78 \pm 0,11$	2,25
Феминность	$0,80 \pm 0,10$	$0,38 \pm 0,07$	3,20

* По результатам исследования вычисляется значение выраженности маскулинных (М) и феминных (F) характеристик, затем определяется

основной индекс $IS = (F - M) \cdot 2,322$. Если величина индекса заключается в пределах от -1 до $+1$, то это свидетельствует об андрогинном типе личности. Если индекс меньше -1 , то делается заключение о маскулинном типе, если же индекс больше $+1$ – о фемининности (в том случае, когда индекс больше $+2,025$ – о выраженной фемининности, а если индекс меньше $-2,025$ – о ярковыраженной маскулинности).

В ходе опроса мы попросили испытуемых оценить наличие перечисленных в бланке опросника качеств у себя, а также отметить те качества, которые, в их представлении, характеризуют типичного представителя противоположного пола.

В данной таблице приведены значения маскулинности у мужчин в представлении женщин о «типичном мужчине» и фемининности у женщин в представлении мужчин о «типичной женщине».

Полученные данные, прежде всего, свидетельствуют об андрогинном типе личности, свойственном как менеджерам-мужчинам ($-0,36$), так и женщинам ($0,38$).

Отметим, что результаты исследования, проведенного В. М. Погольшей в 1998 году, показали, что свойство андрогинности имеет отношение и к такому феномену, как личное влияние [170]. Потенциал личного влияния реализуется более полно и эффективно, если у мужчин проявляются такие, относимые к традиционно фемининным, черты, как понимание собеседника, мотивация к помощи. У женщин же потенциал личностного влияния возрастает в ситуациях проявления маскулинных черт: агрессивности (напористости), самообладания, силы воли.

Интересно расхождение между реальными уровнями маскулинности и фемининности и идеализированными представлениями. Женщины видят мужчин более «маскулинными», чем они есть на самом деле, точно так же, как и мужчины представляют себе типичную женщину наделенной большим набором фемининных качеств, чем работающие рядом с ними женщины обладают в реальности.

Далее, из перечня качеств, представленных в анкете С. Бэм, были выбраны те личностные характеристики, которые наиболее тесно связаны с процессом межличностного общения. Результаты представлены в табл. 3.7.

Таблица 3.7

**Гендерные различия в личностных характеристиках,
проявляющиеся в процессе межличностного общения**

№ п/п	Качества	Группы			
		Мужчины отметили как		Женщины отметили как	
		присущие себе	присущие женщинам	присущие себе	присущие мужчинам
1	Умение уступать	85%	40%	85%	75%
2	Склонность защищать свои взгляды	95%	80%	85%	100%
3	Прямота, правдивость	80%	45%	85%	80%
4	Искренность	45%	65%	85%	65%
5	Собственная позиция	85%	60%	100%	100%
6	Тактичность	65%	90%	95%	80%
	M_{cp}	75,83%	63,33%	89,16%	83,3%

Как мы видим, перечисленные качества считают присущими себе около 90% женщин и 3/4 опрошенных мужчин, причем и те, и другие предполагают меньшую степень выраженности этих личностных характеристик у представителей противоположного пола. Но в целом группа опрошенных мужчин видят себя склонными защищать свои взгляды, умеющими уступать (интересно, что в отличие от традиционных гендерных стереотипов мужчины видят себя в два раза более уступчивыми, чем женщины), но при этом имеющими собственную позицию, прямыми, в достаточной степени тактичными. Искренность же, как типичную черту своего характера, отметило менее половины мужчин. Женщины же оценивают себя как имеющих собственную позицию, тактичных, умеющих уступать, склонных защищать свои взгляды, прямых и искренних.

Наибольшие расхождения между качествами мужчин и женщин, проявляющимися в процессе межличностного общения и взаимодействия, выявились по двум характеристикам: искренность и тактичность. Причем здесь проявилась и точность взаимных оценок –

женщины оценили себя как более искренних и тактичных по сравнению с «типичным мужчиной». Но также и мужчины представили «типичную женщину» более искренней и тактичной по сравнению с собственной самооценкой.

Результаты, полученные по опроснику Р. Кеттелла, представлены в табл. 3.8.

Таблица 3.8

Результаты исследования по опроснику Р. Кеттелла

Факторы	Группы		Значения критерия Стьюдента, t
	Мужчины	Женщины	
A	5,75 ± 0,53	6,15 ± 0,41	0,6
B	7,25 ± 0,48	8,75 ± 0,29	2,67
C	4,55 ± 0,40	4,90 ± 0,35	0,66
E	5,75 ± 0,49	5,85 ± 0,40	0,15
F	5,35 ± 0,56	4,40 ± 0,35	1,42
G	4,50 ± 0,38	5,55 ± 0,41	1,88
H	5,35 ± 0,43	5,55 ± 0,45	0,32
I	6,30 ± 0,42	7,15 ± 0,45	1,36
L	7,45 ± 0,33	7,20 ± 0,41	0,48
M	4,50 ± 0,51	5,1 ± 0,42	0,90
N	4,50 ± 0,42	6,45 ± 0,44	3,19
O	6,40 ± 0,41	5,60 ± 0,36	1,40
Q ₁	6,80 ± 0,50	6,50 ± 0,39	0,47
Q ₂	5,20 ± 0,59	5,95 ± 0,38	1,07
Q ₃	5,60 ± 0,45	5,75 ± 0,59	0,19
Q ₄	7,40 ± 0,34	6,10 ± 0,43	2,36

Значимые различия были выявлены по трем факторам: B, N, Q₄. У женщин несколько выше показатели интеллекта и обучаемости (B), мужчины же более прямые и естественные по сравнению с женщинами (N), но при этом более напряженные и фрустрированные (Q₄).

Наше исследование не выявило значимых различий между мужчинами и женщинами-менеджерами, по таким факторам, как A – «общительность-замкнутость», C – «эмоциональная устойчивость», E – «доминантность-подчиненность», M – «практичность-развитое воображение», которые, как отмечал Р. Кеттелл, коррелируют

с успешной менеджерской деятельностью. И у женщин, и у мужчин эти показатели находятся на среднем уровне.

Не выявлено также значимых различий по таким характеристикам личности, как F (импульсивность), G (нормативность поведения), H (смелость), I (чувствительность), L (подозрительность), O (тревожность), Q₁ (радикализм), Q₂ (независимость от группы), Q₃ (развитый самоконтроль).

Но можно сказать о некоторых тенденциях, так, в частности: у женщин незначительно выше следующие показатели: A (общительность), C (эмоциональная устойчивость), E (доминантность), G (нормативность поведения), H (смелость), I (чувствительность), M (воображение), Q₂ (независимость от группы) и Q₃ (развитый самоконтроль).

Сходные тенденции были выявлены и в исследовании В. М. Погольши, который отмечает, что, воздействуя на других, женщины чаще используют обаяние, социальный интеллект и предприимчивость, пытаются лучше понимать собеседника и владеть собой, и все это требует от них большой силы воли [170].

У мужчин же выше показатели по факторам: F (импульсивность), L (подозрительность), O (тревожность), Q₁ (радикализм).

Методика Д. Кейси, основанная на типологии К. Юнга, и активно используемая в последнее время в сфере подбора и отбора персонала дала нам следующие результаты (см. табл. 3.9).

Таблица 3.9

Результаты исследований по методике Д. Кейси

Показатели	Группы	
	Мужчины	Женщины
Эпиметей	55%	55%
Аполлон	20%	40%
Прометей	15%	5%
Дионисий	10%	0%

Приведу краткое описание этих типов.

«Эпиметей» – рассудительные сенсорики – это практичный, реалистичный и наиболее ответственный тип. Эти люди являются

самыми строгими приверженцами традиций и четких иерархических отношений. В общении с окружающими люди этого типа предпочитают устанавливать деловые, устойчивые, формальные и иерархические отношения.

«Аполлоны» – интуитивные эмоционалы – люди, стремящиеся к духовному усовершенствованию и полному взаимопониманию. Они как будто постоянно ищут смысл жизни. В общении они весьма отзывчивы, склонны к сочувствию и сопереживанию. Предпочитают устанавливать гуманные, гармоничные отношения с окружающими, создавать и поддерживать вокруг себя благоприятный психологический климат.

«Прометеи» – интуитивные мыслители – люди интеллектуальные и компетентные. Они никогда не останавливаются в деле постоянного совершенствования своих способностей и теоретизирования обо всем на свете. В общении с окружающими выдержаны, корректны и устанавливают устойчивую психологическую дистанцию.

Более половины опрошенных (55%), в равной степени мужчин и женщин, относятся к типу «Эпиметей». Это практичный, реалистичный и наиболее ответственный тип. Люди такого личностного типа являются строгими приверженцами традиций и четких иерархических отношений. Для них очень важен жизненный порядок, основной ценностью для них является чувство долга и стремление занять достойное место в определенной социальной структуре. В общении с окружающими люди этого типа предпочитают устанавливать устойчивые деловые отношения, зачастую имеющие формальный и иерархический характер. Отмечается, что для типа личности «Эпиметей» одной из наиболее оптимальных сфер деятельности является посредническая [289], что коррелирует с реальным профилем деятельности большинства опрошенных.

Тип «Дионисий» у женщин отсутствует полностью, это подтверждают данные предыдущего теста о слабой импульсивности женщин и меньшей способности к риску.

Тип «Аполлон» незначительно преобладает у женщин, так как их отличает романтизм, богатый эмоциональный мир, они более склонны к сочувствию и сопереживанию.

А тип «Прометей» незначительно преобладает у мужчин, это, видимо, связано с тем, что мужчины более склонны устанавливать психологические дистанции.

Тип «Аполлон» преобладает у женщин (40% по сравнению с 20% у мужчин), что в общем-то, соответствует традиционным представлениям о женском стиле менеджмента. Люди такого типа ориентированы на межличностные отношения, внимательны к личным проблемам других людей и стремятся их разрешать, дружелюбны и гибки в общении.

Тип «Прометей» более присущ опрошенным мужчинам, чем женщинам (15% против 5%), что также коррелирует со стандартной моделью мужского менеджмента. «Прометей» более ориентированы на результат, чем на процесс, склонность к планированию, при этом недостаточно внимательны к чувствам окружающих и не склонны объяснять, повторять, убеждать и вообще общаться с интеллектуально неглубокими людьми.

Среди опрошенных женщин не оказалось представителей типа «Дионисий», среди мужчин же их 10%. Это тип человека, стремящегося к свободе, рискованного, активного деятеля. Но в плане общения открытость и непосредственность часто оборачивается невнимательностью к нюансам регламента и нечуткостью в межличностных отношениях.

Анализируя и обобщая результаты, полученные по вышеперечисленным методикам, можно прийти к следующим выводам.

Участвовавшие в нашем исследовании менеджеры относятся преимущественно к андрогинному типу личности. Полученные по методике С. Бэм результаты подтверждают и отсутствие значимых различий между группами исследуемых мужчин и женщин по 13 из 16 личностных факторов опросника Р. Кеттелла, и общий, в равной степени присущий обоим полам, преобладающий тип личности по Д. Кейси.

Происходящее в современных условиях сближение психологических характеристик личности мужчин и женщин, идущее особенно активно в тех случаях, когда оно подкреплено общим процессом трудовой социализации, не в полной мере осознается. Представления

мужчин и женщин о противоположном поле остается еще традиционно-стереотипизированным.

Гендерные различия в характеристиках коммуникативно-личностного потенциала опрошенных менеджеров есть, но они не являются теми, которые кардинально определяют успешность либо неуспешность деятельности в системе «человек – человек». В исследовании было обнаружено значительно больше сходных характеристик личности мужчин и женщин, влияющих на эффективность работы в этой сфере, чем различий.

Так, в частности, наиболее многочисленную группу, как среди мужчин, так и среди женщин, составили представители психологического типа «Эпиметей», для которых характерно в плане общения установление деловых, формализованных, иерархических, но при этом устойчивых отношений.

Не выявлено и значимых различий по фактору А (общительность-замкнутость): у представителей обоих полов общительность находится на среднем уровне.

Различия же проявились, в частности, по фактору N, продемонстрировав, что уровень дипломатичности выше у женщин, для них также характерен более высокий уровень тактичности и искренности (причем, здесь было отмечено совпадение как самооценки, так и внешней оценки).

В целом, результаты исследования по данной частной проблеме стали еще одним подтверждением общей тенденции к сближению (но не тождеству!) характеристик личности и поведения мужчин и женщин, особенно активно проявляющейся в сфере профессионально значимых качеств личности, тех качеств, которые являются психологической предпосылкой к успеху. Изменчивость личности под влиянием социальных факторов, ее способность к адаптации – факт, не вызывающий сомнений у подавляющего большинства исследователей (расхождения в точках зрения ученых обычно наблюдаются в вопросе о том, что же в структуре личности остается неизменным). Но если многие личностные изменения, происходящие в себе, в других людях под влиянием новых жизненных ситуаций достаточно отчетливо осознаются людьми, изменения в тех личностных характеристиках, которые за многие века срослись

с соответствующими гендерными стереотипами, далеко не всегда актуализированы в сознании.

В последнее время появились интересные исследования, связанные с построением образа успешного предпринимателя, где обнаруживался ряд личностных качеств, служащих предпосылкой к успеху [290–293].

Так, А. Е. Чирикова, исследуя предпосылки успешности деятельности российских предпринимателей, приводит типичный портрет успешного предпринимателя, включающий такие личностные свойства, как: реалистическая оценка при выборе альтернатив, критичность в представлении о своих возможностях, и одновременно высокий уровень притязаний, готовность идти на смелый и вместе с тем разумный риск и хорошо прогнозировать развитие событий [293]. Отмечается, что эффективные предприниматели стремятся к высокому уровню профессионализма, достижению широкой эрудиции, развитию творческого мышления, используют инновационные подходы в своей деятельности.

Также изучался образ предпринимателя в оценках их самих. На основе анализа выявленных личностных качеств исследователи выделили 12 параметров, условно разбитых на три группы: деловитость, общительность, благотворительность, которые затем оценивались с помощью метода семантического дифференциала. Результаты анализа показали, что преуспевающему предпринимателю сопутствуют такие качества, как компетентность, обаяние, реализм, обстоятельность. В самооценке эксперты больше придавали значение следующим качествам: порядочности, компетентности и немеркантильности [292, 293].

Как видим, качества, присущие успешному предпринимателю (как в самооценке, так и в оценке экспертов), не имеют ярко выраженной гендерной окраски, они андрогинны по своей сути.

В целом, можно отметить, что хотя личностные детерминанты успешности достаточно часто становятся объектом исследования, но обычно внимание исследователей концентрируется на различиях в результатах мужчин и женщин, либо на одной из сторон этой проблемы – мотивации к успеху или психологических особенностях успешных личностей (традиция, заложенная еще исследованиями самоактуализации А. Маслоу).

Социальные условия, в которых происходит формирование молодежи в Украине, трансформация традиционных гендерных ролей приводят к тому, что, с одной стороны, унифицируются требования и ожидания работодателей к работникам, а с другой – сближаются и установки, жизненные цели современных юношей и девушек (как, в частности, было выявлено и в нашем исследовании). Поэтому далее нашей целью стало изучение личностных предпосылок успешности в будущей профессиональной деятельности юношей и девушек, становление личности которых проходило в новых социально-экономических условиях [85].

В исследовании были использованы следующие методики:

а) «Незаконченные предложения» Сакса и Леви. Мы использовали 4 шкалы (по 4 предложения в каждой группе), позволяющие выявить особенности отношений опрашиваемых к себе, к будущему, прошлому и к жизненным целям [243];

б) «Мотивация успеха и боязнь неудачи» А. Реана, позволяющая выявить преобладание одного из мотивационных полюсов [243];

в) опросник «МАС» М. Кубышкиной, направленный на выявление стремлений человека к достижению цели, к соперничеству (азартности) и к социальному престижу [168];

г) методика Шварцландера, позволяющая выявить уровень притязаний испытуемых и его адекватность.

Испытуемыми выступили 40 студентов старших курсов в возрасте 20–25 лет, которые были разделены на две равноценные группы (по 20 человек в каждой) по признаку пола.

Результаты исследования представлены в таблицах 3.10–3.14.

В таблице 3.10 представлены результаты, полученные нами по методике «Незаконченные предложения».

Таблица 3.10

**Показатели шкал по методике
«Незаконченные предложения» (M_{ср})**

Группа	Системы отношений испытуемых			
	К себе	Жизнен. цели	К будущему	К прошлому
Гр. 1 (юн.)	0,60 ± 0,54	0,96 ± 0,46	1,0 ± 0,36	0,91 ± 0,39
Гр. 2 (дев.)	0,75 ± 0,58	1,18 ± 0,55	1,25 ± 0,47	0,87 ± 0,73

Мы видим, что вне зависимости от пола наиболее гармоничной оказалась система отношений к будущему ($1,0 \pm 0,36$ у юношей и $1,25 \pm 0,47$ у девушек). Продолжая фразу: «Будущее кажется мне ...» опрошенные дают следующие ответы: «светлым и безоблачным» (испытуемый Р, мужской пол, в дальнейшем «исп.»), «м. п.» или «ж. п.»); «перспективным» (исп. М., м. п.); «хорошим» (исп. В., м. п.); «замечательным» (исп. А., ж.п.); «многообещающим и светлым» (исп. Ч., ж. п.); «содержательным» (исп. А., ж. п.); «в ярких тонах» (исп. К., ж. п.). Но, естественно, есть и негативное отношение к будущему, и хотя достоверных различий между средними оценками систем отношений не выявлено, у юношей частота отрицательных оценок собственного будущего выше. Так, например, «будущее кажется мне... трудным» (исп. Ш., м. п.), «туманным и неясным» (исп. С., м. п.).

Наименее гармонична (по сравнению с другими) система отношений к себе – у юношей $0,60 \pm 0,54$, у девушек показатель несколько выше – $0,75 \pm 0,58$. Наиболее ярко гендерные различия проявились в завершении фразы «Моя наибольшая слабость заключается в том...» Привожу типичные ответы юношей: «в доброте», «что я боюсь», «что я добрый», «что я забываю обиды», «что я чувствителен», «что я обожаю детей», то есть юноши видят свои слабые стороны в тех качествах, которые традиционно приписывались женскому полу и оценивались в структуре характера как несомненно положительные – доброта, чувствительность, любовь к детям. У девушек же перечень слабостей значительно более разнообразный: «я нетерпелива», «я люблю сладости», «я много говорю», «я не могу отказать людям», «я не могу сдерживать свои эмоции», «не могу прямо в лицо сказать “нет”», «я доверяю людям», «я слабовольная» и т. д.

Но при всей разнородности, практически все эти слабости относятся к «типично женским». В результате и у юношей, и у девушек в списке слабостей фигурируют те черты, которые традиционно относят к описанию психологических особенностей женщин, именно они воспринимаются как помеха (что, в общем-то, соответствует реальности, если речь идет о достижении успеха в профессиональной сфере в условиях рыночной экономики).

Особый интерес представляет собой система отношений к жизненным целям. Завершение фразы «я всегда хотел...» оказалось очень показательным. Желания юношей практически поровну разделились между совершенно конкретными и прагматичными («иметь машину», «иметь собаку», «попробовать лангуста», «уехать из страны») и более глобальными, дальними, и при этом менее конкретными целями («стать президентом», «быть богатым», «получать все жизненные блага», «стать профессионалом в одной или нескольких областях»).

Желания же девушек в очень сильной степени оказались связаны с самоусовершенствованием и имеют эмоциональный характер («быть хорошей», «быть лучше», «быть счастливой», «быть любимой» и т. д.). Только у 20% опрошенных девушек были более конкретные желания и цели («получить высшее образование», «много путешествовать», «много знать»).

Но если мы посмотрим ответы на фразу «больше всего я хотел бы в жизни...», картина несколько меняется, и у многих девушек появляется желание «достичь успеха», «добиться чего-то значительного», «заниматься любимым делом» и т. д. Проявляется в ответах и ориентация на семью: «всегда быть рядом с любимым», «иметь детей».

У юношей же ответы становятся более индивидуализированными и разнонаправленными. От «хочу всего» до «купить машину», от «стать умным» до «объехать весь мир».

Анализируя же отношение к прошлому, которое влияет на отношение к себе и на направленность жизненных целей, можно отметить, что наиболее показательными стали завершения фразы: «если бы я стал моложе на несколько лет...». Так, в частности только 10% юношей ничего бы не меняли, для большинства типичными оказались ответы: «я бы сделал многое по-другому», «не повторял бы многие ошибки», «попытался бы изменить то настоящее, в котором нахожусь сейчас». У девушек же отношение к недавнему прошлому прямо противоположно. Большинство опрошенных отмечали, что «ничего бы не меняли», «оставили все, как есть», «делали бы то же самое» и только 20% – «все бы изменили», «все бы было по-другому». В целом, если по количественным показателям

значительных различий между результатами юношей и девушек не выявлено, то качественный анализ демонстрирует явные гендерные различия в отношениях к себе, к своему будущему и прошлому и к жизненным целям.

Результаты исследования по методике «Мотивация успеха и боязнь неудачи» представлены в табл. 3.11.

Таблица 3.11

Мотивационные показатели (M_{cp})

Группа	Показатели
Группа 1 (юноши)	13,95 ± 3,06
Группа 2 (девушки)	14,05 ± 2,48

Различия в показателях мотивационного полюса у девушек и юношей недостоверны, в обеих группах преобладает стремление к успеху (надежда на успех).

Результаты же тестирования по методике «Потребности в достижении успеха» (см. табл. 3.12) также не выявили значимых различий в уровне выраженности данной потребности у юношей и девушек – и у тех, и у других она находится на среднем уровне.

Таблица 3.12

Показатели потребности в достижении успеха (M_{cp})

Группа	Выраженность потребности достижения успехов
Группа 1 (юноши)	13,20 ± 2,75
Группа 2 (девушки)	13,75 ± 2,70

Опросник «МАК» позволил нам выстроить иерархию стремлений юношей и девушек, но не выявил значимых различий в зависимости от пола (см. табл. 3. 13). На первое место вышло стремление к достижению цели, второе – заняло стремление к социальному престижу и на последнем – оказалось стремление к соперничеству.

Таблица 3.13

Показатели стремления испытуемых (M_{cp})

Группа	Шкалы стремлений		
	К достижению цели	К соперничеству	К социальному престижу
Гр. 1 (юн.)	18,30 ± 5,25	12,75 ± 3,96	14,60 ± 3,76
Гр. 2 (дев.)	17,35 ± 4,97	12,80 ± 4,08	16,95 ± 4,49

Исследование же уровня притязаний испытуемых с помощью «моторной пробы» Шварцландера выявило значимые различия (по t-критерию Стьюдента при $p < 0,05$). Результаты представлены в табл. 3.14.

Таблица 3.14

Показатели уровня притязаний испытуемых (M_{cp})

Группа	Уровень притязаний
Группа 1 (юноши)	1,61 ± 1,04
Группа 2 (девушки)	0,88 ± 1,39

Группе юношей оказался свойственен нормально адекватный уровень притязаний, что позволяет предположить, что они будут ставить перед собой цели и задачи, соответствующие их возможностям. Девушки же продемонстрировали адекватно-низкий уровень притязаний, что предполагает выбор ими тех задач, которые несколько проще и ниже их реальных способностей, защищая себя таким образом от ситуации понижения самооценки.

В целом, результаты этого исследования не выявили значимых различий в ряде тех личностных особенностей юношей и девушек, которые можно рассматривать как предпосылки успешности. И тем, и другим ориентация на успех присуща в равной степени, и она преобладает над мотивом избегания неудач. И у юношей, и у девушек потребность к достижению успеха находится на среднем уровне; они ориентированы, прежде всего, на цель, а затем уже на социальный престиж и соперничество.

Значимые различия были выявлены только по одному параметру – уровень притязаний у девушек ниже, чем у юношей, что, скорее всего, обусловлено традиционным семейным воспитанием, формирующим у мальчиков более высокую «планку достижений», чем у девушек.

Наиболее ярко особенности женской и мужской психологии проявились в системе отношений к жизненным целям, подтвердив высказанную К. Хорни мысль о различиях в женском и мужском способах существования: цели девушек в большей степени оказались «внутренними», направленными на самосовершенствование, а цели юношей – ориентированы на внешний мир.

Сходные тенденции отмечаются и в исследованиях гендерных особенностей памяти, проводимых Е. Ивановой: женщины акцентируют внимание на эмоциональной стороне событий, событийное пространство их жизни в большей степени (по сравнению с мужчинами) населено людьми. Проявляется и тенденция к большему вниманию женщин к описанию событий внутренней жизни: переживаний, размышлений, некой морали, выведенной из воспоминаний [122].

Обобщая результаты проведенных исследований, можно с достаточной степенью уверенности говорить о ряде любопытных тенденций, проявляющихся в формировании направленности на достижение успеха в профессиональной деятельности женщин и мужчин.

Во-первых, с одной стороны, сохраняются традиционные гендерные различия в направленности мужчин на труд, на власть, на самореализацию, сопряженную с общественным признанием. С другой стороны, при этом у женщин (как и у мужчин) именно работа понимается как основное средство достижения успеха.

Во-вторых, видение средств достижения успеха, стратегий, подходов, стремлений, требований к работе, выявилось общим, вне зависимости от пола испытуемых.

В-третьих, парадоксальная общность во взглядах представителей обоих полов выявилась в представлениях о «помехах», слабостях, мешающих достижению цели, – все они относятся к стандартному перечню фемининных качеств.

В-четвертых, женщины более чем мужчины ориентированы на самосовершенствование, достижение власти над собой, на соответствие своих способностей работе, которую они избрали.

Таким образом, мы видим сближение многих установок, мотивов, потребностей, взглядов, лежащих в основе стремления к достижению успеха. При этом сближение происходит за счет в большей степени изменения взглядов женщин и приближения их к традиционно маскулинной модели.

Сходный (по содержанию) результат был получен и в исследованиях Е. Улыбиной с помощью психосемантического метода [272]. Испытуемые студентки рассматривали свое развитие как движение от образа «типичной женщины» к образу «типичного мужчины». Девушки ощущают «типичную женственность» как социально-детерминированное образование, которое необходимо преодолеть на пути к успеху.

В исследовании О. М. Разумниковой также дифференциация между юношами и девушками в большей мере проявилась по феминным качествам, а маскулинные черты, так же как и андрогинные, каждая группа считала своими. Кроме того, уровень маскулинности оказался завышен у всех опрошенных студентов [242а].

То есть, если обратиться к уровневому подходу к структуре личности (психофизиологический, психологический, социально-психологический), то можно интерпретировать полученные данные следующим образом. Качества, соответствующие социально-психологическому уровню личности женщин, трансформируются, приближаясь к маскулинному типу, при этом уровень психологический по-прежнему соответствует преимущественной ориентации на внутренний мир, в отличие от ориентированных на внешний мир мужчин.

«Инаковость» мужчин и женщин проявилась, естественно, и в нашем исследовании. Но следует отметить, что сходных характеристик и черт у современных женщин и мужчин значительно больше, чем отличных. И самое главное сходство – в общей ориентации на достижение, на успех, работу и карьеру.

А вот стратегии достижения и понимания успеха – различны. Влияют ли эти различия на возможность полноценно реализовать

себя в профессиональной сфере – да, несомненно. Но это связано, с моей точки зрения, не с эффективностью стратегии и «правильностью/неправильностью» понимания успеха в профессиональной сфере, а с тем, что до сих пор тиражируемая в средствах массовой информации, в общественном сознании модель успеха – мужская, неразрывно связанная с властью и признанием в социуме. Фемининной женщине реализоваться в рамках именно такой модели успеха действительно сложно, но это никак не снижает ее потенциальных возможностей достижения успеха в профессии с точки зрения самореализации, саморазвития, достижения своих внутренних целей. Но и для мужчины, который внешне находится в более выгодном положении, – его маскулинный набор качеств идеально соответствует модели успешности – есть своя проблемная зона. Ведь достижение успеха сегодня, с учетом все более усложняющегося и индивидуализирующегося «человеческого фактора», требует проникновения в психологию другого человека, эмпатийности, гибкости и еще целого ряда качеств из «фемининного набора».

Таким образом, и в этом аспекте происходит трансформация гендерной идентичности мужчин и женщин. Причем, редкий случай, эти изменения в определенной мере целенаправленно поддерживаются СМИ, которые достаточно последовательно демонстрируют новый образ современной женщины – «женщины успешной». Маскулинный же образ в меньшей степени наполняется необходимыми для достижения успеха феминными качествами. Если мы возьмем практически любой из популярных журналов, то увидим интересный феномен: в сфере личных отношений мужчину стали ориентировать на чуткость, внимание к другому человеку, умение проявлять свои чувства, но эти качества крайне редко распространяются на профессиональную сферу.

Подводя общий итог рассмотрению вопроса об изменении тех аспектов гендерной идентичности, которые теснейшим образом связаны с направленностью на успех в профессиональной сфере, с теми личностными качествами, которые являются предпосылкой успешности, с представлениями мужчин и женщин о содержании этого успеха и путях его достижения, необходимо отметить следующее.

1. Наличие (либо отсутствие) мотивации к успеху в современных условиях не является «полосной» характеристикой, разделяющей мужчин и женщин.

2. Гендерные различия в этой сфере существуют, но они, в большей степени, связаны с различиями в содержании представлений о психологических компонентах успеха.

3. Личностные качества мужчин и женщин, связанные с направленностью на успех, с возможностью его достижения (в частности, в такой широко распространенной группе профессий, которые относятся к системе «человек – человек»), не имеют значимых различий в степени их выраженности.

4. Соответствие традиционным стереотипам в этой области проявилось в сохранении более высокой значимости власти для мужчин (по сравнению с женщинами), а также в более низком уровне притязаний у женщин (по сравнению с мужчинами).

5. Фемининные качества воспринимаются и мужчинами, и самими женщинами как такие, которые создают помехи в достижении успеха.

3.3. Маскулинное и фемининное в личности руководителей-лидеров

3.3.1. Женский и мужской менеджмент: сходство и различия

Исследования в области гендерной социализации наглядно демонстрируют тот факт, что особенности мужской и женской полоролевой идентификации специфически отражаются на положении человека в обществе, его личной и профессиональной судьбе. Большое влияние на выбор профессионального пути, о чем мы уже говорили ранее, оказывают и гендерные стереотипы в этой сфере.

Остановимся теперь подробнее на одной из актуальных проблем в данной области, связанной с барьерами в общественном мнении (да и в сознании самих женщин), препятствующими их успешной адаптации в тех сферах деятельности, которые ранее считались преимущественно мужскими, в частности, в сфере менеджмента.

Е. Г. Михайлева, анализируя возможности карьеры женщины в обществе модерна и постмодерна, отмечает, что «в состоянии модерна социальная реальность конструируется благодаря универсализации и типизации социальных образов и образцов. В таком обществе роли мужчины и женщины также универсализированы, как и большинство ролей вообще. В обществе модерна выгодно воспроизводить одинаковые ролевые нагрузки, так как это приносит социальной системе наибольшую «прибыль», является удобным и с идеологической, и с экономической, и с культурной точек зрения» [204, с. 71].

Для общества же постмодерна характерно многообразие и нестабильность, изменчивость жизненных целей, ценностей, социальных ролей мужчин и женщин. Поэтому карьерный «успех женщины в обществе постмодерна в меньшей степени ограничен общественными стереотипами, чем в традиционном, и основан на индивидуальном проявлении ее личностного потенциала» [204, с. 73].

Тем не менее, насколько актуальна проблема равной реализации своих возможностей и способностей вне зависимости от пола для нашей страны, показывают данные, которые приводятся в новом докладе Программы развития ООН, где подчеркивается, что украинское общество жестко придерживается патриархальных ценностей. Согласно докладу ООН, женщин берут на менее ответственную работу, наивысшие государственные посты в Украине занимают мужчины, а в парламенте на каждую женщину приходится 19 мужчин [214, с. 3.].

Одним из факторов, приведшим к такому положению, несомненно, стали стереотипные представления о специфике технологий женского менеджмента, о психологических качествах женщин (входящих в типичный фемининный набор), негативно влияющих на эффективность руководства.

Тем не менее в реальности в общемировом измерении женщины владеют более чем 1/3 бизнеса и нанимают 1/4 рабочей силы; в семьях с двумя работающими около 1/4 женщин зарабатывают больше своих мужей [256]. При этом как негативные факторы для развития женского лидерства в бизнесе выступают дискриминация женщин и (на это указывает, в частности, Хорнер) «картина

внутренних барьеров» – это страх лидерства или страх успеха. Женщины, претендующие на лидерство в профессиональной сфере, боятся негативной оценки со стороны близких (или даже неблизких) мужчин. Причем страх лидерства, коррелирующий со страхом успеха, свойственен не только взрослым женщинам, что может определяться особенностями реального женского опыта, но он проявляется даже у способных, одаренных девочек. Еще один фактор, оказывающий негативное влияние на формирование гендерной идентичности женщин в новых социальных условиях, – это отсутствие достаточного количества примеров для подражания. Хотя здесь ситуация в Украине понемногу меняется, но только до определенного уровня: на уровне малого и среднего бизнеса, среди менеджеров среднего звена женщин вполне достаточно. Но вот на уровне топ-менеджеров образцов женских успешных карьер (причем, образцов «раскрученных») явно недостаточно.

Можно привести много примеров зарубежных и отечественных исследователей, в которых отмечается скептическое отношение в обществе к женщинам в роли руководителя [32, 35, 38]. Имеются данные, что мужчины-менеджеры, по сравнению с женщинами-менеджерами, пользуются большей симпатией коллектива и получают большую поддержку подчиненных [35, 299].

С другой стороны, появилось выражение «женский гуманитарный менеджмент», подчеркивающее исключительные женские способности в преодолении трудностей, с которыми сталкиваются современные руководители в нашем быстроменяющемся мире. Приведем цитату из работы Е. С. Гвоздевой и В. И. Герчакова «Штрихи к портрету женщин-менеджеров»: «Сегодня специалисты пришли к мнению, что в будущем бизнес должен стать менее иерархичным, более гибким и подвижным. Согласно последним исследованиям, лучший менеджер новой генерации умеет хорошо слушать, мотивировать и поддерживать своих работников... Есть группа людей, которые имеют огромные преимущества в реализации нового подхода – это женщины» [68, с. 37].

В исследованиях американского психолога Дж. Роузнер отмечено, что женщины-руководители более «трансформационны» и успешны именно благодаря, а не вопреки, фемининным качествам. Ею был

сделан очень интересный вывод, что первые женщины-руководители были вынуждены перенимать стиль и эффективные приемы мужского поведения. «Вторая волна» женщин, пришедших на руководящие должности, уже не подражает мужчинам, а использует те навыки и установки, которые развились на основе собственного опыта [246, с. 175–176].

Опросы, интервью российских психологов и социологов показывают, что женщины, занимающие управленческие посты, демонстрируют высокий мотивационный уровень своей деятельности. Их самоидентификация на быденном языке определяется формулой: «трудоголики, несущие свой крест». Деньги дают им возможность удовлетворять личные потребности и тратить их на требуемый «представительский вид», но не более того. В ситуации нестабильной экономической системы для них важнее всего доказать себе, что они способны управлять предприятием в условиях жесткого финансового кризиса [290, 293].

Эти женщины относятся к психологическому типу с подвижной мотивационной структурой. При этом у них нет ценностей карьерного роста вне своих предприятий, женщины-управленцы, как правило, не склонны делать политическую или какую-либо иную карьеру, кроме директорской.

Набор антикризисных стратегий женщин-управляющих принципиально не отличается от тех, которые описываются в исследованиях, где основную выборку составили мужчины-директора. Однако женщины-директора больше ориентированы на хорошие отношения с персоналом и строят свои стратегии выхода предприятий из кризиса на высоких мотивациях сотрудников. Склонность к воспитательному поведению и сопереживанию достаточно часто выступает ограничителем женского менеджмента, но женщины учатся компенсировать свои особенности управления и даже извлекать выгоду из них. Жестче по сравнению с мужчинами женщины-директора ведут себя с партнерами, демонстрируя тем самым меньшее доверие им по сравнению с мужчинами [291, 292].

Несмотря на большую «ситуативность» женского менеджмента по сравнению с мужским, женщина-директор эффективно реализует стратегии не только выживания, но и развития, выстраивая более

осторожные отношения со своими партнерами. Процедуры принятия решений ими в основном проводятся с ориентацией на активное их обсуждение совместно с подчиненными.

В целом полученные в ходе исследования А. Е. Чириковой данные показывают, что свыше 70% женщин оценивают свои менеджерские качества не ниже мужских, а 30% – убеждены в своих преимуществах перед мужчинами в умении управлять людьми. Около 70% женщин-лидеров предпринимательства в своих регионах считают, что женские технологии управления более адаптированы к современным условиям [292].

Обобщение большого количества работ отечественных и зарубежных авторов, посвященных гендерным особенностям управленческой деятельности, проведенное в диссертационном исследовании А. В. Чернобровкиной [по 282], позволило сделать следующие выводы. Поведение мужчин и женщин в управленческой деятельности детерминировано как особенностями управленческой ситуации, так и традиционными гендерными ролями и идеалами: представители обоих полов ожидают социального одобрения за поведение, соответствующее своей традиционной гендерной роли. Для мужчин наиболее значимо наличие возможностей для продвижения по службе, требование хорошо оплачиваемой работы, наличие возможностей обучения и повышения квалификации, успех для них значит больше, чем качество жизни. Для женщин наиболее значимыми являются работа в дружеской атмосфере, возможность оставаться на данном рабочем месте так долго, как этого хочется, наличие приемлемых условий труда, хорошие отношения с руководством и коллегами; качество жизни является более значимым, чем профессиональный успех. А. В. Чернобровкиной выделены характеристики преобразовательного управленческого стиля, практикуемого по преимуществу женщинами: активное взаимодействие с подчиненными, поддержание в сотрудниках уважения к собственной персоне и поддержка их в стрессовых ситуациях.

Но, в целом, как зарубежные, так и отечественные исследования рисуют достаточно противоречивую картину – от полного неприятия гендерных различий, как фактора влияния на выбор стиля и тактики

руководящих воздействий, до абсолютизации гендерных стереотипов в сфере менеджмента.

Общую картину гендерных различий в сфере менеджмента в обобщенном виде можно увидеть в табл. 3.15.

Таблица 3.15

Гендерные отличия в управленческой деятельности [286]

Характеристики	Мужчины	Женщины
Способ преодоления препятствий	Интеллект, сила	Хитрость, ловкость
Ориентированность на проблеме	Перспективная	Текущая
Потребность в эмоциональных стимулах	Пониженная	Повышенная
Основа решений	Рассудочность	Чувственность
Характер	Замкнутый	Открытый
Отношение к внешнему миру	Реалистичное	Идеализированное
Мышление	Критичное	Интуитивное
Поведение	Сдержанное	Эмоциональное
Преобладающий тип мышления	Словесно-логический	Наглядно-действенный
Объект внимания	Содержание	Форма
Наблюдательность и точность	Пониженные	Повышенные
Ориентированность	Деловая	Личная
Отношение к другим	Прямолинейное	Гибкое
Действие словесного поощрения	Расслабляющее	Возбуждающее
Реакция на критику	Агрессивная	Спокойная

В книге «Ломаю стеклынный потолок» Моррисон с коллегами проводят обзор исследований женщин-руководителей, чтобы выяснить, какие факторы влияют на успех и неудачи, были ли эти факторы одинаковыми для женщин и мужчин и нуждались ли женщины в иных возможностях для развития, чем мужчины. Основные полученные результаты приведены в табл. 3.16 [299].

Ключевые факторы, влияющие на карьеру женщин-руководителей

Шесть факторов успеха
Помощь вышестоящего начальника Послужной список Желание добиться успеха Способность управлять подчиненными Готовность к рискам, связанным с карьерой Способность быть жесткой, решительной и требовательной
Три фактора неудач
Неспособность адаптироваться Завышенные требования (к себе или другим женщинам) Проблемы с эффективностью работы
Четыре фактора успеха в карьере
Принятие организацией Поддержка и одобрение Обучение и развитие Стремление к сложной работе и карьерному росту

Многие из факторов успеха и неудач, показанных в таблице, относятся и к мужчинам, и к женщинам, но как отмечают авторы, женщины, по-видимому, должны иметь больше ценных качеств и меньше недостатков, чем мужчины, чтобы быть успешными; у них должен быть отличный послужной список, они должны быть полностью компетентны и преданы организации; должны уметь управлять подчиненными, особенно мужчинами, и быть жесткими и требовательными. Они также должны быть готовы идти на риск.

Обратим внимание на то, что факторы успеха ориентированы на чисто мужскую модель менеджмента, на то, что все-таки женщина должна в роли руководителя демонстрировать маскулинную модель поведения. Поэтому, как отмечает П. И. Дыник, на пути у женщины-управленца встречаются две типичные проблемы [236]. Довольно часто хорошо подготовленная в профессиональном отношении женщина не умеет приспособиться к стереотипу управления, скроенному по «мужской модели» и предполагающему в качестве

позитивного образца наличие сугубо мужских качеств: жесткости, напористости, авторитарности, склонности к обезличенному управлению, эмоциональному аскетизму.

В этой ситуации женщина должна либо «сломать себя», принять чуждую ее природе модель поведения, что неизбежно скажется на ее общем жизненном образе, либо предпринять колоссальные усилия для утверждения в глазах коллектива и окружения своего права на особый, «женский» стиль управления.

Женский же стиль управления, как убеждены многие, основан на традиционных ролевых функциях матери, сестры, помощницы. Так, Е. И. Калинина отмечает, что сами женщины, занимающие руководящие посты, признают за собой роль матери в управлении [132]. Женщин выгодно отличает ответственность, стремление заботиться о семье в широком смысле слова, будь этой «семьей» предприятие, банк, издательство и т. д. «Женщина на руководящем посту остается женщиной. Она – хозяйка, ей нужен порядок», «Женщина легче расстается с властью, поскольку в ней есть материнское начало, она охотнее, чем мужчина, продвигает других. Она не боится конкуренции, а, как мать, гордится успехами своих сотрудников [132].

Картина получается несколько идеализированная, но зато в полной мере соответствующая традиционному фемининному образу, хотя и в нетрадиционной лидерской роли.

Очень показательно, что эти картины рисуют именно женщины, как будто иллюстрируя высказывание психологов о подсознательном страхе лидерства. Влияние и власть нераздельно связаны с лидерством и управлением. Но, с другой стороны, немного существует личностных характеристик, так тесно связанных с полом и дихотомически разделяющих мужчин и женщин, В. А. Васютинский отмечает, что «половые характеристики личности наисущественно обусловлены отношениями с другими людьми, в которых она обязательно занимает определенную позицию во властной иерархии. Таким образом, и полоролевые, и, шире, гендерные особенности выявляются изначально властно окрашенными» [58, с. 85].

Традиционно именно мужчина занимал верхнюю позицию во властной иерархии, и это место воспринималось им самим (да и женщиной) как имманентно присущее данному полу. Поэтому женщине

на пути к высотам управления приходится преодолевать, прежде всего, серьезные внутренние барьеры. Для женщин путь к власти связан с преодолением многочисленных препятствий, тогда как для мужчин – с реализацией многочисленных возможностей. Это утверждение пронизывает множество работ. Причиной такой ситуации являются: 1) полоролевая социализация, ориентирующая женщину на семью, а не на социальную активность; 2) стереотипы мужественности-женственности, опирающиеся на дихотомию власти-подчинения; 3) проблема выбора, стоящая только перед женщинами (что важнее: семья или карьера?). То есть социум ограничивает сферы реализации женского личного влияния, и преодолеть эти барьеры можно пока только благодаря определенным личностным качествам.

Таким образом, мы можем предположить, что женщина, молодая девушка, которую уже и новая социально-экономическая среда подталкивает к выстраиванию карьеры, связанной с управленческой деятельностью, неминуемо сталкивается с кризисом идентичности, с необходимостью выстраивания новой модели, отличной от традиционной феминной. Какой будет эта модель – единой точки зрения нет, что является, в общем-то, ожидаемым результатом, так как в обществе постмодерна могут эффективно работать различные модели.

Представляет несомненный интерес предложенная Г. Ложкиным схема влияния полоролевой идентификации личности на предпочтения стиля руководства (см. рис. 3. 2), где сделана попытка уйти от прямолинейной связи между принадлежностью руководителя к определенному полу и стилем менеджмента, и акцентирована значимость именно социального пола личности [183].

Хотелось бы добавить, что выбор того или иного стиля руководства крайне редко бывает именно *выбором* – логичным, осознанным, продуманным шагом в построении системы эффективного руководства.

В подавляющем большинстве случаев стиль руководства является естественным выражением определенных личностных особенностей человека. Вопрос же о предпочитаемых современными украинскими менеджерами (и мужчинами, и женщинами) стилях руководства

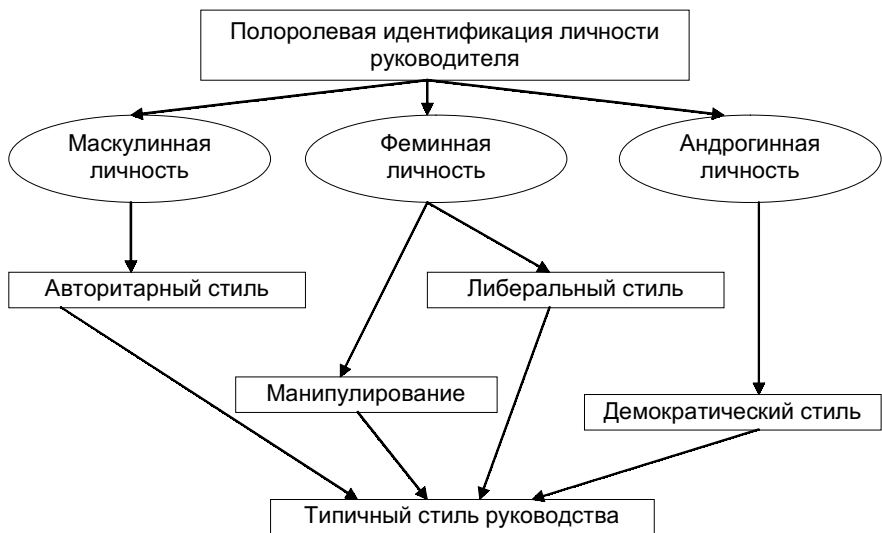

Рис. 3. 2. Схема влияния полоролевой идентификации личности на предпочтение стиля руководства

и соответствующих им личностных особенностях недостаточно изучен. Кроме того, большинство исследователей в большей степени сосредотачивают внимание на гендерных различиях, а вот вопросы сходства, обусловленные общими требованиями к личности и поведению руководителя, оказались менее изученными.

Целью нашего следующего исследования и стало изучение гендерных особенностей в стиле управления и личности менеджеров. В исследовании был поставлен ряд задач:

- 1) выявить наличие (либо отсутствие) взаимосвязи между предпочитаемым менеджером стилем руководства и полом;
- 2) выявить связь между психологическими особенностями личности, профессионально значимыми для руководителя, и предпочитаемым стилем руководства.

Для достижения целей исследования нами был использован комплекс взаимодополняющих методик:

- 1) методика ГРИД (опросник Блейка – Моутона или матрица стилей руководства), позволяющая выявить стили руководства,

образуемые сочетанием различных комбинаций двух подходов к управлению: руководство с заботой о людях или с преимущественной ориентацией на процесс производства [39];

2) методика диагностики уровня субъективного контроля Дж. Роттера (модифицированный вариант Е. Ф. Бажина, С. А. Галынкиной и А. М. Эткинды), позволяющая диагностировать особенности контроля за значимыми для личности событиями. Предполагается, что менеджеры-управленцы должны обладать интернальным локусом контроля, интерпретируя события своей жизни как результат своей собственной деятельности [243];

3) методика выявления коммуникативных и организаторских склонностей (КОС-2), предназначенная для определения уровня их развития. Высокий уровень развития этих способностей подразумевает, в частности, умение устанавливать контакты с людьми, влиять на них, организовывать совместную деятельность. Наличие данных склонностей является профессионально значимым для руководителей любого уровня [243];.

В исследовании приняли участие сотрудники частных фирм, менеджеры среднего звена, имеющие в подчинении от двух до восьми человек подчиненных. Трудовой стаж опрошенных колеблется от 12 до 18 лет. Группа 1 – менеджеры мужчины, 20 человек, средний возраст 38,7 года. Группа 2 – менеджеры женщины 21 человек, средний возраст 35,8 года.

Результаты, полученные в исследовании, представлены в таблицах 3.17–3.19.

В табл. 3.17 представлены результаты, полученные по матрице стилей руководства.

Таблица 3.17

Результаты исследования по матрице стилей руководства

Стили руководства	Группа 1 (мужчины)	Группа 2 (женщины)
9,9 / командное руководство	35,3 ± 1,25	36,6 ± 1,31
9,1 / авторитарное руководство	28,9 ± 1,1	27,9 ± 1,02
5,5 / производственно-командное управление	34,1 ± 0,98	34,5 ± 1,07
1,9 / социальное руководство	30,8 ± 1,3	30,4 ± 1,1
1,1 / примитивное руководство	20,7 ± 1,2	20,4 ± 1,4

Приведем описание стилей руководства Блейка – Моутона, так как именно эти два подхода к управлению часто рассматривают как гендерно раздельные: считается, что для женщин-руководителей приоритетна забота о людях, для мужчин же главное – процесс производства.

Рис. 3. 3. Матрица стилей руководства

Матрица стилей руководства, созданная Робертом Блейком и Джейн Сригли Моутоном, представляет собой сочетание различных комбинаций двух подходов к управлению: руководство с заботой о людях и руководство с упором на процесс производства. Как показано на рисунке, матрица представляет собой пересечение двух шкал по девять делений на каждой и образуемую ими сетку. По вертикали ранжируется степень заботы о людях при управлении коллективом, а по горизонтали – степень заботы о производственном процессе. Всего мы получаем 81 позицию (9·9), то есть 81 вариант

стиля управления. Каждый из вариантов поведения при управлении компанией может быть сравнен с любым другим из данной матрицы (безусловно, нельзя четко определить, к какому именно квадранту матрицы относится данный конкретный вид руководства, и в действительности делать это и необязательно, поскольку нельзя извлечь конкретный смысл из номера квадранта). Блейк и Моутон описали пять крайних и наиболее характерных позиций матрицы.

1. (9; 1) Авторитарное руководство.

Эта позиция характерна для менеджеров, которые во главу угла ставят заботу о производстве и практически не осуществляют никакой социальной деятельности. Они считают, что такая деятельность является проявлением мягкотелости и ведет к посредственным результатам. Кроме того, они считают, что качество управленческих решений не зависит от степени участия подчиненных в его принятии. Положительными чертами менеджеров такого типа являются: высокий уровень ответственности, трудоспособности, организаторский талант, интеллект. Однако между таким руководителем и его подчиненными постоянно сохраняется дистанция, часто отсутствует прямая связь и взаимопонимание, сохраняется лишь удовлетворительный уровень групповой дисциплины.

2. (1; 9) Социальное руководство.

Эта позиция характеризует руководителей, которые уделяют особое внимание нуждам и потребностям своих подчиненных, чего нельзя сказать о процессе производства. Менеджеры такого типа полагают, что основа успеха заложена в поддержании атмосферы доверия, взаимопонимания в коллективе. Такой руководитель, как правило, любим подчиненными, они готовы в трудную минуту поддержать своего лидера. Текучка кадров на предприятиях с таким стилем управления очень низка, как, впрочем, и количество прогулов, а уровень удовлетворения трудом очень высок. К сожалению, излишняя доверчивость к подчиненным часто ведет к принятию половинчатых непродуманных решений, за счет этого страдает производство. Расторопные подчиненные весьма часто злоупотребляют доверием к себе либо даже стараются заменить собой мягкотелого лидера.

3. (5; 5) Производственно-командное управление.

Эта позиция характеризует тот тип руководителя, который умело сочетает заботу о людях с заботой о производстве. Такой менеджер

считает, что компромисс во всех случаях – лучшее решение, он есть основа для эффективного управления. Решения должны приниматься руководителем, но обязательно обсуждаться и корректироваться с подчиненными. Контроль над процессом принятия решений является как бы компенсацией для рабочих за осуществлением контроля над их деятельностью в процессе производства. Положительными чертами руководителей такого типа являются: постоянство, заинтересованность в успехе начинаний, нестандартность мышления, прогрессивные взгляды. Однако, к сожалению, прогрессивность взглядов мало распространяется непосредственно на сам стиль управления, что не способствует развитию и движению вперед всего производства. Конкурентоспособность фирм с таким стилем управления иногда оставляет желать лучшего. Как, впрочем, и некоторые стороны внутренней жизни коллектива.

4. (1; 1) Примитивное руководство или «отдых на работе».

Эта позиция характеризует такой тип руководителя, который достаточно холодно относится как к своим подчиненным, так и к самому процессу производства. Он считает, что управленец может всегда прибегнуть к помощи постороннего эксперта или специалиста. Такое ведение дел поможет избежать конфликтов, неурядиц, создаст благоприятные условия для работы самого руководителя, а, кроме того, расширит диапазон новых идей, воплощаемых в производство. Как правило, такого управляющего нельзя назвать лидером, маяком. Он скорее просто «хранитель своего портфеля и кресла». Но такое положение вещей не может сохраняться долго. Рано или поздно самые серьезные трудности заставят либо пересмотреть стиль руководства, либо сменить самого руководителя.

5. (9; 9) Командное руководство или руководство «лицом к лицу».

Эта позиция характеризует такой тип руководителя, который одинаково бережно относится как к людям, так и к возглавляемому им производству. В отличие от менеджера позиции (5; 5), который считает, что залог успеха в компромиссе, данный тип управленца не останавливается на полпути. Он стремится приложить максимум усилий как в сфере социальной политики, так и в самом производстве. Причем наилучшим способом увеличения производительности, повышения качества выпускаемой продукции и услуг они считают активное вовлечение подчиненных в процесс принятия решений.

Это позволяет повысить удовлетворенность трудом всех работающих и учесть малейшие нюансы, влияющие на эффективность процесса производства. Недаром Блейк и Моутон сделали следующее заключение: в различных специфических условиях каждый из стилей управления может оказаться весьма эффективным, но в типичной ситуации развития бизнеса наиболее правильным, успешным будет применение командного руководства.

Как мы видим, авторитарное руководство коррелирует с типично маскулинным типом, а социальное руководство – с феминным.

Анализ же данных, полученных по данной методике, не выявил значимых различий между двумя группами. И для мужчин, и для женщин наиболее предпочитаемым оказался командный, или демократический стиль руководства (9; 9). Такой тип руководителя оптимален, так как предполагает одинаково внимательное отношение как к людям, так и к производству. С небольшим отрывом следует в рейтинге стилей управления близкий к предыдущему тип производственно-социального управления (5; 5), для которого также характерно сочетание заботы о людях с заботой о производстве, правда, этот тип менее последователен в своих действиях, предпочитая в качестве главного инструмента управления компромисс.

Наименее приемлемым в работе руководителя, по мнению обеих групп опрошенных, оказался либеральный стиль (1; 1), как определили его авторы методики – «примитивное руководство или отдых на работе». Полученные нами данные коррелируют с данными, полученными по этой же методике А. Чириковой с сотрудниками, где в качестве испытуемых выступили успешные российские предприниматели [293]. Анализ результатов показал, что вопреки сложившемуся стереотипу о сосредоточенности женщин-руководителей на достижении взаимопонимания между сотрудниками соотношение между ориентацией на задание (60%) и ориентацией на человека (40%) у них то же самое, что и среди мужчин. Следовательно, распространенное мнение о меньшей эффективности деятельности женщин-директоров, чем мужчин-директоров, якобы вследствие сосредоточения усилий, в первую очередь, на создании гармоничной атмосферы, что ослабляет внимание к работе организации, не подтверждается данными проведенных исследований.

Так как реализация на практике любого стиля управления требует хорошего развития коммуникативных и организаторских способностей, то для ориентации в степени их развития у менеджеров мы использовали методику КОС–2. Результаты представлены в табл. 3.18.

Таблица 3.18

Результаты исследования по методике КОС-2

Показатели	Группа 1 (мужчины)	Группа 2 (женщины)
Коммуникативные склонности	$13,4 \pm 0,92$	$13,8 \pm 0,98$
Организационные склонности	$14,4 \pm 0,75$	$13,4 \pm 0,79$

Исследование по данной методике также не выявило достоверных различий в результатах двух групп, но следует отметить, что показатель коммуникативных склонностей у мужчин ($13,4 \pm 0,92$) несколько ниже, чем у женщин ($13,8 \pm 0,98$), в то время как показатель организационных склонностей у мужчин ($14,4 \pm 0,75$) превышает соответствующие показатели менеджеров женщин ($13,4 \pm 0,79$).

Эти тенденции соответствуют традиционным представлениям о более высоком уровне развития коммуникативных способностей у женщин (в сравнении с мужчинами) и о более развитых способностях к организационной деятельности у мужчин (по сравнению с женщинами). В целом же показатель развития этих профессионально значимых склонностей несколько выше среднего уровня в обеих группах.

Образ типичного руководителя включает в себя представление о доминантности его личности, о способности контролировать ситуацию и брать ответственность за результаты своих действий на себя, что соответствует интернальному локусу контроля. Результаты, полученные в нашем исследовании по методике диагностики уровня субъективного контроля, представлены в табл. 3.19.

Здесь также не было выявлено достоверных различий в показателях уровня субъективного контроля мужчин и женщин руководителей. В целом, можно отметить, что за исключением одного показателя (интернальность в области здоровья) обе группы

Результаты исследования по методике УСК

Показатели	Группа 1 (мужчины)	Группа 2 (женщины)
Ио	5,8 ± 0,45	5,71 ± 0,41
Ид	6,2 ± 0,37	6,24 ± 0,39
Ин	5,75 ± 0,46	5,86 ± 0,5
Ис	5,5 ± 0,45	5,76 ± 0,5
Ип	5,25 ± 0,45	5,62 ± 0,31
Им	6,55 ± 0,38	6,57 ± 0,43
Из	4,6 ± 0,49	3,86 ± 0,43

испытуемых продемонстрировали тенденцию к интернальной форме контроля своего поведения. Значимо, что наиболее высокие показатели были получены по шкале интернальности в области межличностных отношений, что свидетельствует о возможности контролировать свои формальные и неформальные отношения с другими людьми, вызывая к себе симпатию и уважение. Эти качества являются профессионально-значимыми для руководителей и, в свою очередь, являются личностной основой для формирования демократического стиля руководства. Коррелируют с лидерскими, организаторскими качествами и высокие показатели по шкале интернальности в области достижений. Полученные нами данные несколько противоречат исследованиям А. В. Визгиной, С. Р. Пантелеева [61] и А. К. Канатова [133], где было показано, что уровень субъективного контроля у мужчин несколько выше, чем у женщин, да и значимость интернальности как способности влиять на различные события и ситуации для мужчин выше. Отсутствие значимых различий, полученное в нашем исследовании, может быть объяснено тем, что наши группы испытуемых различны по признаку пола, но равнозначны по статусу и виду деятельности. И это оказалось более значимым фактором влияния на формирование интернальной формы контроля, чем принадлежность к определенному полу.

В целом проведенное нами исследование показало отсутствие значимых различий в стилях руководства, предпочитаемых

мужчинами и женщинами руководителями, а также в личностных характеристиках, профессионально значимых для выполнения управленческих функций.

Демократический стиль руководства базируется на интернальном локусе контроля, проявляющемся наиболее всего в области межличностных отношений и достижений. Возможность реализации демократического стиля руководства на практике опирается на развитые выше среднего уровня коммуникативные и организаторские склонности.

Можно предположить, что отсутствие гендерных различий в стилях руководства и соответствующих им социально-психологических характеристиках обусловлено, с одной стороны, унифицированными требованиями к личности руководителя (как при отборе, так и в процессе выполнения своих функциональных обязанностей), а с другой стороны, идущим во всем мире процессом формирования андрогинного типа личности.

Идея андрогинии часто привлекается для объяснения отсутствия различий между лидерами разного пола. Самыми известными здесь являются теории, разработанные Джудит Спенс с коллегами (рассматривавшими андрогинность как сочетание показателей высокой маскулинности и высокой фемининности) и Сандрой Бэм (представлявшей андрогинию как баланс между этими двумя категориями). Андрогинности отдавали предпочтение перед маскулинностью и фемининностью, и в теории андрогинного менеджмента А. Серджента, к примеру, утверждалось, что эффективный лидер должен перенимать лучшее, что есть в качестве другого пола, и интегрировать в себе мужские и женские характеристики [31, 32, 35, 68, 97, 132, 246, 250, 286, 299, 314, 333].

Если же мы вернемся к рисунку 3.2, то увидим, что выявленный в нашем исследовании демократический (командный) стиль руководства, предпочитаемый обеими группами менеджеров вне зависимости от пола, соответствует андрогинному типу личности.

В целом, следует отметить, что и женский, и мужской менеджмент имеет свои стилевые особенности, обусловленные как типично психологическими чертами, присущими каждому полу, так и сформированными в процессе социализации, в соответствии

с ожиданиями общества. Главное, что женский менеджмент, так же, как и мужской, может быть эффективным и высококвалифицированным. Помехой же для полноценной реализации женщин в роли руководителя зачастую служит традиционное представление об ограниченных возможностях женщины-менеджера и, в целом, мнение о меньшей эффективности «мягкого» женского менеджмента по сравнению с «жесткой» мужской моделью управления. Хотя мы все можем привести в качестве примеров целый ряд управленческих ситуаций, свидетельствующих о том, что женщина способна на применение жестких управленческих технологий, но в более мягкой «упаковке». Да и практика ведения бизнеса подтверждает эффективность работы женщин-руководителей.

Не следует и преувеличивать в современных условиях специфику женского и мужского лидерства в бизнесе. Лидерские качества мужчин и женщин имеют общую природу и не зависят от половых различий. Это дает основание утверждать о том, что успешный менеджмент не имеет пола. Хороший менеджер располагает двойным репертуаром управленческих технологий: и мужских, и женских. И это не исключает того, что деловые стратегии мужчин и женщин-руководителей имеют и определенную специфику. так, например, женщины, по сравнению с мужчинами-предпринимателями, ориентированы на устойчивые деловые стратегии и ведут свой бизнес более ответственно и осторожно; женщины чаще рассматривают бизнес как возможность самореализации. Взаимодействие с предпринимательницами свидетельствует, что те из них, которые достигают успеха в бизнесе, отличаются определенными личностными особенностями: это вариантность личностной структуры, повышенный психологический темпоритм, высокий уровень работоспособности и др. [149, 293].

Специалисты фирмы «Catalyst» проанализировали кадровый состав первых ста компаний из списка «Fortune-500» (ежегодный рейтинг самых успешных компаний, публикуемый популярным американским бизнес-журналом «Fortune») и пришли к выводу, что все они имеют, по крайней мере, одного директора-женщину. В компаниях, вошедших в список, членами советов директоров в 2003 году были 779 женщин (13,6% от общего количества

директоров). При этом специалисты отмечают положительную тенденцию: за последние два года число женщин, входящих в состав советов директоров ведущих компаний, выросло почти на 1,5% [127].

Как утверждает исследование, проведенное американской консалтинговой фирмой «Catalyst», чем больше женщин представлено среди высшего руководства фирмы, тем большего финансового успеха добивается компания, на которую они работают. Успешность оценивалась по двум критериям: прибыль на акционерный капитал (или рентабельность капитала) и совокупный доход акционеров. В фирмах, в которых женщины занимали высокие руководящие посты, эти показатели были на 35% выше по сравнению с теми компаниями, где высшее начальство было представлено только мужчинами.

Интересен комментарий результатов этих исследований, сделанный российскими топ-менеджерами женщинами.

«Мне кажется, что результаты этого исследования не удивительны и вполне логичны. Это во многом объясняется врожденными, природными качествами женщины, – отмечает заместитель генерального директора УК «НИКойл» Наталья Плугарь, – женщина не склонна к быстрым и необдуманым решениям, поскольку ее главной ценностью является сохранение накопленного, сохранение семьи, домашнего очага, и в этом смысле компания для нее – это такой же домашний очаг. Женщины менее склонны к риску, чем мужчины. Они более основательно и детально подходят к выполнению своих задач. В этом смысле очень эффективным будет разделение ролей в бизнесе. Там, где нужен риск, быстрота, продвижение чего-то нового, – там лучше всего справятся мужчины. А если есть время для принятия решения, тогда более эффективно будет работать именно женщина, поскольку она уделяет гораздо больше внимания деталям». С этим согласна и другая интервьюированная: «Женщина, действительно, зачастую принимает более верные стратегические решения, и помогает ей в этом природная интуиция и хорошее понимание психологии сотрудников, – полагает главный редактор журнала «Финансовый директор» Татьяна Ищенко, – преимущество женщины в том, что она понимает, из каких деталей состоит процесс, она работает более тщательно и ей есть дело до мелочей. Однако

я бы не стала рассматривать профессиональные качества именно с точки зрения половой принадлежности. В любом случае определяющую роль всегда должны играть знания, опыт и профессионализм».

Эти высказывания еще раз подтверждают ту истину, что женщины-менеджеры достигают успехов не в результате копирования мужского стиля управления, а посредством творческого использования своих способностей, реализации имманентно присущих только женщине черт и качеств.

Говоря о перспективах женского лидерства, нельзя не обойти проблему препятствий, стоящих перед теми женщинами, которые направлены на успех в этой сфере.

Очень популярна, как в феминистской, так и в психологической литературе, метафора о «стеклянном потолке»: невидимой, но реальной преграде, на которую наталкивается женщина-лидер, когда пытается достичь вершин успеха; для мужчин же такой преграды не существует.

Среди объективных факторов, препятствующих успеху женщин-лидеров, называется лишение их доступа к информации, а также меньшая по сравнению с мужчинами возможность поучиться у менеджера своего пола, занимающего более высокие должности (считается, что процесс наставничества протекает успешнее при сходстве его участников).

Но главное препятствие заключается в отношении окружающих. Несмотря на то что по ряду качеств женщины-лидеры не отличаются от своих коллег мужчин, представление об их непригодности для лидерской роли является устойчивым. Оно проявляется в осуждении близких и друзей, в предпочтении подчиненными мужчины в роли босса и в скептицизме мужчин-администраторов по отношению к женщинам-лидерам. Так, например, по данным зарубежных исследований, женщины-управленцы реже выходят замуж и заводят детей, чем женщины, не занимающие руководящих постов. Причиной этого может быть то, что работающие (и при этом семейные) женщины оказываются неспособными задерживаться на работе, работать по выходным или отпраиваться в командировки и чаще отсутствуют на работе в связи с необходимостью ухода за детьми, а это понижает их шансы в занятии высоких управленческих должностей.

Кроме того, вышестоящие руководители часто не желают продвигать женщин по службе, предполагая, что их семейные обязанности делают их менее преданными организации (даже когда для такого предположения нет никаких оснований). Например, как отмечает Ш. Берн, в отношении политической власти можно сказать следующее: рука, которая качает колыбель и работает вне дома, может оказаться слишком усталой для того, чтобы управлять миром, и слишком занятой другими обязанностями для того, чтобы превратить свою власть в институт. Далее она приводит результаты исследования Тавриса и Уэйда, проведенные в 90-х годах XX века, где было выявлено, что, по мнению 40% опрошенных мужчин, женщины уступают мужчинам в честолюбии, что не позволяет им достигать больших высот в бизнесе. Убежденность мужчин (40%) в преимуществах жесткого менеджмента перед мягким менеджментом также базируется на уверенности в том, что женщины – худшие стратеги и не умеют принимать необходимые решения столь быстро, как того требует ситуация [35]. Причем в большей психологической изоляции оказываются успешные женщины-менеджеры [35, 299].

Следствием таких установок становится сознательное либо подсознательное) стремление ориентированных на карьерный успех женщин перенимать маскулинный тип поведения.

Так, например, в исследовании О. Мирошниченко, посвященном психологическим особенностям личностной самоактуализации деловых женщин в современном украинском обществе, было показано, что ориентация на «мужскую» стратегию поведения, обуславливает тот факт, что участвовавшие в исследовании женщины демонстрировали экспансивно-целенаправленный стиль поведения [199].

Были также выявлены некоторые изменения в мотивационной сфере личности деловой женщины. С одной стороны, была установлена высокая степень значимости таких ценностей, как познание, красота, спорт, здоровье, ценности идеологического уровня (политическая информированность, мир, свобода), что, как показывают результаты многочисленных психологических и социологических исследований, не является типичным для «средней» украинки или украинца. С другой стороны, ориентацию на вышеуказанные ценности деловые женщины пытаются соединить с ориентацией на

семью. Такая «разбросанность» ценностных ориентаций, как отмечает автор, является предпосылкой для возникновения внутриличностных мотивационных конфликтов, из-за которых женщина часто вынуждена делать выбор «или-или».

«Разбросанность» ценностных ориентаций, противоречия между желанием полноценно реализовать себя в традиционно мужской сфере управления и фемининной идентичностью приводит, в конечном итоге, к кризису идентичности, к необходимости пересмотра деловой женщиной образа «просто женщины».

Поскольку для мужчин успешная карьера и отсутствие личной жизни описывается именно как норма успешной маскулинности, аналогичная ситуация среди женщин, естественно, расценивается как угроза такой маскулинности. Эта ситуация описывается не просто как отступление от женской нормы, но как психологическая и даже биологическая патология. А. Юрчак приводит ряд очень наглядных примеров такой позиции. Журнал для деловых людей «Профиль» цитирует мужчину-специалиста: «Огромное число женщин, делающих карьеру, имеет проблемы в личной жизни. Они не умеют строить долгосрочные отношения с мужчинами. Для них карьера – своего рода компенсация: человек должен компенсировать неудачи в одной сфере успехами в другой»; «доказано, что у женщин с повышенным IQ – коэффициентом интеллекта – выше содержание мужского гормона гонадотропина, что, в свою очередь, обуславливает чисто мужские реакции на многие вещи. А самыми востребованными у мужчин оказываются те женщины, чьи профессии связаны с воспитанием детей. Не случайно принц Чарльз женился на Диане Спенсер – воспитательнице детского сада» [308].

К сожалению, и в Украине до сих пор существуют серьезные проблемы в принятии новых социальных ролей женщины. Причем эта проблема (точно так же, как и в сфере семейных отношений) имеет две стороны: восприятие новых социальных ролей обществом и самой женщиной.

В общественном сознании существует целый ряд мифов об особенностях деятельности женщин в качестве руководителей, которые достаточно далеко отстоят от реальности. Приведем наиболее распространенные (см. табл. 3.20).

**Мифы о профессиональной деятельности
женщин-руководителей [цит. по ист. 83]**

Мифы	Истина
1) женщины слишком мягки, нежны и заботливы, чтобы быть хорошими начальниками	1) женщины-руководители имеют более высокий рейтинг по 19 из 25 категорий по сравнению с женщинами-исполнителями. Эти данные приводятся на основании исследования более 19 тыс. сотрудников 100 больших и малых предприятий
2) прежде чем стать начальником, женщина становится «стервой»	2) мужчины-работчие уважают женщин-начальников даже больше и ставят их выше начальников-мужчин по 23 из 25 категорий
3) женщина не может одновременно заботиться о семье и руководить коллективом	3) женщины хорошо выполняют свою работу. Исследования «менеджер в группе и в организации» показало, что женщины-руководители повсеместно проявляют себя личностями яркими, сильными, гибкими, устойчивыми, прямыми и способными работать по много часов подряд. Кроме того, они самодостаточны и уверены в себе, им не требуется внешний контроль
4) став матерью, женщина готова уйти с работы	4) женщины могут играть в команде
5) женщины больше, чем мужчины, пользуются больничными и отпусками	5) женщины-руководители примерно на 5% более, чем мужчины-руководители, склонны выслушивать мнение подчиненных – согласно опросу, проведенному в 1993 г. Что касается лояльности по отношению к подчиненным, то результаты исследования Вирджинии Слимс показали, что 29% женщин и 22% мужчин считают, что женщины-начальники более лояльны к своим подчиненным. (60% женщин и 59% мужчин считают, что руководители обоих полов в этом равны)
6) женщины работают ради «кое-каких» денег – настоящие деньги зарабатывают мужья	6) женщины способны управиться и с семьей, и с работой. Подавляющее большинство – 94% из 100 работающих матерей, у которых дети находились дома, считают, что они хорошо справляются с обеими работами. Как это им удастся? 39% считают, что они являются очень организованными людьми, 21% считают, что им в этом помогают мужья
7) женщины на самом деле не хотят становиться начальниками – они боятся ответственности	
8) женщины не могут быть хорошими игроками в команде, и потому мужчины не принимают их в свои игры	
9) женщины нелояльны	

Но вот вопрос, который возникал уже неоднократно: насколько информация, опровергающая эти мифы (да и многие другие, связанные с гендерными стереотипами), представлена в процессе гендерной социализации хотя бы современной молодежи? Вопрос, во многом риторический, так как любой опрос на улице, дискуссия в студенческой аудитории позволит нам за короткий срок составить аналогичный список мифов, но вряд ли их опровержений.

Ведь некоторые аспекты трансформации гендерной идентичности женщин напоминают борьбу с ветряными мельницами. Признав и приняв лидерство и возможность властного влияния как естественные черты личности женщины, мы сможем воспринимать образ женщины-лидера, женщины-руководителя как целостный, а не как некое «кентаврическое образование». А, приняв этот образ как непротиворечащий женственности (но, конечно, не в традиционности, а современном ее понимании), мы уже делаем серьезный шаг к изменениям в традиционном процессе гендерной социализации.

Не изменив же процесс социализации, мы все больше будем сталкиваться с тем, что женщины, в реальности не имеющие никаких психологических ограничений для успешной карьеры, будут сами сознательно или подсознательно ограничивать свой рост.

Ведь, например, существует так называемый парадокс «довольного невольника» (по определению К. Хакима), точно схватывающий суть проблемы. Основным пунктом неравенства, связанным с полом, является одобрение женщинами разделения социальных ролей на женские и мужские. Первые относятся к семье, дому и детям, в то время как вторые сосредоточены на профессиональной работе и зарабатывании денег. Глубоко укорененное в сознании и женщин, и мужчин, но особенно женщин, убеждение о естественном характере этого разделения способствует его устойчивости. Оно обеспечивает мужчинам доминирующую позицию благодаря тому, что дает возможность контролировать ключевые ресурсы.

Кросскультурное исследование, проведенное Х. Домански, подтвердило, к сожалению, тот факт, что во всех обществах большая часть женщин выражает согласие на существующую систему ролей, в которой доминируют мужчины [320].

Подтверждающие выводы Х. Домански данные были получены и в исследовании О. Здравомысловой на российской выборке: лишь 11,9% женщин хотели бы занимать руководящую должность, тогда как 70% высказались категорически против. По мнению автора исследования, это связано с «особенностями менталитета российских женщин», где власть и влияние в глазах большинства российских женщин имеет скорее негативный оттенок [118]. У украинских женщин, для которых семья, семейные ценности, собственная женственность не менее важны, чем для российских, результат был бы аналогичен.

Таким образом, фемининная модель гендерной идентичности женщин противоречит модели профессиональной идентичности руководителя, порождая кризис либо внутриличностный, либо межличностный. Но как показывают результаты цитируемых выше исследований и наших собственных, реальные руководители – мужчины и женщины – уже не находятся в узких рамках традиционной маскулинности либо фемининности. Демократический стиль управления, эффективность которого в демократическом, человекоцентрированном обществе неоспорима, требует андрогинии, интеграции мужских и женских характеристик. С точки зрения психологической нет препятствий для формирования новых моделей гендерной идентичности, которые уже не будут дихотомичны по личностным качествам, обеспечивающим успешную адаптацию в новых социальных условиях и дающим возможность реализовать себя в традиционно присущих противоположному полу профессиональных сферах (что особенно актуально для женщин).

Ведь одним из важнейших условий здоровой идентичности является реализация в деятельности смысла жизни человека, его системы ценностей. Угроза идентичности возникает тогда, когда человек (будь то женщина или мужчина), обнаружив свои истинные желания, найдя свой смысл жизни, не могут их реализовать в реальной жизни из-за давления других людей, социума, либо из-за барьеров стереотипов в собственном сознании.

3.3.2. Женское лидерство и руководство – путь к маскулинизации или андрогинии?

Очевидно, что успешная реализация женщины в профессиональной сфере порождает проблемы с идентичностью. Женщина, стремящаяся к профессиональному росту, достижению руководящих постов, находится и социально и психологически в довольно сложном положении, стараясь объединить роль хранительницы домашнего очага и эффективной работницы.

Успешная же карьера мужчины, особенно, если он достигает высокого статуса в сфере управления, в подавляющем большинстве случаев только укрепляет маскулинную идентичность.

Поэтому, с точки зрения изучения тех процессов изменений, которые происходят с идентичностью мужчин и женщин в конце XX – начале XXI века необходимо более подробно рассмотреть особенности личности женщин, успешно реализующих себя в традиционно мужских сферах деятельности.

Нельзя не отметить возрастающую самостоятельность и активность женщины в современном обществе. При этом становится очевидным, что происходит расслоение общества не только экономическое (непривычное для нашего общества деление на «богатых» и «бедных»), но и психологическое. Часть женщин, к сожалению, оказались внутренне не готовы к тем переменам, которые потребовала от них жизнь и, в основном, именно эта группа оказывается объектом различных психологических и социологических исследований (безработные, жертвы семейного насилия и т. п.). Но немало у нас и женщин, для которых происходящие перемены послужили толчком для кардинального изменения привычного сценария своей жизни. Чужеродное ранее понятие «бизнес-леди» прочно вошло в наш лексикон: перестали быть для нас экзотикой женщины – лидеры партий, женщины – организаторы и участники различных общественных движений.

Эти, удачные в социальном плане женщины, реже привлекают внимание исследователей, хотя, наверное, не менее интересно (и важно практически!) разобраться, что происходит во внутреннем мире женщины-лидера, с какими проблемами она сталкивается во взаимоотношениях с партнерами, в семье и т. д. Тем более то, что

происходит с социальными ролями (и женщин, и мужчин) в нашей стране, является составной частью процесса, происходящего во всем мире. В Украине, как и везде, мужчина в масштабах социума утрачивает традиционную роль «добытчика», профессиональная конкуренция проникает в семью, возникает семья с двумя карьерами – а это совершенно иные проблемы, конфликты, отношения в сфере семейной власти.

Социальные роли современных мужчин и женщин сближаются, и это во многом связано с увеличением доли влияния женщин в таких традиционно мужских сферах, как бизнес и политика. Это – объективная реальность, но она во многом не совпадает с теми представлениями, установками, которые существуют в сознании людей.

В современном обществе женщины работают наравне с мужчинами, сохраняя при этом традиционные обязанности матери и жены. Проблема совмещения ролей «дом – работа» достаточно сложна не только с практической точки зрения, но и с психологической, так как требования, предъявляемые к женщине семьей и работой, во многом противоречивы. Кроме того, любое совмещение приводит, в лучшем случае, к компромиссу, а в худшем – к редукции какой-то из сфер деятельности. Ситуация же усугубляется, когда женщина становится руководителем, предпринимателем, усваивая при этом мужской стиль игры.

Профессиональная деятельность традиционно рассматривалась как «мужской мир», и чтобы быть успешной в этом мире, предполагается, что женщина должна демонстрировать мужское ролевое поведение и минимизировать многие черты личности, характерные для традиционного феминного типа.

В проведенном уже в эпоху перестройки опросе московские студенты-экономисты, описывая современного успешного российского бизнесмена, подчеркивали необходимость наличия у него таких черт, как жестокость и жесткость, властность, агрессивность, упорство в достижении цели, уверенность в себе и скрытность. И объяснили, что для успешного ведения дела «нужно не строить иллюзий, а принимать мир таким, каков он есть», то есть мир бизнеса устроен для «сильных мужчин», а мягкие, чувствительные особы в этом жестком мире обречены на провал [118].

Образ успешного современного бизнесмена, описанный студентами, очень близок тому образу обобщенного мужчины, который был создан Дж. Уильямсон и Д. Бестом [348]. Они предприняли глубокий анализ полоролевых стереотипов на основе списка из 300 наиболее употребительных прилагательных, описывающих личностные черты. Выявленные кластеры признаков показали, что мужчины оцениваются как агрессивные, предприимчивые и доминантные. Женский же образ, выявленный в этом же исследовании, представлял как бы «обратную сторону» бизнесмена – то, каким он в современных условиях быть не может, – сентиментальность, нежность, мягкосердечие.

Действительно, для того чтобы добиться успеха, занять руководящие должности в бизнесе, политике, да, собственно, в любой сфере деятельности, необходимо обладать комплексом лидерских качеств, которые традиционно были составной частью мужского ролевого поведения. И кстати, сторонники фрейдизма традиционно негативно относились к женскому лидерству, связывая его сугубо с маскулинной гендерной ролью. Женщины-лидеры считались обладателями нездоровой гендерной идентичности, а их стремление к лидерству, называемое «фаллическим», рассматривалось как проявление неполноценности женщин, завидующих мужчинам. Правда, в последнее время можно наблюдать некоторое смягчение психоаналитических взглядов на женское лидерство. Хотя и современными психоаналитиками, как отмечает Т. В. Бендас, «...были обнаружены данные о нездоровой идентичности тех женщин, которые предпочитали карьеру семье, но были и другие результаты: женщины-менеджеры легко интегрировали в своей личности женственность и лидерство. А отказ женщин от него был связан не обязательно с боязнью утратить женственность, как постулировал психоанализ, но и с другими факторами, в частности, с нежеланием женщин играть в политические игры мужчин и с отношением общества к женскому лидерству. В то же время достаточно часто встречаются работы, авторы которых связывают здоровую гендерную идентичность лидеров с влиянием мужчин-отцов (для обоих полов) и мужей (для женщин)» [32, с. 90]. Попробуем разобраться, что все-таки в представлении о противопоставлении женщины и лидера соответствует

действительности, а что является результатом внедрившихся в сознание стереотипов.

Для решения этого вопроса попытаемся оттолкнуться от сложившихся в психологии представлений о личностном аспекте лидерства.

В социальной психологии распространено изучение проблемы лидерства через призму «теории черт», согласно которой лидером может быть человек, обладающий определенным набором личностных качеств. Обзор многочисленных эмпирических работ, посвященных выявлению универсальных черт, которые должны быть свойственны лидерам, показал широкое разнообразие и вариативность таких наборов [13, 28, 31, 40, 82, 188].

Но практически во всех «наборах» присутствуют как минимум следующие черты:

1. Интеллект. Большинство авторов отмечают, что чтобы стать лидером, интеллект должен быть выше среднего, но не на уровне гениальности. Среди характеристик интеллекта особенно важна склонность к решению сложных, неоднозначных задач, не имеющих стандартного решения. Сюда же относится выделяемый рядом исследователей «фактор вертолета» – способность подниматься над частными ситуациями и воспринимать их в неразрывной взаимосвязи со всей окружающей обстановкой.

2. Инициативность. Здесь особенно важна способность осознавать потребность к действию, наличие соответствующих мотивов и активность, самостоятельность в достижении цели.

3. Уверенность в себе. Она проявляется как способность открыто говорить о своих чувствах и требованиях, устанавливать контакты, начинать и оканчивать беседу, открыто выражать свои позитивные и негативные чувства, уметь сказать «нет». Уверенность в себе коррелирует с высокой самооценкой компетентности и высоким уровнем притязаний [82].

Согласимся, что в массовом сознании вышеперечисленные качества ассоциируются скорее с мужчиной, чем с женщиной. Получается, чтобы добиться успеха во «внешнем мире» профессиональной деятельности, женщина должна усвоить мужскую роль, и уровень ее успешности будет определяться тем, насколько хорошо она смогла нивелировать женские черты и присвоить мужские,

выстроив модель гендерной идентичности по маскулинному типу. Так ли это в действительности?

Одним из самых устойчивых стереотипов является представление об интеллектуальном превосходстве мужского пола, яркой иллюстрацией которого стал классический эксперимент, проведенный учеными американского университета Кент: 150 юношам и 150 девушкам было предложено сделать подборку статей по политологии на основе предложенных материалов, которые были подписаны либо Джон Мак-Кей, либо Джоан Мак-Кей, или Дж. Мак-Кей, то есть тремя вариантами, два из которых указывали на пол автора. В результате большинство юношей и девушек при отборе статей предпочли Джона, доверяя компетентности автора-мужчины [295].

Если же мы обратимся к результатам психологических исследований, найдем ли мы подтверждение или опровержение этих установок? Обратимся к исследованиям лаборатории Б. Г. Ананьева, в которых, в частности, были изучены интеллектуальные особенности студентов и динамика их изменения в процессе обучения в вузе [239]. На достаточно большой для психологического исследования выборке (493 человека) были получены следующие результаты:

– у студентов первого курса оценка общего интеллекта, проведенная по методике Векслера, была следующей: девушки – 115,3 балла; юноши – 117,3 балла (то есть некоторый перевес имеют юноши);

– у студентов пятого курса ситуация меняется: девушки – 121,7 балла; юноши – 120,5 балла.

Это только один из примеров, демонстрирующих равные интеллектуальные возможности женщин и мужчин.

В то же время, по данным психометрических исследований, число мужчин на обоих концах кривой нормального распределения, построенной по результатам измерения коэффициента интеллектуальности (IQ), заметно превосходит число женщин, то есть, что среди мужчин больше умственно отсталых индивидов, но и больше высоко одаренных [10]. Среди наиболее известных ученых, талантливых людей, получивших признание общества, как известно, преобладают мужчины. Но этот факт ни в коей мере не служит

ограничителем для возможностей женщины занять лидерскую позицию в бизнесе, политике и т. п., так как хорошо развитый интеллект лидера не предполагает достижение им уровня гениальности или каких-либо сверхразвитых способностей.

Существуют различия по специальным умственным способностям, которые многие исследователи объясняют небольшими различиями в строении мозга мужчин и женщин. Мужчины показывают лучшие результаты в тестах на пространственное мышление, традиционно у них преимущества в математических способностях. Девочки обычно раньше мальчиков произносят первые слова и облакают их в предложения. К 10 годам девочки демонстрируют высокую беглость чтения и лучшее развитие речевых навыков. Интересна возможная связь этих половых различий с особенностями социального развития, ведь именно в подростковом возрасте девочки с большим интересом обсуждают и лучше вербализируют свои переживания, чем мальчики [10, 35, 124, 126, 182, 224].

В целом, наиболее значимым различием в интеллектуальной сфере (доказанным экспериментально) мужчин и женщин является только одно: Е. Маккоуби и К. Джеклин, проанализировав 1600 доступных им психологических исследований половых различий, показали, что у девочек, по сравнению с мальчиками (у женщин, по сравнению с мужчинами), лучше развит вербальный интеллект. У мальчиков, по сравнению с девочками (у мужчин, по сравнению с женщинами), лучше развиты зрительно-пространственные и математические способности [339].

Оценивать этот результат «уровнево», наверное, не имеет смысла. Тем более, что в современном понимании лидерские способности неразрывно связаны с социальным интеллектом, где, как показывают исследования последних лет, у женщин, зачастую, показатели выше [12].

Учтем и то, что успехи в интеллектуальном развитии тесно связаны со стремлением их достижения. Уровень мотивации успеха – это еще один параметр, по которому часто сравнивают мужчин и женщин. Сравнение часто проводят не по данным научных исследований, а по социальным показателям: сколько женщин

и сколько мужчин достигли крупных успехов в науке. Относительно небольшое количество женщин, добившихся высот в науке, в бизнесе, принимается за показатель «отсутствие у женщин стремления к достижению». Но если мы обратимся к данным психодиагностических исследований, то увидим, что в школе девочки больше, чем мальчики, ориентированы на высокую успеваемость. Не обнаружено половых различий и в настойчивости, упорстве при решении задач. Но уже в студенческие годы положение меняется: при равных с юношами учебных успехах девушки менее оптимистично прогнозируют свои профессиональные достижения [124].

И это не связано с показателями интеллекта, а, скорее всего, с тем, что, как отмечает Т. В. Говорун, «детям постоянно с малых лет говорят про их будущее, дифференцируют их предназначение в семье и обществе. Мальчиков, как правило, ориентируют на карьеру, социальные роли в профессиональной, общественно-политической сфере... Ролевые ориентации девочек ограничивают созданием семьи, будущими бытовыми обязанностями... И, наконец, дети подсознательно отождествляют себя с распространенными в определенном обществе моделями мужского и женского поведения. Женщина – руководитель предприятия, женщина-политик... остается в украинском обществе настолько редким явлением, что на нее не часто указывают как на образец гендерной роли» [74, с. 9–10].

Кроме особенностей семейной гендерной социализации, несомненно, влияющих на социальные показатели успешности женщин в интеллектуальной сфере, существовал, и в определенной степени существует до сих пор, ряд объективных условий. Как отмечает А. Анастаси, «многие виды профессий до недавнего времени были абсолютно недоступны для женщин. Даже сегодня во многих сферах нет равной основы для конкуренции мужчин и женщин. В прошлом образовательные возможности также были различны, хотя в современном мире условия для двух полов более уравнены в этом отношении, чем раньше. Несмотря на передовое положение Америки в образовании женщин, по сравнению с большинством других стран, вплоть до середины XIX в этой стране не было ни одного учебного заведения университетской категории, которое принимало бы женщин. Доступ к профессиональному и аспирантскому образованию

оставался закрытым до значительно более позднего времени. Даже в начальной и средней школе обычный учебный курс девочек отличался от курса мальчиков намного меньшим содержанием естественных наук и большим содержанием литературы, искусства и других «благородных» предметов [10, с. 649].

Влияние общественных институтов во многом подкрепляет установку на разнополюсность понятий «женщина» и «ученый».

Учебники, средства массовой информации рисуют образ науки и ученого, которые, в основном, соответствуют маскулинизированной или патриархальной системе ценностей. Проецируемый социумом образ науки и типичного ученого – сильнейший детерминирующий фактор в выборе карьеры, но он часто оказывается малопривлекательным для женщин. Женщины, стремящиеся добиться успеха в науке, сталкиваются с серьезными проблемами: их стремление к достижениям, погруженность в работу окружающие часто расценивают как утрату женственности или как способ компенсировать неудачи в личной жизни. Чего стоит только образ «синего чулка», как квинтэссенции «не женщины».

В такой ситуации оценка интеллекта женщин, уровня развития их способностей по достижениям является не только сомнительной с научной точки зрения, но и этически вряд ли оправданной.

Очень точно различия в формировании гендерных стандартов в этой сфере отметила Т. В. Говорун: «...самоуверенность закрепляется в мужской психологии благодаря ожиданиям социума: мальчишеское поведение, наполненное сомнениями, колебаниями, безжалостно высмеивается и, наоборот, всячески поддерживается влияние непоколебимости, решительности. Мальчики скорее предпочитают казаться заумными, чем нерешительными в себе. «Не колебайся, прочь сомнения, действуй – вот кредо мальчуковой социализации, а затем и взрослого мужского поведения. А наставления, обращения к женскому полу, как правило, противоположны по смыслу. «Как ты можешь? Ты же будущая мама. Подумай! Взвесь все» [74, с. 6].

Как результат такого воспитания – уверенность и другие личностные качества, связанные с ней, воспринимаются как обязательная составляющая мужского образа.

Дж. Уильямс и Д. Бест провели исследование, в котором студентам из 25 стран предлагалось в списке психологических качеств, состоящем из 300 прилагательных, выбрать те, которые относятся, по их мнению, к женскому и мужскому полу. Оказалось, что у студентов 19 стран (75% опрошенных) 48 из 300 прилагательных ассоциировались только с мужчинами, а 25 приписывались только женщинам. Прилагательные, ассоциирующиеся с уверенностью, в подавляющем большинстве случаев приписывались мужчинам. К таковым можно отнести 16% (8 из 48) «мужских» прилагательных (например, активный, инициативный, независимый, амбициозный и пр.). Из 25 «женских» прилагательных с уверенностью может быть соотнесено только одно – эмоциональный (но только в том смысле, если понимать его как умение выражать чувство). Чаще мы называем эмоциональными людей, склонных к резким переменам настроения, аффективно неустойчивых, и это значение никак не связано с уверенностью [348].

Результаты исследования Уильямса и Беста позволяют предположить, что качества, необходимые для проявления уверенности, во многих культурах воспринимаются как часть маскулинного образа. Кроме того, у взрослых людей уверенность во многом связана с экономической независимостью и доступом к власти. Как следствие этого, более низкое статусное и экономическое положение женщин в обществе не способствует формированию и поддержанию у них чувства уверенности. Тем не менее некоторый дефицит уверенности у женщин не является врожденным, биологически обусловленным, это результат традиционной гендерно-ролевой социализации и влияния гендерных стереотипов.

Таким образом, возвращаясь к личностным характеристикам лидера, отметим, что житейские представления о менее высоком уровне развития женского интеллекта как преграды для реализации лидерского потенциала не подтверждаются данными серьезных научных исследований.

Что же касается инициативности и уверенности в себе – то эти качества полностью формируются в процессе социализации индивида. К сожалению, данные исследований показывают, что в среднем у девушек и женщин ниже уровень уверенности в себе, чем

у мальчиков и мужчин. Причем известно, что уверенность в себе не находится в прямой зависимости от таланта, профессиональных навыков, физического совершенства. Но зато уверенное поведение тесно связано с самоуважением человека. Еще в 1902 году американский психолог У. Джеймс предложил простую формулу, позволяющую выявить степень самоуважения:

$$\text{самоуважение} = \frac{\text{успех}}{\text{притязание}} .$$

Исходя из этой формулы, чем выше уровень притязаний, тем большим должен быть успех, чтобы человек чувствовал себя уверенным. Правда, самоуважение определяется не только соотношением притязаний и успехов, но и тем, как оценивают человека другие. Здесь и коренятся различия, влияющие на более высокий уровень уверенности в себе у мужчин. Детские психологи установили, что в процессе воспитания от мальчиков настойчивее требуют каких-либо успехов, чем от девочек. С другой стороны, девочек больше ориентируют на внимание к эмоциям и чувствам других людей, что повышает в дальнейшем чуткость женщин к оценкам других [124, 126, 128, 138, 148, 157, 224].

Даже этот краткий обзор показывает, что восприятие лидерских черт как черт, имманентно присущих мужскому полу, не отражает реальной ситуации. Лидерский компонент в личности не связан с полом, хотя, естественно, присутствуя в структуре личности женщины или мужчины, он приобретает определенную гендерную окрашенность.

Т. В. Бендас, обобщив исследование гендерных аспектов лидерства, отмечает, что в психологии при изучении этого вопроса были получены три типа эмпирических данных:

1) лидеры-женщины не отличались от лидеров-мужчин ни по лидерскому стилю, ни по эффективности своей деятельности, ни по вербальному поведению;

2) отличия лидеров разного пола были отражением общих гендерных различий, то есть лидеры имели больше сходства с рядовыми участниками своего пола, чем с лидерами противоположно пола;

3) лидеры-женщины отличались от мужчин, но в сторону, противоположную ожидаемым гендерным различиям; так, по мотивации достижения и стремлению к лидерству женщины не только не уступали мужчинам, но даже превосходили их.

Как отмечает Т. В. Бендас, все чаще женское лидерство становится реальностью, но это не означает полного тождества мужчины и женщины в этой роли (хотя способность к лидерству является общечеловеческой) [32].

Женщина-лидер в бизнесе или в политике не хуже и не лучше, чем мужчина. Она – другая. Чем же реально характеризуются эти «другие», что меняется в содержании образа «Я», социальных ролей делового человека и политика, если они – женщины?

Рассмотрим общие для успешных «бизнес-леди» и «женщин-политиков» характеристики. У женщин этого типа существенно снижена зависимость от социальных стереотипов и практически отсутствует потребность соответствия «консервативным» и «устаревшим», с их точки зрения, ожиданиям. Этим женщинам приходится выдерживать конкуренцию с мужчинами и постоянно доказывать свою состоятельность в избранной сфере. Карьера для них является средством обретения независимости, свободы, эквивалентом своей эффективности. Этим женщин можно назвать нетрадиционно ориентированными, по сравнению с теми, чья гендерная идентичность базируется на классическом фемининном образе. Исследования, проведенные украинскими психологами, показали значимые различия в потребностях традиционно ориентированных и нетрадиционно ориентированных женщин (табл.3.21) [164, с. 80].

К женщинам «нетрадиционного» типа в полной мере можно отнести высказывание выдающегося немецкого психолога Карен Хорни: «Они чувствуют в себе призвание, следуют ему, имеют какие-то особые интересы или стремятся к независимому развитию своей личности» [285, с. 16].

«Независимое развитие личности» предполагает отказ от зависимости и, прежде всего, от зависимости тех стереотипов гендерных ролей, которые загоняют женщину в узкие рамки предписанных женскому полу возможностей реализации в профессиональной сфере.

Сравнительная таблица выявленных потребностей

Традиционно ориентированные	Нетрадиционно ориентированные
Потребность получать и осуществлять поддержку	Потребность в самодостаточности
Потребность в разнообразном, активном общении	Потребность быть разборчивой и изобретательной в общении
Потребность в подчинении	Потребность в самостоятельности
Доминирующая потребность в соответствии роли женщины-матери	Доминирующая потребность в соответствии роли специалиста, профессионала, интеллектуала
Потребность в эстетических переживаниях	Потребность в признании, славе, власти
Удовлетворенность образованием	Ориентация на продолжение образования, получение второго (юридическое, иностранные языки)

Независимое развитие личности невозможно без принятия позиции, что биологический пол не является основной детерминантой психологических характеристик личности, поведения, социальных ролей, которые играет человек. А это позволяет по-новому конструировать «Я»-образ, выстраивать индивидуальную модель идентичности, базирующуюся на своем представлении об образе «настоящей женщины».

К сожалению, и до сих пор существуют серьезные проблемы в принятии новых социальных ролей женщины, особенно ролей высокостатусных. Причем эта проблема имеет две стороны: восприятие новых социальных ролей обществом и самой женщиной.

Женщина в роли политика, женщина, успешно работающая в бизнесе, возглавляющая свое дело, самим своим существованием вступает в конфликт с идеалом традиционной женственности, ведь дома преобладает «этика заботы» с ее ценностями альтруизма, самопожертвования, служения близким, а для работы свойственна «этика индивидуализма», то есть автономии, равного «вклада», ориентации на удовлетворение, в первую очередь, своих запросов. В массовом сознании (причем не только у мужчин, но и у самих

женщин) существует установка на то, что, делая карьеру, женщина теряет свою женственность, становится (или должна стать) «мужиком в юбке». Культурные традиции не одобряют жен, добившихся большого успеха по сравнению со своими мужьями. В русских, украинских сказках, в классической отечественной литературе образ женщины всегда был традиционный, феминный. И первичная, глубинная идентификация у подавляющего большинства женщин традиционная, поэтому совмещение роли матери и роли профессиональной, модели традиционной и нетрадиционной порождает глубокие внутренние проблемы у успешно реализовавших себя, в карьерном плане, женщин.

Мы живем в эпоху перемен не только экономических, но и психологических, которые проходят менее видимо во внешнем плане, медленнее, чем социальные перемены, но отражаются на поведении людей, их мироощущении, судьбах сильнее, чем любые финансовые кризисы. Женщина всегда воспринималась как гарант стабильности в семье и обществе, а теперь именно ее роли, ее функции подвергаются активному «размыванию» и трансформациям.

Причем, если с общечеловеческих позиций расширение ролевого репертуара женщины, ее выход на лидерские позиции, освобождение от узких рамок стереотипов традиционной женственности может быть оценено только позитивно, то в обществе отношение к женщинам, занимающим лидерские позиции, продолжает оставаться неоднозначным. В глубинах общественного сознания продолжает звучать вопрос: «А женское ли это дело?». Не свободны от этих сомнений и сами женщины.

Показательно, что проблема совмещения женщиной двух значимых сфер жизни – семейной и профессиональной – чаще всего рассматривается через призму «ролевого конфликта», подчеркивая наличие во внутреннем мире женщины целого комплекса негативных ощущений, переживаний, сомнений, вызванных как объективными трудностями такого совмещения, так и субъективными.

Установка, существующая в нашем обществе, что женщина не может достичь вершин карьерного роста, не принеся в жертву интересы своей семьи, порождает целый комплекс проблем, как и для самой успешной женщины, так и для ее окружения.

Идентичность «настоящей женщины» в традиционном понимании предполагает несомненную приоритетность интересов семьи, ее главенство в ценностных ориентациях личности.

Как следствие, первоочередная ориентация женщины на профессиональную карьеру порождает сомнение в ее «женственности». А отказ от тех моделей поведения, жизненных сценариев, которые приписывались женщине тысячелетней историей, выступают как отказ от женственности вообще.

Поэтому, прежде всего, в социуме должно сформироваться понимание того, что успешность деятельности в сфере политики, бизнеса определяется не «исконно мужскими» качествами личности, а общечеловеческими, не имеющими половой принадлежности. И для полной реализации в этих сферах женщина не должна имитировать мужское ролевое поведение – ведь любое подражание всегда слабее оригинала. Ядро, составляющее лидерские качества, у мужчин и женщин общее, а вот индивидуальный стиль исполнения роли может и должен отличаться.

Говоря о специфике женского лидерства, нельзя обойти вниманием еще один немаловажный аспект. В социальной психологии существуют исследования, в которых доказывается, что женщина, занимающая в организациях руководящие должности, сильно отличается от женщин в целом, в то время как мужчины на тех же позициях менее отличаются от среднестатистической мужской выборки. То есть мужчины-менеджеры – более типичные представители своего пола, чем женщины-менеджеры, которых можно назвать атипичными [299].

Мы провели собственное исследование, целью которого стало: выявление особенностей установок и карьерных ориентаций женщин-менеджеров, выполняющих управленческие функции по сравнению с женщинами-исполнителями (в одной и той же сфере деятельности). Различия/либо сходство диагностировалось по следующим показателям:

- в степени выраженности и иерархии карьерных ориентаций;
- в социально-психологических установках на труд, свободу, власть и деньги.

Для решения поставленных задач были использованы следующие методики:

1. Опросник «Якоря карьеры» (Опросник Э. Шайна для определения карьерных ориентаций личности) [213];

2. Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О. Ф. Потемкиной [243];

В исследовании принимали участие 40 человек: женщины в возрасте от 20 до 28 лет, работающие в сфере оказания услуг. Для проведения сравнительного анализа испытуемые были разбиты на две группы:

Группа 1. Женщины-менеджеры, в структуру деятельности которых входят управленческие функции.

Группа 2. Женщины-рядовые сотрудницы, чьи функции носят исключительно исполнительский характер.

Обе группы одинаковы по количеству ($N = 20$ человек). Тестирование проводилось в индивидуальном порядке.

Одним из важнейших аспектов профессионального развития личности, а также ее самореализации является сознательное планирование карьеры. Можно назвать два основных критерия удавшейся карьеры: удовлетворенность жизненной ситуацией (субъективный критерий) и социальный успех (объективный критерий). То есть объективная, внешняя сторона карьеры – это последовательность занимаемых индивидом профессиональных позиций, а субъективная, внутренняя сторона – это то, как человек воспринимает свою карьеру, каков образ его профессиональной жизни и собственной роли в ней.

Для любого человека характерны определенные личностные особенности, таланты, побуждения, мотивы и ценности, которыми он не сможет поступиться, осуществляя выбор карьеры. Прошлый жизненный опыт формирует специфичную для каждого человека систему ценностных ориентаций, социальных установок по отношению к карьере и работе вообще. Поэтому в профессиональном плане субъект деятельности рассматривается и описывается через систему его диспозиций, ценностных ориентаций, социальных установок, интересов и тому подобных социально обусловленных

побуждений к деятельности. В американской социальной психологии этому явлению соответствуют такие понятия, как «карьерные ориентации» или «якоря карьеры» [213].

Карьерные ориентации возникают в процессе социализации, на основе и в результате научения в начальные годы развития карьеры, они устойчивы и могут оставаться стабильными длительное время. Приведем описание восьми карьерных ориентаций, которые одновременно являются и шкалами опросника.

1. Профессиональная компетентность. Эта ориентация связана с наличием способностей и талантов в определенной области (научные исследования, техническое проектирование, финансовый анализ и т. д.). Человек с такой ориентацией хочет быть мастером своего дела, он бывает особенно счастлив, когда достигает успеха в профессиональной сфере, но быстро теряет интерес к работе, которая не позволяет развивать его способности. Одновременно такой человек ищет признания своих талантов, что должно выражаться в статусе, соответствующем его мастерству. Он готов управлять другими в пределах своей компетентности, но управление не представляет для него особого интереса. Поэтому многие из этой категории отвергают работу менеджера, хотя управление рассматривается как необходимое условие для продвижения в своей профессиональной сфере. Обычно это самая многочисленная группа в большинстве организаций, обеспечивающая принятие компетентных решений.

2. Менеджмент. В данном случае первостепенное значение имеют: ориентация личности на интеграцию усилий других людей, полнота ответственности за конечный результат и соединение различных функций организации. С возрастом и опытом работы эта карьерная ориентация проявляется сильнее. Такая работа требует навыков межличностного и группового общения, эмоциональной уравновешенности, чтобы нести бремя ответственности и власти. Человек с карьерной ориентацией на менеджмент будет считать, что не достиг целей своей карьеры, пока не займет должность, на которой сможет управлять различными сторонами деятельности предприятия: финансами, маркетингом, производством продукции, разработками, продажами.

3. Автономия (независимость). Первичная забота личности с такой ориентацией – освобождение от организационных правил, предписаний и ограничений. У него ярко выражена потребность все делать по-своему: самому решать, когда, над чем и сколько работать. Такой человек не хочет подчиняться правилам организации (рабочее место, время, форменная одежда). Конечно, каждый человек в некоторой степени нуждается в автономии, однако если такая ориентация выражена сильно, то личность готова отказаться от продвижения по службе или от других возможностей ради сохранения своей независимости. Такой человек может работать в организации, которая обеспечивает достаточную степень свободы, но не будет чувствовать серьезных обязательств или преданности организации и будет отвергать любые попытки ограничить его автономию.

4. Стабильность. Эта карьерная ориентация обусловлена потребностью в безопасности и стабильности для того, чтобы будущие жизненные события были предсказуемы. Различают два типа стабильности – стабильность места работы и стабильность места жительства. Стабильность места работы подразумевает поиск работы в такой организации, которая обеспечивает определенный срок службы, имеет хорошую репутацию (не увольняет работников), заботится о своих работниках после увольнения и платит большие пенсии, выглядит более надежной в своей отрасли. Человек с такой ориентацией – его часто называют «человеком организации» – ответственность за управление карьерой перекладывает на нанимателя. Он будет совершать какие угодно географические передвижения, если того потребует компания. Человек второго типа, ориентированный на стабильность места жительства, связывает себя с географическим регионом, «пуская корни» в определенном месте, вкладывая сбережения в свой дом, и меняет организацию или место работы только тогда, когда это предотвращает его «срывание с места». Люди, ориентированные на стабильность, могут быть талантливыми и занимать высокие должности в организации, но, предпочитая стабильную работу и жизнь, они откажутся от повышения, если оно грозит риском и временными неудобствами, даже в случае широко открывающихся возможностей роста.

5. Служение. Основными ценностями при данной ориентации являются «работа с людьми», «служение человечеству», «помощь людям», «желание сделать мир лучше» и т. д. Человек с такой ориентацией будет продолжать работать в этом направлении, даже если ему придется сменить место работы. Он не будет работать в организации, которая враждебна его целям и ценностям, и откажется от продвижения или перевода на другую работу, если это не позволит ему реализовать главные ценности жизни.

6. Вызов. Основные ценности при карьерной ориентации этого типа – конкуренция, победа над другими, преодоление препятствий, решение трудных задач. Человек ориентирован на то, чтобы «бросать вызов». Социальная ситуация чаще всего рассматривается с позиции «выигрыша – проигрыша». Процесс борьбы и победа более важны для человека, чем конкретная область деятельности или квалификация. Например, торговый агент может рассматривать каждый контракт с покупателем как игру, которую надо выиграть. Новизна, разнообразие и вызов имеют для людей с такой ориентацией очень большую ценность, и, если идет все слишком просто, им становится скучно.

7. Интеграция стилей жизни. Человек ориентирован на интеграцию различных сторон образа жизни. Он не хочет, чтобы в его жизни доминировала только семья, или только карьера, или только саморазвитие. Он стремится только к тому, чтобы все это было сбалансировано. Такой человек больше ценит свою жизнь в целом – где живет, как совершенствуется, чем конкретную работу, карьеру или организацию.

8. Предпринимательство. Такой человек стремится создавать что-то новое, он хочет преодолевать препятствия, готов к риску. Он не желает работать на других, а хочет иметь свою марку, свое дело, свое финансовое богатство. Причем это не всегда творческий человек, для него главное – создать дело, концепцию или организацию, построить ее так, чтобы это было продолжением его самого, вложить туда душу. Предприниматель будет продолжать свое дело, даже если сначала он будет терпеть неудачи и ему придется серьезно рисковать.

Результаты, полученные по данной методике, представлены в табл. 3.22.

Таблица 3.22

Показатели выраженности карьерных ориентаций

Карьерные ориентации	Гр. 1 (менеджеры)	Гр. 2 (исполнители)	p
1. Профессиональная компетентность	5,4 ± 0,02	3,8 ± 0,79	*
2. Менеджмент	8,1 ± 0,03	6,1 ± 0,08	*
3. Автономия (независимость)	6,6 ± 0,1	6,4 ± 0,11	–
4. Стабильность	6,3 ± 0,06	6,9 ± 0,01	–
5. Служение	7,3 ± 0,38	6,1 ± 0,09	*
6. Вызов	5,1 ± 0,07	5,1 ± 0,04	–
7. Интеграция стилей жизни	6,5 ± 0,18	7,9 ± 0,17	*
8. Предпринимательство	6,0 ± 0,3	5,9 ± 0,89	–

Примечание: * p ≤ 0,05 (критерий Стьюдента – Фишера)

Существенные различия между группой женщин-менеджеров и женщин-подчиненных были выявлены по четырем карьерным ориентациям: профессиональная компетентность, менеджмент, служение и интеграция стилей жизни.

По шкалам профессиональной компетентности, менеджмента и служения показатели выше у женщин-менеджеров. По шкале «интеграция стилей жизни» выше показатель у женщин-подчиненных. Значимые различия по остальным видам карьерных ориентаций не обнаружены (по критерию Стьюдента – Фишера).

Есть различия между двумя группами в иерархии карьерных ориентаций и в степени выраженности направленности на карьеру в целом (см. табл. 3.23).

Таблица 3.23

Иерархия карьерных ориентаций

№ п/п	Группа 1 (менеджеры)	№ п/п	Группа 2 (исполнители)
1	Менеджмент	1	Интеграция стилей жизни
2	Служение	2	Стабильность
3	Автономия	3	Автономия
4	Интеграция стилей жизни	4–5	Менеджмент, служение
5	Стабильность	6	Предпринимательство
6	Предпринимательство	7	Вызов
7	Профессиональная компетентность	8	Профессиональная компетентность
8	Вызов		

Таблица 3.24

Степень выраженности направленности на карьеру

Группы	Гр. 1 (менеджеры)	Гр. 2 (исполнители)
$M_{cp.}$ (в баллах)	6,41	6,02

Анализ полученных результатов показывает, что женщины-руководители в наибольшей степени ориентированы на менеджмент (в отличие от своих подчиненных, у которых данная карьерная ориентация занимает 4–5-е место в иерархии). Показательно, что у управленцев выше результат по шкале «служение». Так как исследование проводилось в организации с сильной и активно поддерживаемой руководством корпоративной культурой, ориентирующей на преданность, лояльность, с четко обозначенной миссией, то можно высказать предположение, что ориентация на служение, с одной стороны, обеспечивала достаточно легкое и быстрое «вписывание» в организацию, а с другой стороны, как мы знаем по практике, проявление в повседневной деятельности ориентации на работу с людьми, на служение целям организации является немаловажным фактором для топ-менеджмента при выборе кандидатов на повышение.

Ожидаемым результатом явился и более высокий средний балл у руководителей по шкале профессиональной компетентности по сравнению с рядовыми сотрудниками. Хотя, надо отметить, что значимость этой карьерной ориентации в целом невелика. Этот факт является достаточно типичным для сферы торговли и оказания услуг, так как именно в этих двух сферах подавляющее большинство сотрудников работают не по своей базовой специальности, и свою практическую деятельность они не рассматривают как развитие и углубление тех профессиональных знаний и умений, которые были получены ими в вузе [79].

У рядовых сотрудниц значительно выше ориентация на интеграцию образа жизни (она занимает у них 1-е место в иерархии по сравнению с руководителями). Можно высказать ряд гипотез, объясняющих это различие.

1. Те женщины, которые более всего ориентированы на интеграцию, на равновесное присутствие в их жизни работы и личной жизни, соответственно и не стремятся к занятию руководящих должностей, так как управленческая карьера предполагает, в большинстве случаев, ненормированный рабочий день, большую вовлеченность в трудовую деятельность, чем это было бы приемлемо для женщин, стремящихся к балансу семьи и работы.

2. Для женщин, ориентированных на «вертикальную карьеру», возможное нарушение баланса с перевесом в сторону работы не является пугающим фактором. Они готовы к этому дисбалансу как одному из условий достижения карьерного успеха.

Естественно, что эти две гипотезы не противоречат, а дополняют друг друга.

Исследования, проводимые в области психологии управления, изучения особенностей личности руководителя, традиционно затрагивали такой аспект, как направленность на достижения – власть, деньги и т. п. С другой стороны, и в гендерных исследованиях часто указывается на то, что мужчины в большей степени, чем женщины, придают значение победам, превосходству, что для женщин более, чем для мужчин, значимым является мотив избегания неудач, чем достижения успеха; что деньги являются для них более

значимым мотиватором и т. д. [28, 35, 118, 124, 132, 136, 173, 182, 183, 188, 246, 263, 286, 289, 291, 299, 301].

Методика О. Ф. Потемкиной, направленная на выявление социально-психологических установок на труд, на свободу, на власть и на деньги, позволит нам увидеть, проявятся ли ориентации, традиционно присущие женскому полу и, соответственно, общие для обеих групп испытуемых, либо проявятся те личностные особенности, которые обусловили различие в карьерном росте опрошенных.

Полученные в исследовании результаты представлены в табл. 3.25 и 3.26.

Таблица 3.25

**Выраженность социально-психологических установок
в группах испытуемых**

Социально-психологические установки	Гр. 1 (менеджеры)	Гр. 2 (исполнители)	p
На труд	4,8 ± 0,03	4,0 ± 0,08	–
На свободу	5,8 ± 0,07	6,1 ± 0,08	–
На власть	5,2 ± 0,01	3,3 ± 0,02	≤0,01
На деньги	4,5 ± 0,05	3,03 ± 0,04	≤0,05

Примечание: по t-критерию Стьюдента – Фишера.

Таблица 3.26

**Иерархия социально-психологических установок
женщин-руководителей и женщин-исполнителей**

Место	Группа 1	Место	Группа 2
1	Ориентация на свободу	1	Ориентация на свободу
2	Ориентация на власть	2	Ориентация на труд
3	Ориентация на труд	3	Ориентация на власть
4	Ориентация на деньги	4	Ориентация на деньги

Значимые различия между двумя группами испытуемых были выявлены в ориентациях на власть и на деньги. У женщин-руководителей значимо выше ориентация на власть и на деньги по сравнению с их подчиненными. Этот результат коррелирует с полученным в предыдущем исследовании, выстраивая триаду взаимосвязанных и взаимозависимых ориентаций на менеджмент, власть и деньги. В целом мы видим картину в большей степени соответствующую «шести факторам успеха», чем образу руководителя-«мамочки».

Рассмотрим ситуацию, когда лидерские качества женщины должны быть выражены в еще большей степени: когда она является предпринимателем и, таким образом, несет на себе еще больший груз ответственности и риска, чем в ситуации менеджера – наемного работника. Предпринимательство, как вид экономической деятельности, – это самостоятельная, осуществляемая с риском деятельность, направленная на получение прибыли, связанной с распоряжением ресурсами, которые являются собственностью предпринимателя. Предпринимательство, как специфическая экономическая деятельность, способствует формированию соответствующих качеств личности бизнесменов и социально-психологических характеристик их деловой активности [227].

С другой стороны, предпринимательство, как основной вид деятельности, выбирают те, в структуре личности которых присутствует определенный набор личностных качеств. И, скорее всего, это набор маскулинных качеств, так как само это слово, как в русском, так и в украинском языке, не имеет женского рода. Какие же возможности у женщины стать успешным предпринимателем и что ей может помешать?

Приведу результаты опроса, проведенного Е. И. Комаровым и А. В. Жупелевым [149]. Особенностью этого опроса является то, что опрашивали самих предпринимателей, то есть тех, у кого по этой проблеме имеются не просто умозрительные представления, а вполне реалистичные, проверенные практикой.

Ответы респондентов на вопросы, может ли женщина быть предпринимателем, были сгруппированы по трем основным направлениям, наиболее часто встречавшихся в ответах: способности,

выбор и эмоции. Обобщенное мнение мужчин и женщин представлено в таблице 3.27.

Таблица 3.27

Может ли женщина быть предпринимателем?

Мнение женщин	Мнение мужчин
Способности	
Женщина не обделена способностями по сравнению с мужчиной, и поэтому она способна наравне с мужчиной быть предпринимателем	Мужчина от природы является более активным по сравнению с женщиной. Активность – важная составляющая в предпринимательстве. Поэтому, если женщина активна, то она способна быть предпринимателем
Выбор	
Женщина намерена выбирать такой бизнес, который является посильным для нее, доступным по прежнему роду занятий, «семейным» или «ближе к очагу», приносит какой-то доход	Женщине легче стать предпринимателем, если она приходит «под крыло» мужчины. «Выбор мужчины» в бизнесе – важный фактор становления женщины как предпринимателя
Эмоции	
Без эмоций не обойтись ни в каком деле. Встречаются чересчур или очень эмоциональные женщины. Однако бизнес «любит» – и в женщине и в мужчине – умение трезво анализировать, считать и организовывать дело. Если эмоциональная в меру женщина проявляет такие способности – все будет о'кей	Только мужчины, управляющие своими эмоциями, могут быть предпринимателями. Чрезмерные эмоции губят отношения и семьи, а также бизнес. Поэтому только женщины, умеющие управлять своими эмоциями, могут быть предпринимателями

Здесь мы снова видим доминирование маскулинного стиля, и мнение мужчин демонстрирует незыблемый постулат: сможет женщина быть активной, как они, управлять эмоциями по-мужски – будет предпринимателем. Но и даже в этих условиях – женщина «карманный» предприниматель под крылом у мужчины. Интересно,

что и женщины видят для себя приемлемым «посильный» привычный, семейный бизнес, хотя ни в способностях, ни в эмоциональной сфере они, по собственному мнению, ничем не уступают мужчинам.

В ответах респондентов на вопрос: «Почему женщина не может быть предпринимателем?» также четко обозначились три группы причин: бытовой фактор, конкуренция полов и связи в бизнесе (см. табл. 3.28)

Таблица 3.28

Почему женщина не может быть предпринимателем?

Мнение женщин	Мнение мужчин
Бытовой фактор	
Женщину заедает быт, у нее много домашних функций. Главные среди них – покупка продуктов, приготовление пищи, уход за детьми	Главное для женщины – семья, домашнее хозяйство. Именно здесь женщине необходимо быть предприимчивой, проявлять «бытовую» изобретательность
Конкуренция полов	
Женщина, в принципе, конкурентоспособная по сравнению с мужчиной. Но ее конкурентоспособность ослабляется семейными обязанностями, потребностью иметь детей, разного рода женскими слабостями. У мужчин также есть «пункты ослабления», но им легче укрепиться благодаря своей активности и превалированию в жизни внесемейных проблем	Основные конкуренты женщин в предпринимательстве – мужчины. Они «забывают» женщин по многим показателям. Как бы там практически не было, но рано или поздно женщина должна понять, что предпринимательская деятельность – это удел мужчин, а не женщин
Связи	
У большинства женщин недостаточно или мало связей в административном или деловом мире. Без таких связей очень трудно начинать и вести свое дело. Хотя, в принципе, женщине с хорошей внешностью подчас легче устанавливать связи, чем мужчине	Мужчине легче устанавливать связи, так как большинство руководителей в разных сферах управления – мужчины. К тому же, «мужские связи» – деловые, а связи с женщинами, как правило, имеют «сердечную окраску»

Ответы на этот вопрос (особенно мужские) еще более показательны. Да, женщина может быть предпринимателем, но главное ее поле деятельности – семья, и вообще-то мужчины в бизнесе настолько сильнее, что конкурировать с ними не имеет смысла. Представление о том, что предпринимательство, бизнес – это мужской мир, подчеркивается и спецификой связей: они деловые, в отличие от «сердечных» женских.

Е. Ю. Мещеркина, исследуя биографии «новых русских», приходит к выводу, что гендерная легитимация предпринимательства в постсоветском пространстве строится на модели маскулинной идентичности [197]. Автор считает, что репрезентация маскулинности в жизненных практиках «новых русских» позволяет говорить об определенной культурной системе, определяющей как способы интерпретации мужественности, так и ее различные модели. На основе материалов мужских биографий автор выделяет четыре основных поля, в которых происходит репрезентация мужественности. Основанием для выделения служит дихотомия публичного и приватного, маскулинности и фемининности. Таким образом, гендерная легитимация мужчин-предпринимателей современной России обладает рядом особенностей: отношениями иерархии, существующими в рамках маскулинности; патриархальными гендерными стереотипами, репрезентируемыми в качестве доминирующих культурных кодов; созданием коллективной идентичности мужчин-предпринимателей посредством ориентации на достижение в профессиональной и социальной сферах, уверенности в себе, осуществление роли кормильца в семье.

Женщины же в качестве главного ограничителя своих возможностей быть предпринимателем видят неравномерное распределение семейных обязанностей и, вообще, большую значимость внутрисемейной жизни, по сравнению с мужчинами. Таким образом, они, по сути, поддерживают традиционную позицию мужчин. Это отражено и в разделе «Связи». Женщине с хорошей внешностью (подчеркнуто – *И. Г.*) легче устанавливать связи, чем мужчине. При таком варианте связи достаточно условно можно назвать деловыми, они строятся, действительно, на несколько ином основании.

Что же мы видим в результате? В представлениях самих женщин, по своим личностным особенностям, они вполне могут быть

предпринимателями, возглавлять свой бизнес, но вот как носители традиционных семейных ролей: жены, матери – проблематично. У мужчин же их позицию по отношению к женщинам-предпринимателям можно описать как: «вообще-то да, но...». Теоретически они не отвергают возможность того, что женщина может быть предпринимателем (если хорошо усвоит маскулинную модель поведения), но на самом деле, – это не для них, так как основная сфера деятельности женщин – семья.

Показательны (и поразительны) результаты исследования В. П. Левкович, посвященные взаимоотношениям супругов в семьях предпринимателей-мужчин (гр. 1) и предпринимателей-женщин (гр. 2). Было установлено, что в группах № 1 и 2 после того, как один из супругов начал заниматься предпринимательством, уменьшилось количество стабильных семей и возросло число проблемных и нестабильных [178].

Эмпирические данные свидетельствуют о том, что предпринимательская деятельность одного из супругов привела к значительному повышению конфликтности во взаимоотношениях супругов, особенно в той группе семей, где предпринимательством занимались женщины.

Беседа с респондентами показала, что после того, как мужья (группа № 1) и жены (группа № 2) начали заниматься предпринимательской деятельностью, возросло количество деструктивных конфликтов между супругами во многих сферах жизнедеятельности, что затрудняло их взаимную адаптацию в новых условиях.

Особенно остро эти конфликты протекали в ролевой сфере, а также в сферах досуга и взаимной информированности супругов о различных сторонах жизни друг друга.

Автор отмечает, что «предпринимательская деятельность жен привела к более заметным негативным изменениям супружеских отношений в указанных сферах взаимодействия супругов, чем предпринимательская деятельность мужей» [178, с. 28–29].

Острые конфликты в ролевой сфере здесь вполне предсказуемы и объяснимы: женщина-предприниматель достигает успеха в бизнесе (особенно мелком и среднем, где многие вопросы решаются на уровне межличностного взаимодействия), принимая мужскую

модель поведения и перенося ее во внутрисемейные отношения. Беседы с супружескими парами, проведенные в рамках исследования В. П. Левкович, рисуют следующую картину: в большинстве семей до того момента, когда жены начали заниматься бизнесом, лидерами в семьях были мужья. Успех женщин в бизнесе часто приводил к тому, что они оспаривали у мужа лидерские позиции и в семье: проявляли властность и агрессивность, стремление единолично решать все семейные проблемы, жестко контролировать все сферы жизни мужа, допуская в общении с ним приказной, унижающий его тон. Нередко женщины-предприниматели требовали, чтобы мужья увольнялись с работы и полностью брали на себя заботу о детях и домашнем хозяйстве, аргументируя это тем, что при низких заработках мужа они сами в состоянии обеспечить семью [178, с. 26–27]. То есть мы видим буквальную «кальку» маскулинной модели предпринимателя с ориентацией на сохранение традиционной модели семьи. Нетрадиционным здесь является то, что женщина берет на себя все стереотипно-стандартные роли патриархального мужа-добытчика и требует такой же семейно-ролевой переверсии от мужа.

Дублирование женщиной маскулинного стиля лидерства и руководства и соответствующего стиля жизни не может не порождать межличностных и внутриличностных конфликтов, обусловленных кризисом гендерной идентичности. Проблемность и неэффективность этого пути очевидна. В диссертационном исследовании И. В. Найдовской, посвященном особенностям жизненного стиля женщин в зависимости от типа их гендерной идентичности, исследовались, в частности, и особенности личности женщин-руководителей [209]. Были исследованы четыре группы испытуемых: 1) карьерно ориентированные и доминантные в семье женщины; 2) карьерно ориентированные и ситуативные лидеры в семье; 3) карьерно неориентированные и субмиссивные в семье женщины; 4) карьерно неориентированные и ситуативные лидеры в семье. Первые две группы представлены руководителями разного уровня. Был использован опросник Кейрси, позволяющий диагностировать типы личности, представляющие ценность с точки зрения профессиональной самореализации. В таблице 3.29 отмечена частота каждого типа в четырех группах женщин.

Таблица 3.29

Частота каждого типа личности в группах женщин

Типы	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4
ESTJ	15% (6)	10% (3)	0%	6,7% (2)
<u>ISTJ</u>	12,5% (5)	3,3% (1)	2,5% (1)	6,7% (2)
<u>ESTP</u>	5% (2)	10% (3)	10% (4)	10% (3)
ISTP	5% (2)	10% (3)	12,5% (5)	10% (3)
ENTJ	17,5% (7)	20% (6)	20% (8)	20% (6)
ENTP	10% (4)	16,7% (5)	17,5% (7)	13,3% (4)
<u>INTJ</u>	7,5% (3)	3,3% (1)	2,5% (1)	3,3% (1)
INTP	10% (4)	3,3% (1)	5% (2)	6,7% (2)
ENFJ	2,5% (1)	0%	0%	0%
INFJ	2,5% (1)	0%	0%	0%
ENFP	2,5% (1)	0%	0%	0%
INFP	0%	6,7% (2)	10% (4)	6,7% (2)
ESFJ	0%	0%	0%	0%
ISFP	5% (2)	6,7% (2)	10% (4)	6,7% (2)
SFJ	2,5% (1)	10% (3)	10% (4)	10% (3)
ESFP	2,5% (1)	0%	0%	0%
Итого	100% (40)	100% (30)	100% (30)	100% (30)

Как видно из таблицы, среди женщин группы 1 чаще, чем в других группах, встречаются такие типы личности, как ESTJ, ISTJ, INTJ, INTP и реже такие типы личности, как ESTP, ISTP, ENTP, INFP, ISFJ. Опишем эти типы личности по В. Н. Чернышеву и А. П. Двинуину [289, с. 418–423].

Тип ESTJ – «Администратор». Личностные качества: чувство долга, рациональность, последовательность, целеустремленность,

организованность, практичность. Коммуникативные качества: открытость, общительность, умение работать с людьми, умение решать житейские проблемы. Профессионально важные качества: надежность, исполнительность, умение выполнять роли подчиненного и исполнителя, плановость работы.

Тип ISTJ – «опекун». Личностные качества: сдержанность, замкнутость, спокойствие, пунктуальность, основательность, логичность, рациональность, упрямство. Коммуникативные качества: замкнутость, суровость. Профессионально важные качества: надежность, обязательность.

Тип INTJ – «ученый». Личностные качества: спокойствие, самоуверенность, сдержанность, самодостаточность, логичность, способность анализировать и теоретизировать, интуитивность, обучаемость, эрудированность. Коммуникативные качества: некоторая замкнутость, низкие уровни потребности в общении, в социальном одобрении, в званиях и авторитетном положении. Профессионально важные качества: творческие пристрастия, независимость, целеустремленность, принципиальность.

Тип INTP – «архитектор». Личностные качества: интуитивность, склонность к самопожертвованию, познанию законов природы; широкая эрудиция, относительная высокомерность. Коммуникативные качества: относительная замкнутость, избегает шумных компаний, чувствует и понимает других людей. Профессионально важные качества: источник новых идей, синтетический склад ума.

Исследование показало, что женщины группы 1 (карьерно ориентированные и доминантные в семье) имеют следующие группы качеств личности, чаще встречающиеся у них, чем у женщин других групп: 1) качества организатора; 2) качества исследователя – логика; 3) качества эстета-интуитивиста; 4) качества вдумчивого, надежного работника.

Показательно, что у женщин-руководителей группы 1 присутствуют качества, относимые к традиционно мужским (организаторские и исследовательские качества). Реже у них, по сравнению с другими группами, встречались следующие типы.

Тип ESTP – «игрок». Личностные качества: остроумие, энергичность, активность, оптимизм, любознательность, порывистость,

рисковость, воля. Коммуникативные качества: общительность. Профессионально важные качества: деловитость (способность извлекать выгоду из взаимоотношений), самостоятельность.

Tun ISTP – «мастер на все руки». Личностные качества: энергичность, оптимизм, независимость, рассудительность, рисковость. Коммуникативные качества: независимость, общительность. Профессионально важные качества: самостоятельность, жажда деятельности, свидетельства об образовании считает формальностью, способность владеть различным инструментом, склонность к разнообразию, не карьерист.

Tun ENTP – «изобретатель». Личностные качества: энтузиазм, понятливость, интуитивность. Коммуникативные качества: обязательность, чувство юмора, участливость, доброжелательность, понимает житейские нужды. Профессионально важные качества: широкие интересы во многих сферах деятельности, склонность к новому, нестандартность решений, практическая направленность деятельности, хороший популяризатор.

Tun INFP – «философ». Личностные качества: склонность к поиску смысла жизни, духовность. Коммуникативные качества: умение общаться с людьми. Профессионально важные качества: склонность к поиску смысла в явлениях природы, жизни человеческой.

Tun ISFJ – «консерватор». Личностные качества: спокойствие, сдержанность, хороший хозяин, пунктуальность, самоуверенность, чувство долга. Коммуникативные качества: хранитель традиций, устоев, требовательность к другим и к себе. Профессионально важные качества: тщательность в работе, организованность, плановость, предпочитает четкие цели, ответственность, практичность.

Таким образом, у женщин группы 1 реже, чем в других группах, представлены следующие черты: 1) оптимизм, открытость; 2) доброжелательность, участливость, понимание других; 3) оторванность от жизни, склонность к поиску смысла жизни; 4) ригидность, консерватизм.

Можно предположить, что открытость и оптимизм снижены в этой группе женщин в связи с выраженностью соперничества, озабоченности достижениями. Снижение доброжелательности и участливости обусловлено тем, что данные черты являются

фемининными, а в группе 1, как показало исследование с этими испытуемыми ранее, показатели фемининности ниже, чем у женщин других групп. Третья группа качеств – оторванность от жизни, склонность к поиску смысла жизни – имеет более низкие значения у женщин группы 1, так как эти женщины находятся в реальном жизненном процессе самоутверждения. Достаточно низкие значения по показателям ригидности обусловлены тем, что эти женщины устремлены в будущее, достаточно открыты к новому опыту.

В группе 2 у женщин реже, чем в группе 1, представлен тип INTP («архитектор»), связанный с замкнутостью, относительной высокомерностью. Реже представлены тип ISTJ – «опекун», который интерпретирован как «вдумчивый, надежный работник» и тип ESTJ – «администратор». Вместе с тем в группе женщин группы 2 чаще, чем в группе 1, встречаются типы ESTP, ISTP, ENTP, INFP, ISFJ, которые уже описаны выше. Эти типы личности создают следующие варианты руководителей: 1) открытый, рисковый, оптимистичный; 2) доброжелательный, сочувствующий; 3) рефлексирующий, философствующий; 4) консервативный. То есть в данном случае мы видим тип женщины-руководителя, объединяющий как женские, так и мужские стилевые особенности менеджмента.

В целом следует сказать, что диапазон ролевых позиций руководителя у женщин группы 2 несколько иной, чем у женщин группы 1. Однако, нужно отметить, что различия между группами 1 и 2 не достигают значимого уровня, что позволяет говорить лишь о тенденциях. Значимых различий по частоте типов между всеми четырьмя группами женщин не выявлено.

Проведя с этими же исследовательскими группами женщин опросник Кеттелла, были выявлены следующие особенности личности женщин-руководителей. Оказалось, что для женщин группы 1 свойственны следующие личностные особенности: 1) беспокойны, нетерпеливы, активны, имеют высокое самомнение (D+); 2) доминантны, самоуверенны, конфликтны, своенравны, смелы (E+); 3) смелы, решительны, имеют тягу к риску и острым ощущениям, легко вступают в контакты, не испытывают сложности в общении, не теряются при столкновении с неожиданностями, о неудачах быстро забывают, являются лидерами (H+); 4) разумны,

рассудительны, вдумчивы и настойчивы (J+); 5) ответственные (K+); 6) организованны, планомерны в действиях, не разбрасываются, доводят начатое дело до конца, заботятся о своей репутации (Q3); 7) фрустрированы, напряжены (Q4).

Женщины группы 2 (карьерно ориентированные и ситуативные лидеры в семье): 1) мужественны, практичны и реалистичны (I-); 2) разумны, рассудительны, вдумчивы и настойчивы (J+); 3) ответственные (K+); 4) организованны, планомерны в действиях, не разбрасываются, доводят начатое дело до конца, заботятся о своей репутации (Q3);

Таким образом, женщины группы 1 имеют ряд качеств, отсутствующих у женщин группы 2: беспокойство, нетерпеливость, доминантность, фрустрированность, напряженность, смелость, решительность. Большая часть этих качеств входят в шкалу маскулинности А. Хелбрун и являются полоролевыми.

Результаты, полученные по шкале социального интереса Кранделл, показали, что женщины группы 1 проявляют более низкие показатели социального интереса, чем женщины группы 2. Они более эгоцентричны, ориентированы, в первую очередь, на личную самореализацию. В свою очередь, понижение социального интереса связано с вероятностью использования дисфункциональных стилей управления (тирания, эгоцентризм, манипулятивное отношение к людям и т. п.). Женщины же группы 2 более социально ориентированы, что создает возможность формирования демократичного стиля руководства. Особенно интересен выявленный в исследовании И. В. Найдовской факт, что женщины группы 1 являются гипермаскулинными, в большей степени идентифицируют себя с отцом (причем как по маскулинным, так и по феминным качествам). Женщины же группы 2 идентифицируются с отцом по маскулинным качествам, а с матерью – по феминным. Автор отмечает, что «односторонняя идентификационная привязка к одному из родителей перекрывает возможности полной женской идентичности, а соответственно, и полноты женской реализованности [209, с. 19].

В целом же, как показало исследование, женщины-руководители гипермаскулинного типа являются более проблемными в семейных

отношениях, руководство, осуществляемое ими, также имеет ряд трудностей. То есть данное исследование подтвердило тот факт, что если трансформация полоролевой сферы происходит путем отказа от специфически присущих данному полу черт и принятия в качестве образца представителя другого пола, то это сужает возможности реализации потенциала человека в различных сферах жизни.

Для женщин группы 2 – карьерно ориентированных и ситуативных лидеров в семье оказалась характерной зрелая андрогинная модель. В их семьях чаще устанавливаются партнерские отношения, а на работе они реализуют демократический стиль руководства, в основе которого гармоничное объединение маскулинных и феминных черт.

Женщина-лидер, руководитель является наиболее ярким примером трансформации традиционных моделей гендерной идентичности, но также и примером неоднозначности этих изменений. Принятие маскулинной модели успешности, к чему подталкивают культурные традиции, сужают возможности самореализации женщины, вынуждено ограничивая, в большинстве случаев, ее жизнь только деловой сферой. Ведь при всех изменениях необходимо учитывать и готовность социума принять женщину-лидера в семье. Здесь мы сталкиваемся опять с разной скоростью изменений стереотипов и установок общества. Установки по отношению к женском лидерству в профессиональной сфере меняются быстрее, чем установки по отношению к образу женщины «вообще».

Еще в классической работе Б. Фридан «Мистика женственности» подчеркивалось, что именно общественные нормы препятствовали личностному развитию женщины – от нее ожидалось соблюдение «инфантильных» образцов поведения [325]. Несмотря на десятилетия, прошедшие с написания этой книги, и глобальные социально-экономические изменения, образ идеальной женщины в глазах мужчины до сих пор несет некоторые черты «кукольности», «детскости». Так, например, по данным социологического опроса, проведенного Украинским институтом социальных исследований, мужчины видят идеальную женщину прежде всего доброй, внешне привлекательной, эрудированной, воспитанной, скромной, с хорошим вкусом. Наименее значимыми оказались в образе идеальной

женщины лидерские качества, сила воли, настойчивость и умение зарабатывать деньги [70, с. 72]. Парадокс – именно эти качества (вне зависимости от пола их носителя) являются наиболее востребованными работодателями на рынке труда, и их отсутствие сделало бы адаптацию женщин в условиях рыночной экономики достаточно проблематичной.

В образе же «настоящего мужчины» сами мужчины, как главенствующие, выделили такие качества, как умение заработать деньги, скромность, эрудицию, умение постоять за себя, отстаивая свои интересы, энергичность, целенаправленность, силу воли. То есть мужчины видят в качестве идеального представителя своего пола вполне адаптивную модель конкурентоспособной личности, обладающей лидерскими качествами. Женщины согласны с таким образом мужчины, их перечень качеств практически идентичен мужскому списку. Но вот выстраивая свой образ настоящей женщины, женская часть выборки в первую «пятерку» включила такую характеристику, как «энергичность», вытеснив «скромность». Это достаточно симптоматично, что сами женщины видят идеальным образцом для себя не классическую «фемину», которая может выжить только при наличии рядом не менее традиционного мужчины-кормильца, а более андрогинный тип личности, который, как показывают многочисленные психологические исследования, является наиболее приспособленным к современным условиям [32, 35, 67, 84, 142, 209].

Как факт, следует признать, что в цивилизованном мире изменился, как пишет И. С. Кон, «...привычный гендерный порядок (гендерная стратификация) – соответствующая иерархия, существовавшая в обществе, когда «командовали парадом» всегда мужчины, а женщинам отводилась какая-то другая (более или менее заметная) роль, что и преломлялось в психологии тех и других» [152, с. 35].

Поменяются ли в результате роли, то есть, станут ли мужчины феминными, а женщины маскулинными – вряд ли, хотя для женщин есть большая опасность зайти вперед в этом процессе, чем для мужчин. Ведь если сравнивать, то в современном обществе женщина, стремящаяся соответствовать мужским образцам поведения, вызывает гораздо меньше осуждения, чем мужчина, проявляющий

себя женственным. Кроме того, мужские качества всегда считались более ценными для общества, особенно для успешной реализации карьерных устремлений в деловой сфере. И в этом заключена определенная психологическая ловушка для женщины-лидера. Дихотомия мужского и женского ярка и наглядна, поэтому для девушки, женщины, стремящейся реализовать свой лидерский потенциал, достичь карьерных высот, силен соблазн выстроить свой образ по маскулинному типу, не признавая ценность многих своих женских качеств, которые, на самом деле, прекрасно вписываются в современные человекоориентированные модели лидерства и руководства.

Принятие позиции, что гендерная идентичность не является единообразной для всех женщин и всех мужчин в рамках своего пола, а она индивидуальна, пластична (но при этом тесно связана с актуальной социальной ситуацией), позволяет увидеть идентичность женщины-лидера, руководителя, предпринимателя иными глазами.

Если созданный женщиной образ насыщен теми качествами, которые способствуют успешной самореализации в приоритетных для нее сферах – ее идентичность не должна и не может рассматриваться как кризисная, проблемная, даже если она и в сильной степени отличается от традиционной фемининной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наше общество постепенно развивается от «узкого» типа культурной социализации к «широкому», предполагающему вариативность, многообразие на всех уровнях социализации, а как следствие – и индивидуализацию жизненных стратегий, расширение спектра моделей поведения, ролей современных украинских мужчин и женщин, уход от жесткой полоролевой детерминации.

В строящемся демократическом обществе изменяются ценности культуры, в том числе меняется гендерная система. Постепенно классический базовый гендерный контракт (контракт «домохозяйки» для женщины и «кормильца» для мужчины) вытесняется контрактом равного статуса, в соответствии с которым на смену иерархии патриархата приходит выравнивание прав и возможностей мужчин и женщин как в публичной (политика, образование, другие профессии, культурная жизнь), так и в приватной сфере (ведение домашнего хозяйства, воспитание детей, сексуальность и пр.).

«Мужская» и «женская» культуры – традиционно четко разделенные – сближаются и перемешиваются: многие женщины все больше времени посвящают работе, мужчины же больше времени начинают отдавать семейной жизни.

Трансформация общества привела к тому, что традиционные наборы гендерных стереотипов стали не соответствовать реалиям жизни мужчины и женщины в современном обществе. Этот диссонанс приводит к росту проблем в выстраивании гендерной идентичности, обостряются внутриличностные конфликты, которые обусловлены столкновением глубинных, устоявшихся, но изживающих себя образцов маскулинности и феминности, с теми моделями полоролевого поведения, которые складываются в нашем обществе сейчас. Усложняются и межличностные отношения, так как отработанные технологии взаимодействия оказываются неадекватными для усложнившихся гендерных отношений.

На фоне глобальной трансформации украинского общества явно виден процесс изменения, и, в определенной мере, сближения лично-

стных характеристик, ролей мужчин и женщин, который уже необратим.

Как отмечает А. Н. Лактионов, «в периоды интенсивных изменений общественных приоритетов на первый план выступает набор таких личностных черт, которые наиболее востребованы в данный момент и обеспечивают включение индивида в общество» [174, с. 381].

В полной мере это высказывание относится и к тем личностным чертам, которые традиционно связывались с полом их обладателя. Жесткая полоролевая детерминация не способствует успешной адаптации в обществе постмодерна, априори предполагающем гибкость, изменчивость, вариативность [63, 113, 204, 310].

И как показывают многочисленные психологические работы, фиксирующие сближение личностных характеристик мужчин и женщин (что проявилось и в наших исследованиях), можно говорить о тенденции «андрогинизации» личности.

Правда, надо отметить, что сближение все-таки идет в сторону принятия и усвоения женщинами многих психологических и поведенческих аспектов маскулинного образца.

Особенно явно это просматривается в тех качествах и свойствах личности, которые проявляются и формируются в профессиональной деятельности.

И этот факт объясним. Так как сфера трудовой деятельности (если брать длительный исторический период) была преимущественно мужской, то и женщина, осваивая эту сферу, овладевая теми областями, которые традиционно считались мужскими, вынуждена усваивать их же модели поведения. Особенно явно это происходит в тех областях, где гендерные стереотипы, дискриминирующие феминные качества, особенно сильны – руководство, лидерство.

Тем не менее это именно сближение, а не трансформация «женского» в сугубо «мужское». Ведь выстраивание женской гендерной идентичности по маскулинному образцу, несмотря на сохраняющийся андроцентризм современного общества, не расширяет, а суживает возможности ее адаптации и самореализации в различных жизненных сферах.

Мужчины также начинают присваивать себе качества из феминного набора, необходимые в новых социальных условиях, чего активно требует изменившаяся ситуация в мире и на рынке труда: внимание к людям, к взаимоотношениям, складывающимся в коллективе, и гибкость, которые ранее считались присущими именно женскому стилю работы и управления.

Кроме того, в настоящее время семейно ориентированная стратегия обеспечивает подавляющему большинству женщин лишь иллюзию защищенности, и поэтому в нашей стране быстрыми темпами идет формирование системы ценностей, в центре которой находится идея личного успеха, и на этой основе рождается новый опыт, новый образ социальной реальности, новые гендерные представления и новые модели идентичности. Вероятно, одно из главных направлений трансформации гендерной культуры современного общества будет связано с тем, как будет решаться конфликт (как межличностный, так и внутриличностный) между приватно ориентированной моделью женского поведения и ценностями индивидуального успеха, все более принимаемыми самими женщинами.

Как показали наши исследования, современные девушки не меньше, чем юноши, ориентированы на успех, и это уже новая черта образа современной женщины. Тем более что ориентация женщин на достижение успеха в профессиональной сфере – это одна из немногих тенденций изменений процесса гендерной социализации женщин, которая достаточно широко и последовательно поддерживается СМИ.

В семейной сфере также происходят знаковые изменения, которые, несомненно, уже влияют, и будут влиять на изменение представлений об образах мужчины и женщины. Здесь мы также наблюдаем изменения некоторых установок, являющихся основополагающими для традиционной дихотомии полов. И, в первую очередь, это коснулось функции материального обеспечения семьи, которая самими женщинами воспринимается уже не как природно мужская, а как совместная обязанность. А ведь это одна из опор властных отношений, лежащих в основе маскулинного образа. Выявился и факт, что ожидания женщин связаны с новыми, партнерскими моделями семейных отношений, именно на них они

ориентированы. Но это оказалось зоной диссонанса, так как мужчины (несмотря на ряд подвижек) остаются приверженцами традиционного распределения семейных ролей. Женщины оказались более ориентированы на реальность и, соответственно, на изменения, мужчины же на «традицию», даже в том случае, когда она приобретает ритуальный характер (в реальности – не «добытчик», не «кормилец», но роль продолжает играть без изменений).

В целом, основным направлением трансформации традиционно дихотомических особенностей личности женщин и мужчин, семейных и профессиональных ролей, которые они «играют», становится сближение и взаимопроникновение, которое распространяется все шире, и все больше и больше качеств личности, поведенческих характеристик описываются и оцениваются как присущие в равной степени обоим полам.

Привычные представления, формы поведения оказываются не востребуемыми, и существование в узком поле традиционной маскулинности и фемининности не обеспечивает успешной адаптации в трансформирующемся мире, который требует «быстрого реагирования», психологической гибкости и владения широким набором социальных ролей и моделей поведения.

Есть еще одна проблемная зона, проявившаяся и в наших исследованиях – изменения происходят, но они не осознаются. Причем представления о противоположном поле остаются стереотипизированными: более маскулинными и более феминными, чем это есть в реальности.

Реальное же ослабление поляризации гендерных свойств приводит к необходимости изменения соответствующих концептов идентичности. Гендерная идентичность становится все более плюралистичной и индивидуальной, при этом женская меняется в большей степени, чем мужская. Тем не менее гендерная идентичность, как имеющая социальный характер, изначально предполагает наличие социально одобренных образцов, которые усваиваются личностью в процессе социализации. И здесь мы подходим к проблеме, которую невозможно не затронуть.

В процессе социализации формируются новые стереотипы поведения, усваивается неоднозначный опыт социально-ролевых

отношений, находящихся сейчас в стадии становления. Такие важнейшие институты и агенты социализации, как семья, учебные заведения, не имеют сейчас четких представлений об образах современной женщины и мужчины. Вследствие этого размывается старая система требований к выполнению социальных ролей мужчины и женщины (что является достаточно закономерным процессом) и при этом пока в социуме не выстраивается новая.

Т. В. Говорун вполне обоснованно утверждает, что процесс социализации пола в Украине является весьма противоречивым, и свой негативный вклад вносит отсутствие в окружающей среде соответствующей модели для идентификации [76].

Может ли современное высшее образование стоять в стороне от этих проблем? Вопрос, конечно же риторический, так как Украина, среди 189 стран – членов ООН, бравших участие в Саммите тысячелетия, приняла на себя обязательство достичь до 2015 года гендерного равенства. Достижение этой цели предполагает создание стойкой системы получения знаний по вопросам гендера, системы, которая бы включала в себя как образование, так и просвещение, давая возможность доступа к таким знаниям людям в течение всей карьеры и жизни.

Институт образования, наряду с остальными агентами социализации, определяет содержание гендерных идентичностей, а как следствие этого – имеющиеся у юношей и девушек возможности профессионального и личного выбора.

Как отмечают Т. Б. Хомуленко и Ю. В. Ткачева, необходимо с первых дней обучения настойчиво бороться с гендерными стереотипами, используя возможности, которые дает система образования для разрушения отживших гендерных ролей и внедрения альтернативных эгалитарных моделей [284].

Ведь в реальности, о чем мы уже говорили выше, происходит ослабление поляризации гендерных свойств, при сохранении гендерных стереотипов (особенно в семейной сфере), имеющих жестко дихотомический характер.

Но есть еще более глобальная, с нашей точки зрения, цель, достижение которой в полном объеме невозможно без включения гендерных аспектов в учебно-воспитательный процесс.

Главная цель украинской системы образования – создать условия для развития и самореализации каждой личности. При этом, как отмечает Е. В. Астахова, «в современной культуре существует ярко выраженный слой инноваций, которые постоянно взламывают и перестраивают культурную традицию, существенно затрудняя тем самым процессы социализации и адаптации молодого человека к постоянно меняющимся условиям и требованиям жизни. Усложнение и интенсификация социокультурной реальности, сопровождающейся ломкой традиций и норм, стремительное и всеохватывающее распространение продуктов массовой культуры обусловили угрожающие масштабы современного кризиса личности [23].

В полной мере это высказывание относится к гендерной проблематике. Как показал наш экскурс в культуральные и философские основы, противопоставление и разделение полов имеет тысячелетнюю историю и закрепилось в общественном сознании устойчивыми стереотипами. И вот, в достаточно короткие по историческим меркам сроки, эти стереотипы перестают соответствовать реальности. При этом (печальный парадокс образования) асимметрия гендерной социализации остается, и зачастую система образования продолжает продуцировать и закреплять в сознании молодого поколения отжившие гендерные стереотипы.

А ведь именно «кардинально обновленное образование, если оно правильно ощущает пульс времени, ощущает перспективы будущего, имеет возможность, как отмечает В. И. Астахова, освободить общество от оков архаики и консерватизма и тем самым помочь ему без катаклизмов преодолеть разрыв между старым и новым» [22].

На уровне личности также есть потенциальные возможности преодоления конфликта между старым и новым, как было показано в исследованиях А. Н. Лактионова. При изучении способов и механизмов адаптации людей к переходному периоду выявилась возможность психологической, существенно отличной от социологической, интерпретации происходящих изменений в массовом и индивидуальном сознании. То, что на уровне социальной активности постоянно изменяется в условиях неопределенности и недостаточной прогнозируемости, порождая социальную напряженность и кризисы личности, на уровне индивидуального

опыта отбирается, сортируется, анализируется, накапливается, превращается в стабильные образования собственно переходного периода. Благодаря таким кентаврическим структурам «старо-нового» опыта индивид имеет постоянно существующую возможность в условиях слишком быстрых изменений в обществе психологически «остановиться – оглянуться», с минимальным для себя риском адаптироваться к новому [174].

В контексте исследуемой нами темы можно говорить о том, что формирование в процессе обучения и воспитания способности к рефлексии (без которой невозможен процесс анализа и осмысливания прошлого опыта), обращение к индивидуальному опыту каждого участника образовательного процесса станет важным практическим шагом в преодолении потерявших актуальность гендерных стереотипов.

Как отмечал Э. Фромм, человеку нужна система координат, некая карта его природного и социального мира, без которой он может заблудиться и утратить способность действовать целенаправленно и последовательно [280].

При этом следует учесть, как отмечает Г. А. Балл, что «идеальные нормы, которые усваиваются в практически готовом, сформулированном виде, легко воспроизводятся словесно, их можно обсудить с друзьями, им можно обучить других, с их помощью можно анализировать чужое поведение или объяснять свое. Но реальность, которую они отражают, практически не опирается на личный опыт переживания и, поэтому в каком-то смысле они всего лишь – «вызубренный урок».

Обыденные нормы, как раз наоборот, непосредственно связаны с тем, что происходит с человеком каждый день и каждый час, но их труднее сформулировать, они далеко не всегда осознаны, поэтому, опираясь на них, проще действовать, а не объяснять» [27, с. 3].

Гендерные стереотипы как раз и относятся к таким обыденным нормам, и поэтому особенно важно в образовательном процессе выработать оптимальное соотношение между теорией и практикой, схемами и реальными образцами поведения, демонстрирующими направление и динамику изменения социальных ролей, жизненных стратегий современных мужчин и женщин.

Следует учитывать и определенный «маятниковый» эффект, связанный с широким распространением работ, в которых произошла подмена традиционных гендерных стереотипов обратными им, но сохраняющими при этом дихотомию полов.

Если традиционно мужчина и мужские качества считались эталонным адекватным социальным функционированием, то в целом ряде работ психологов феминистского направления проводится идея о том, что качества личности женщин в большей степени подходят для бытия в современном мире. В частности, в широко известной концепции морального развития К. Гиллиган, в работах Н. Чодороу, посвященных воспроизводству материнства, явно выражено стремление разрушить модель маскулинности как нормы, в которой женщина выступает как «Иной», «Другой», заменив ее теорией, в большей степени отвечающей интересам женщин [294, 326]. Таким образом, дихотомия полов сохраняется, только «Другим» становится мужское.

То, что на уровне науки выступает как мыслительный эксперимент, определенный концепт, имеющий право на существование как ответ на длительное игнорирование специфики «женского» в мужском мире, в обыденном сознании трансформируется в образ «врага». «Враг мужчины» препятствует самореализации женщины, общество, трансформируясь в собирательный образ мужчин, выстраивает «стеклянный потолок» и т. д. Женщине приписываются лучшие качества, мужчине же чаще представляют в двух ипостасях: либо утрированно маскулинный тип («животное», «агрессор», «домашний тиран») либо не менее утрированный феминный («слабак», «тряпка», «слюнтяй» и т. п.). Все это представляет серьезную угрозу для формирования гендерной идентичности, загоняя в ловушку, как мужчин, так и женщин. Яркой иллюстрацией «войны полов» в современном варианте являются идеи, выраженные Г. Пономаревой [230]. Описывая трансформацию гендерной идентичности женщины (на примере Насти Каменской из произведения А. Марининой), Г. Пономарева заключает: «Анастасия олицетворяет собой образ «новой женщины», для которой главным является «человеческое» и социальное самоутверждение, профессиональная самореализация, для которой мужчина становится средством решения профессиональных вопросов, тем, кто обслуживает ее социальные

роли и потребности» [230, с. 190–191]. То есть здесь мы видим те же иерархические властные отношения полов, но в зеркальном варианте, где подчиненное, дополняющее положение занимает мужчина. И далее, Г. Пономарева конкретизирует этот образ «новой женщины»: «женщина становится сильной, самодостаточной, профессионально состоявшейся одиночкой, надеющейся только на себя. В этом плане новая гендерная ориентация, опровергающая традиционно патриархальную или формально-уравнительную советскую систему гендерных статусов, акцентирует инаковость женщины в современной социокультурной ситуации. Женщина, воплощающая новые гендерные ориентации и осознающая это, становится активным, дестабилизирующим фактором, способствующим падению стереотипов «мужского мира» постсоветской эпохи» [230, с. 191].

«Новая женщина» опять оказывается инаковой социуму и, самое главное, демонстрирует-то она старую маскулинную модель. Каким же в такой системе должен стать «новый мужчина»? Сохранить маскулинный образ и тогда рядом (но не вместе) пойдут самодостаточные одиночки, для которых приоритеты их жизни выстроились в давно известную иерархию – на первом месте работа, а дом и семья, личная жизнь – это уже вторично. Другой вариант для мужчины, да и для общества в целом, еще менее привлекателен. Мужчина, занимающий ту ролевую позицию, которую занимала женщина в традиционном патриархальном обществе (но без ее статуса матери, который придавал женщине значимость).

«Раскачивание маятника» с превосходством то одного, то другого пола – вещь не безобидная как в психологическом, так и в социальном смыслах.

Образование же, которое в современной парадигме выступает как непрерывный процесс, продолжающийся в течение всей жизни человека, обязано помочь человеку выстроить эту систему координат, ответив, в частности, и на «детские вопросы»: Я – девочка, Я – мальчик, что это значит? Что от меня ждут? Как меня будут оценивать? Каковы возможности реализовать себя в этом мире? А ведь от ответов на эти вопросы часто зависит судьба, психологическое здоровье человека. Ведь проблемы в выстраивании гендерной

идентичности чреваты деперсонализацией, сложностями в выстраивании жизненного пути, иерархии ценностей и целей.

Крайне важно не только в научной сфере, но и в общественном сознании сформировать понимание того, что биологический пол не является первопричиной психологических особенностей личности мужчин и женщин и их социальных ролей. Это позволит современным юношам и девушкам, женщинам и мужчинам адекватно оценивать свои возможности и притязания, планировать свой жизненный путь, выбирая оптимальные стратегии самореализации, без навязанных стереотипов, загоняющих личность в жесткие рамки системы традиционных полоролевых представлений. Осознание изменений, происходящих в традиционных представлениях о мужественности и женственности, снизит и вероятность переживания личностью кризисов гендерной идентичности (что особенно важно для тех женщин и мужчин, жизненный сценарий которых далек от стереотипного).

Необходимость ориентации содержания воспитательного процесса на развитие андрогинных свойств личности, преодоление половых предубеждений, ликвидацию гендерной комплементарности и на предупреждение дисгармоничных отношений полов отмечается во многих современных исследованиях [74, 96, 119, 145, 203, 215, 284, 297, 304].

Кроме того, перед институтом образования стоят сейчас новые для него задачи. Широкая популярность второго высшего, дополнительного образования, различных форм повышения квалификации ставит перед психологами, педагогами проблему создания адекватных методов уже не формирования, а помощи взрослым в создании своих, индивидуализированных моделей гендерной идентичности, способствующих наиболее полной реализации личности в избранной ими сфере.

Образовательная система должна готовить людей и к тому, что транссексуализм и гомосексуализм, которые раньше рассматривались как болезнь, аномалия, стали рассматриваться как вариант нормы, как гендерные queeg-идентичности (под queeg-идентичностью понимаются любые проявления гендера, которые не вписываются в концепцию гендерной дихотомии). И здесь нельзя

не обратиться к проблеме формирования толерантности как необходимого условия жизни в современном мире.

Как указывает П. В. Лушин, толерантность к неопределенности может быть сформирована в условиях интенсивного вузовского обучения [187]. Это высказывание в полной мере может быть отнесено и к вопросам принятия нетрадиционных внутрисемейных и профессиональных ролей, которые все активнее начинают играть современные женщины и мужчины, принятия и понимания тех людей, которые выстраивают свою личность, свою жизнь, уходя от стереотипного образа мужественности-женственности.

И. С. Кон справедливо заметил, что «современное общество в силу его демократичности и плюралистичности способно признавать индивидуальности разных стилей жизни, которые либо могут быть связаны с половой и гендерной принадлежностью, либо нет» [152, с. 39].

Но признание на уровне общества – это еще не принятие на уровне отдельного человека. И гуманистически ориентированное образование должно стать тем проводником, который обеспечит интеграцию декларируемых идей и систем ценностей, взглядов конкретных мужчин и женщин.

Л. В. Штылева, анализируя пути развития гендерных подходов в образовании, отмечает, что методологические основы разработки проблемы гендерного измерения в образовании должны включать идеи социологов и психологов о гендерной идентичности как базовой структуре личности, учение об андрогинии как условии эффективного развития и самореализации личности [304].

Поэтому перед психологией, да и перед всей сферой наук о человеке и обществе, стоит серьезнейшая задача изучения *реальности*, очищенной от стереотипных представлений о сути «мужского» и «женского». Но если эти исследования останутся лишь достоянием науки, не будут реализованы в практических шагах, то их ценность, как для общества, так и для отдельного человека – женщины или мужчины, выстраивающих свой жизненный путь в трансформирующемся мире, близка к нулю.

Междисциплинарные, кросскультурные исследования и активная популяризация их результатов помогут изменить точку зрения

женщин и мужчин нашей страны на то, что данному полу действительно присуще, а что – только приписывается. Эти же знания необходимы для создания продуманной, ориентированной на реалии сегодняшнего дня концепции гендерной социализации, а также для совершенствования работы служб консультативной помощи, разработки тренинговых, обучающих программ, способствующих выстраиванию индивидуализированных моделей гендерной идентичности, осознанию себя, прежде всего как личности с неограниченными половой принадлежностью возможностями реализации себя как в профессиональной, так и в семейной сферах.

Список использованной литературы

1. *Абубикирова Н. И.* Что такое «гендер»? / Н. И. Абубикирова // Общественные науки и современность. – 1996. – № 6. – С. 13–125.
2. *Абульханова К. А.* Личность как субъект жизненного пути / К. А. Абульханова // Время как фактор изменений личности: Сб. науч. трудов // Под ред. А. В. Брушлинского и В. А. Поликарпова. – Мн.: ЕГУ, 2003. – С. 24–65.
3. *Абульханова-Славская К. А.* Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М., 1991. – 301 с.
4. *Агеев В. С.* Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов / В. С. Агеев // Вопр. психологии. – 1987. – № 2. – С. 152–158.
5. *Агеев В. С.* Психологическое исследование социальных стереотипов / В. С. Агеев // Вопр. психологии. – 1991. – № 4. – С. 148–154.
6. *Алешина Ю. Е.* Зеркала и отражения: двойной захват / Ю. Е. Алешина, А. С. Волович, П. Б. Снежневский // <http://flogiston.ru/articles/social/mirrors>.
7. *Алешина Ю. Е.* Половая дифференциация как комплексный показатель межличностных отношений супругов/ Ю. Е. Алешина, И. Ю. Борисов // Вестн. Моск. гос. ун-та. – Сер. 14. Психология. – 1989. – № 2. – С. 44–56.
8. *Алешина Ю. Е.* Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины / Ю. Е. Алешина, А. С. Волович // Вопр. психологии. – 1991. – № 4. – С. 70–84.
9. *Ананьев Б. Г.* Избранные психологические труды: В 2 т. / Б. Г. Ананьев. – М., 1980. – Т. 1–2.
10. *Анастаси А.* Дифференциальная психология. Индивидуальные и групповые различия в поведении / А. Анастаси // Пер. с англ. – М., 2001. – 746 с.
11. *Андреева Г. М.* Психология социального познания: Учеб. пособ. / Г. М. Андреева. – М., 1997. – 396 с.
12. *Андреева Г. М.* Гендерные различия в сфере эмоционального интеллекта. Доклад / Г. М. Андреева // <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/44462>.
13. *Андреева Г. М.* Социальная психология / Г. М. Андреева. – М.: Аспект пресс, 1998. – 364 с.

14. Антонов А. И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): Учеб. пособие для вузов / А. И. Антонов. – М., 1998. – 360 с.

15. Антонов А. И. Новая альтернативная школа в американской социологии / А. И. Антонов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология и политология. – 2003. – № 3. – С. 75–82.

16. Антонова Н. В. Проблемы личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии / Н. В. Антонова // Вопр. психологии. – 1996. – № 1. – С. 131–142.

17. Аристархова И. Л. «Этика полового различия» в концепции И. Иригари / И. Л. Аристархова // Социол. журн. – 1998. – № 3/4.

18. Аргайл А. Психология счастья / А. Аргайл. – М., 1997.

19. Арканцева Т. А. Полоролевые представления современных подростков как действенный фактор их самооценки / Т. А. Арканцева, Е. М. Дубовская // Мир психологии. – 1999. – № 3.

20. Арутюнян М. Ю. Кто Я? Проблема самоопределения юношей и девушек-подростков / М. Ю. Арутюнян // Женщины и социальная политика (гендерный аспект). – М., 1992.

21. Астахова В. И. Профессиональная подготовка женщин в условиях кризиса: состояние, проблемы, прогнозы / В. И. Астахова // Програма та матеріали регіональної наук.-практ. конф. «Жінки та соціальна політика в Україні». – Х., 2000. – С. 127–129.

22. Астахова В. И. Фундаментально-гуманистическая миссия образования / В. И. Астахова // Проблеми та перспективи формування національної гуманітарно-технічної еліти: Зб. наук. пр. / За ред. Л. Л. Товажнянського та О. Г. Романовського. – Ч. 1. – Х., НТУ «ХПІ». – 2002. – С. 89–92.

23. Астахова Е. В. Трансформация социальных функций высшего образования в современных условиях: Учеб. брошюра. – Х., 1999. – 75 с.

24. Баклушинский С. А. Развитие представлений о понятии «социальная идентичность» / С. А. Баклушинский // Этнос. Идентичность. Образование: Труды по социологии образования / Под ред. В. С. Совкина. – М., 1998. – С. 64–85.

25. Балакірева О. Гендерні стереотипи у громадській свідомості стосовно становища жінок на ринку праці / О. Балакірева // Сучасні

проблеми на ринку праці та шляхи їх вирішення.– Зб. наук. пр.– К., 1998. – С. 181–186.

26. *Балл Г. О.* Внутрішня свобода особи і особистісна надійність у контексті гуманізації освіти / Г. О. Балл // *Практ. психологія та соц. робота.* – 2003. – № 9. – С. 1–7.

27. *Балл Г. О.* Особистісна свобода і гуманізація освіти / Г. О. Балл // *Практ. психологія та соц. робота.* – 2001. – № 1. – С. 2–4.

28. *Бандурка А. М.* Основы психологии управления: Учеб. для вузов МВД / А. М. Бандурка, С. П. Бочарова, Е. В. Землянская. – Х.: Изд-во ун-та внутр. дел, 1998. – 525 с.

29. *Барабанщиков В. А. Б. Ф.* Ломов и его вклад в интеграцию психологической науки / В. А. Барабанщиков, Д. Н. Завалишина, В. А. Пономаренко // *Мир психологии.* – 2000. – № 4. – С. 96–106.

30. *Белинская Е. П.* Временные аспекты «Я»-концепции и идентичности / Е. П. Белинская // *Мир психологии.* – 1999. – № 3. – С. 140–147.

31. *Бендас Т. В.* Гендерная психология лидерства / Т. В. Бендас. – Оренбург: ИПК ОГУ, 2000. – 140 с.

32. *Бендас Т. В.* Гендерные исследования лидерства / Т. В. Бендас // *Вопр. психологии.* – 2000. – № 1. – С. 87–95.

33. *Бергер Б.* Нуклеарная семья как первооснова цивилизации в исторической перспективе // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. Социология и политология.* – 2003. – № 3. – С. 93–100.

34. *Бердяев Н.* Метафизика пола и любви // *Русский эрос или Философия любви в России* / Сост. В. П. Шестаков. – М., 1991. – 284 с.

35. *Берн Ш.* Гендерная психология / Ш. Берн. – СПб., 2001. – 320 с. – (Секреты психол.).

36. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений: Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы / Э. Берн // *Пер. с англ.* – М., 1998. – 288 с.

37. *Бернд Ш.* Социальная идентичность и групповое сознание как медиаторы межгруппового поведения / Ш. Бернд, Ш. Берн // *Иностр. психол.* – 1993. – Т. 1. – № 1. – С. 74–84.

38. *Библиографический обзор исследований по проблемам гендерных стереотипов* // *Женщина в российском обществе.* – 2001. – № 3–4.

39. *Блейк Р.* Дилеммы управленческой деятельности – ГРИД предлагает решения / Р. Блейк, А. Адамс. – Баку, 1997. – 48 с.

40. *Блинов А. О.* Искусство управления персоналом / А. О. Блинов, О. В. Василевская. – М.: ГЕЛАН, 2001. – 412 с.
41. *Бовуар С.* Второй пол / С. Бовуар. – СПб.: Алетейя, 1997. – 285 с.
42. *Бодалев А. А.* Восприятие и понимание человека человеком / А. А. Бодалев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 200 с.
43. *Бодалев А. А.* Личность и общение / А. А. Бодалев. – М., 1983. – 272 с.
44. *Бодалев А. А.* Семья в психологической консультации / А. А. Бодалев, В. В. Столин. – М., 1989. – 188 с.
45. *Бондаренко Л. Ю.* Мир, в котором мы живем. Рольевые сходства и различия между российскими и американскими женщинами / Л. Ю. Бондаренко // Обществ. науки и современность. – 1997. – № 3. – С. 98–102.
46. *Бондарь Н. Г.* Образ идеальной женщины у женатых и неженатых мужчин / Н. Г. Бондарь // Психология как система направлений: Ежегодник Рос. психол. об-ва. – Т. 9. – Вып. 2. – М., 2002.
47. *Бондарчук О. И.* Психология сім'ї: Курс лекцій / О. И. Бондарчук. – М.: МАУП, 2001. – 96 с.
48. *Борневасоф М.* Социальная структура, идентификация и социальный контакт / М. Борневасоф // Иностр. психология. – 1993. – № 1. – С. 68–72.
49. *Брандт Г. А.* Природа женщины / Г. А. Брандт. – Екатеринбург, 2000. – 118 с.
50. *Брандт Г. А.* Природа женщины как проблема. Концепции феминизма / Г. А. Брандт // Обществ. науки и современность. – 1998. – № 6. – С. 167–180.
51. *Бутовская М. Л.* Полорольевые стереотипы у детей Центральной России в современных условиях / М. Л. Бутовская, О. Ю. Артемова, О. И. Арсенина // Этнограф. обозрение. – 1998. – № 1. – С. 104–120.
52. *Бьюдженталь Дж.* Искусство психотерапевта / Дж. Бьюдженталь // Эволюция психотерапии. – СПб., 2001. – С. 166–167.
53. *Бьюдженталь Дж.* Предательство человечности: миссия психотерапии по восстановлению нашей утраченной идентичности / Дж. Бьюдженталь // Эволюция психотерапии. – М., 1998. – Т. 3. – С. 180–203.
54. *Бьюзен Т.* Могущество социального интеллекта. / Т. Бьюзен. – Мн., 2004. – 202 с.

55. *Вайсбах Х.* Эмоциональный интеллект / Х. Вайсбах, У. Дакс. – М., 1988. – 224 с.
56. *Варга А. Я.* Системная семейная психотерапия / А. Я. Варга // Журн. практ. психологии и самоанализа (ежекварт. науч.-практ. журн. электр. публикаций) <http://psychol.ras.ru/ippp-pfr/j3p/pap.php?id>.
57. *Васильев К.* Любовь / К. Васильев. – М., 1982. – 384 с.
58. *Васютинський В. О.* Взаємозумовленість статеворольових і владно-підвладних характеристик особистісного розвитку / В. О. Васютинський // Гендер: реалії та перспективи в українському суспільстві: Матеріали Всеукр. наук.-практ. конф. – К., 2003. – С. 82–85.
59. *Введение* в гендерные исследования: Учеб. пособие / Под ред. И. В. Костиковой. – М., 2000.
60. *Вейнингер О.* Пол и характер. Мужчина и женщина в мире страстей и эротики / О. Вейнингер. – М.: Форум. XIX-XX-XXI, 1999. – 126 с.
61. *Визгина А. В.* Проявление личностных особенностей в самоописании мужчин и женщин / А. В. Визгина, С. Р. Пантелеев // Вопр. психологии. – 2001. – № 3. – С. 91–100.
62. *Витек К.* Проблемы супружеского благополучия / К. Витек. – М.: Прогресс, 1998. – 198 с.
63. *Власенко Ю. О.* Психологічний аналіз інноваційного потенціалу особистості / Ю. О. Власенко // Автореф. дис. ... на здоб. наук. ступеня канд. психол. наук. – Одеса, 2003. – 20 с.
64. *Войтюк А. К.* К вопросу о гендерных различиях / А. К. Войтюк // Персонал. – 2001. – № 3. – С. 35–38.
65. *Волкова А. Н.* Методические приемы диагностики супружеских отношений / А. Н. Волкова, Т. М. Трапезникова // Вопр. философии. – 1985. – № 5. – С. 110–117.
66. *Гаврилица О. А.* Чувство вины у работающей женщины / О. А. Гаврилица // Вопр. психологии. – 1998. – № 4. – С. 66–72.
67. *Гасюк М. Б.* Психологічні особливості самоактуалізації сучасної жінки / М. Б. Гасюк // Автореф. дис. ... на здоб. наук. ступеня канд. психол. наук. – Івано-Франківськ, 2003. – 20 с.
68. *Гвоздева Е. С.* Штрихи к портрету женщин-менеджеров / Е. С. Гвоздева, В. И. Герчиков // Социол. исследов. – 2000. – № 11. – С. 36–44.
69. *Гендер* как интрига познания: Сб. ст. / Моск. гос. лингвист. ун-т. Лаб. гендерных исследований. – М.: Рудомино, 2000. – 202 с.

70. *Гендерний паритет в умовах розбудови сучасного українського суспільства.* – К.: Укр. ін-т соціал. досліджень, 2002. – 122 с.

71. *Геодакян В. А.* Эволюционная теория пола / В. А. Геодакян // *Природа.* – 1998. – № 4. – С. 60–69.

72. *Геодакян В. А.* Теория дифференциации полов в проблемах человека / В. А. Геодакян // *Человек в системе наук.* – М.: Наука, 1989. – С. 171–189.

73. *Гиддес Э.* Пол, патриархат и развитие капитализма / Э. Гиддес // *Социол. исследования.* – 1992. – № 7. – С. 135–140.

74. *Говорун Т. В.* Соціалізація статі як психологічна проблема / Т. В. Говорун // *Педагогіка і психологія.* – 2001. – № 2. – С. 5–13.

75. *Говорун Т. В.* Соціалізація статі та сексуальності / Т. В. Говорун. – Тернопіль: Навч. книга – Богдан, 2001. – 240 с.

76. *Говорун Т. В.* Соціалізація статі як фактор розвитку Я-концепції / Т. В. Говорун // Автореф. дис. ... на здоб. наук. ступ. докт. психол. наук. – Одеса, 2003. – 35 с.

77. *Говорун Т. В.* Стать та сексуальність: Психологічний ракурс / Т. В. Говорун, О. Кікінеджи. – Тернопіль, 1999. – С. 81–204.

78. *Головнева И. В.* Влияние трансформации гендерных ролей на психологическое здоровье человека / И. В. Головнева // *Гендер: реалії та перспективи в українському суспільстві: Матеріали Всеукр. наук.-практ. конф.; м. Київ, 11–13 грудня 2003.* – К., 2003. – С. 71–73.

79. *Головнева И. В.* Гендерные различия в мотивационно-потребностной сфере персонала организаций / И. В. Головнева // *Психология бизнеса: Материалы VI Всерос. науч.-практ. конф.* – СПб., 2003. – С. 77–81.

80. *Головнева И. В.* Гендерные стереотипы в профессиональной сфере: мифы и реальность / И. В. Головнева // *Становление профессиональной карьеры женщин: историко-философский, социологический и психологический аспекты. Матер. конф.* – Х., НУА, 2003. – С. 42–44.

81. *Головнева И. В.* Диагностика психосексуальных различий: возможности применения в семейном и профессиональном консультировании / И. В. Головнева // *Вчені записки ХГІ «НУА».* – Х.: Око, 1998. – Т. 4. – С. 36.

82. *Головнева И. В.* Женщины-лидеры: психологические проблемы изменения социальных ролей // *Громадські ініціативи жіночих організацій та сучасний політичний процес в Україні / И. В. Головнева.* – Х.: Харк. центр жіночих досліджень. – 1998. – С. 27–40.

83. *Головнюова І. В.* Жіноча самореалізація: гендерно-рольовий аспект / І. В. Головнюова, І. В. Найдовська // Вісн. Харк. держ. пед. ун-ту ім. Г. С. Сковороди. Психологія. – 2001. – Вип. 7. – С. 37–43.

84. *Головнева І. В.* Изменение стереотипов социальных ролей мужчин и женщин как закономерный этап личностного развития в переходный период / Вісн. Харк. нац. ун-ту. (Сер. Психологія). – 2002. – № 550, ч. 2. – С. 50–56.

85. *Головнева І. В.* Личностные предпосылки успешности в будущей профессиональной деятельности: гендерный аспект // Вісн. Харк. ун-ту. (Сер. Психологія). – 2003. – № 559. – С. 80–83.

86. *Головнева І. В.* Личность в условиях социальных трансформаций – психологический аспект / І. В. Головнева // Особистість в умовах сучасних політичних відносин: Зб. наук. ст. (за матеріалами XIV Харк. політол. читань) / Харк. асоц. політологів, Нац. юрид. акад. України ім. Я. Мудрого. Каф. соціол. та політол. – Х., 2003. – С. 37–39.

87. *Головнюова І. В.* Проблеми становлення нових моделей сімейних відносин: жінка в світі, що змінюється // Президенту України, Верховній Раді України, Уряду України, органам центральної та місцевої виконавчої влади / НДІ «Пробл. людини». – К., 2000. – Т. 17. Духовність і художньо-естетична культура. – С. 109–113.

88. *Головнюова І. В.* Про тенденції змін гендерних розходжень у нових соціально-економічних умовах / І. В. Головнюова // Гендерні реалії та перспективи в українському суспільстві: Матеріали Всеукр. наук.-практ. конф. – Київ, 2004. – С. 35–42.

89. *Головнева І. В.* Психология семейных отношений: Учеб. пособие для студентов вузов / І. В. Головнева – Х.: Изд-во НУА, 2003. – 96 с.

90. *Головнева І. В.* Семейно-ролевые конфликты в трансформирующемся обществе / І. В. Головнева // Конфлікти в суспільстві, що трансформуються: Зб. наук. ст. (за матеріалами XI політол. читань) / Нац. юрид. акад. ім. Ярослава Мудрого та ін. – Х.: Право, 2001. – С. 174–176.

91. *Гордеева Н. О.* Фактор стресса и фелицитивная функция семьи / Н. О. Гордеева // Социол. чтения. – Х., 1999. – С. 79.

92. *Горлач М. Г.* Гендерный аспект семейно-ролевого диссонанса / М. Г. Горлач // Социол. исслед. – 2002. – № 1. – С. 135–136.

93. *Горноста́й П. П.* Вимірювання параметрів рольового конфлікту: зарубіжний досвід / П. П. Горноста́й // Конфліктологічна експертиза: теорія та методика. – Вип. 1. – К., 1997. – С. 116–125.

94. Горноста́й П. П. Диагностика и коррекция ролевых конфликтов / П. П. Горноста́й // Журн. практич. психолога. – 1999. – №1. – С. 44–51.
95. Градско́ва Ю. Гендерные аспекты семейного насилия / Ю. Градско́ва // Психол. газета. – 2000. – № 3/54. – С. 10–12.
96. Гридко́вец Л. М. Засади формування психосексуальної культури студентської молоді / Л. М. Гридко́вец // Практ. психологія та соц. робота. – 2004. – № 10. – С. 16–29.
97. Гроше́в И. В. Власть и социально-психологические характеристики ее гендерного конструкта / И. В. Гроше́в // Мир психологии. – 2001. – № 4. – С. 190–209.
98. Гроше́в И. В. Гендерная невербальная коммуникация / И. В. Гроше́в // СОЦис. – 1999. – № 4. – С. 19–33.
99. Гроше́в И. В. Гендерные исследования в психологии / И. В. Гроше́в // Гендерные исследования в гуманитарных науках: современные подходы: Материалы Междунар. науч. конф. – Иваново, 2000. – Ч. 1.
100. Гроше́в И. В. Полоролевые стереотипы в рекламе / И. В. Гроше́в // Психол. журн. – 1998. – № 3. – С. 119–133.
101. Губе́нко О. В. Психологічні фактори ефективності соціально-економічного розвитку в сучасних умовах / О. В. Губе́нко // Практ. психологія та соц. робота. – 2004. – № 10. – С. 50–60.
102. Гу́рко Т. Отношения мужчин и женщин в браке / Т. Гу́рко, П. Босс // Семья на пороге третьего тысячелетия. – М., 1995.
103. Гусе́ва Ю. Е. Гендерные представления как социокультурный феномен / Ю. Е. Гусе́ва // Российские женщины и европейская культура. Материалы V конф., посвященной теории и истории женского движения. – СПб., 2001. – С. 235–238.
104. Джемс М. Личная и половая идентичность / М. Джемс, Д. Джонгвард // Рожденные выигрывать. Транзакционный анализ с гештальтупражнениями: Пер. с англ. – М., 1993. – С. 177–209.
105. Джуэ́лл Л. Индустриально-организационная психология / Л. Джуэ́лл. – СПб.: Питер, 2001. – 720 с.
106. Добре́нков В. И. Социология: В 3-х т. / В. И. Добре́нков, А. И. Кравченко. – Т. 3. Социальные институты и процессы. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 520 с.
107. Дороше́нко Н. М. Гендерна детермінація вибору студентами стратегії поведінки в конфлікті / Н. М. Дороше́нко // Автореф. дис. ... на здоб. наук. ступеня канд. психол. наук. – К., 2003. – 20 с.

108. *Дусаவிцкий А. К.* Развивающее образование: теория и практика. Статьи / А. К. Дусавицкий. – Харьков, 2002. – 146 с.
109. *Елизаров А. Н.* К проблеме поиска основного интегрирующего фактора семьи / А. Н. Елизаров // Вестн. МГУ. Сер. Психология. – 1996. – № 1. – С. 42–49.
110. *Елизаров А. Н.* Роль духовных ценностных ориентаций в процессе интеграции семьи / А. Н. Елизаров // Вестн. МГУ. Сер. Психология. – 1997. – № 3. – С. 59–67.
111. *Женщина в обществе: мифы и реалии*: Сб. ст. – М.: Информация – XXI век, 2001.
112. *Жеребкина И.* «Прочти мое желание...» / И. Жеребкина. – М.: Идея/Пресс, 2000. – 251 с.
113. *Журавлев А. Л.* Динамика ценностных ориентаций личности в условиях экономических изменений в обществе / А. Л. Журавлев, Н. А. Журавлева // Время как фактор изменений личности: Сб. науч. трудов // Под ред. А. В. Брушлинского и В. А. Поликарпова. – Мн.: ЕГУ, 2003. – С. 66–81.
114. *Заславская Т. И.* Движущие силы и механизмы трансформации постсоциалистических обществ / Т. И. Заславская // Харьк. социол. чтения–98: Сб. научн. работ. – Х.: ЦЭПП «Радар», 1998. – С. 3–7.
115. *Заславская Т. И.* Методологические проблемы исследования посткоммунистических трансформационных процессов / Т. И. Заславская // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Зб. наук. праць. – Х., 1999. – С. 3–9.
116. *Здравомыслова О.* Мужчина: роль переписанная наново? / О. Здравомыслова // Семья и школа. – 1998. – № 6. – С. 14–16.
117. *Здравомыслова О.* Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации / О. Здравомыслова. – М., 2003.
118. *Здравомыслова О.* Современная успешность женщины: женщина в бизнесе / О. Здравомыслова // Семья и школа. – 1997. – № 6. – С. 14–17.
119. *Зелінська Т.* Маскулінність та батьківська амбівалентність // Психологія і суспільство. – 2003. – № 1. – С. 90–102.
120. *Знаков В. В.* Макиавеллизм личности и манипулятивное поведение субъекта общения / В. В. Знаков // Время как фактор изменений личности: Сб. науч. трудов // Под ред. А. В. Брушлинского и В. А. Поликарпова. – Мн.: ЕГУ, 2003. – С. 82–95.

121. *Иванова Е.* Гендерная проблематика в психологии / Е. Иванова // Введение в гендерные исследования Ч. 1: Учеб. пособие / Под ред И. А. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ.; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 312–345.
122. *Иванова Е. Ф.* О гендерных особенностях памяти / Е. Иванова // Гендерные исследования. – 1999. – № 3. – С. 242–252.
123. *Иванова С., Третьяченко В.* Особенности полоролевого поведения в современном обществе: Соціально-психологічний вимір демократичних перетворень в Україні. – К., 2004. – С. 222–231.
124. *Івашенко О.* Гендерна наукова перспектива: від світогляду до політики / О. Івашенко // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. – 1998. – № 6. – С. 78–91.
125. *Ильин Е. П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2002. – 544 с.
126. *Исаев Д. Н.* Психогигиена пола у детей / Д. Н. Исаев, В. Е. Каган. – Л., 1986. – 336 с.
127. *Исследования CATALYST: Эпоха женщин в бизнесе наступила* / http://www.Iteam.ru/publications/strategy/section_33article_1449.
128. *Каган В. Е.* Когнитивные и эмоциональные аспекты гендерных установок у детей 3–7 лет / В. Е. Каган // Вопр. психологии. – 2000. – № 2. – С. 65–69.
129. *Каган В. Е.* Семейные и полоролевые установки у подростков / В. Е. Каган // Вопр. психологии. – 1987. – № 2. – С. 54–61.
130. *Каган В. Е.* Стереотипы мужественности и женственности и образ «Я» / В. Е. Каган // Вопр. психологии. – 1989. – № 3. – С. 53–62.
131. *Калабихина И.* Методология гендерного анализа: Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия / Под ред. В. И. Успенской. – Тверь, 1999. – С. 23–31.
132. *Калинина Е. И.* Женщина и управление: формула успеха / Е. И. Калинина. – СПб., 2000.
133. *Канатов А. К.* Психологические основы образования взрослых / А. К. Канатов // Образование взрослых на рубеже веков. – М.: Изд-во ин-та образования взрослых, РАО, 2000.
134. *Карцева Л. В.* Модель семьи в условиях трансформации российского общества / Л. В. Карцева // Социол. исслед. – 2003. – № 8. – С. 92–99.

135. Качанов Ю. Л. Базовая метафора рефлексивного жизнеописания интеллигентов, предпринимателей и политиков: социальная идентичность и жизненные стратегии / Ю. Л. Качанов, Н. А. Шматько // О психологии ученого и педагога современной России: Под ред. Б. А. Сосновского. – М., 1996. – С. 102–109.

136. Квинн В. Прикладная психология / В. Квинн. – СПб., 2000. – 560 с.

137. Кісь О. Моделі конструювання гендерної ідентичності жінки в сучасній Україні / О. Кісь // Незалежний культурологічний часопис. – Львів, 2002. – Ч. 27: Маскулінність і фемінність. – С. 37–58. // www/ji-magazine.lviv.ua.

138. Клецина И. С. Гендерная социализация: Учеб. пособие / И. С. Клецина. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. – 104 с.

139. Клецина И. С. Гендерный подход и внутриличностные конфликты / И. С. Клецина // Женщина. Образование. Демократия: Материалы 2-й Междунар. междисциплин. науч.-практ. конф. (3–4 декабря 1999 г.) / http://envila.by.iatp.org.ua/info/courses/conference99/a5_5html.

140. Клецина И. С. Психология половых различий в контексте гендерных исследований / И. С. Клецина // <http://giacgender.narod.ru/n2t2.h+m>.

141. Клецина И. С. От исследования пола – к гендерным исследованиям в психологии / И. С. Клецина // Вопр. психологии. – 2003. – № 1. – С. 61–78.

142. Клецина И. С. Самореализация и гендерные стереотипы // Психологические проблемы самореализации личности. – Вып. 2. – СПб., 1998. – С. 188–202.

143. Клецина И. С. Теоретические проблемы гендерной психологии / И. С. Клецина // Мир психологии. – 2001. – № 4. – С. 162–179.

144. Кляпець О. Я. Особистість в історичній динаміці шлюбно-сімейних стосунків / О. Я. Кляпець // Вісн. Харк. ун-ту. Сер. Психологія. – 2002. – № 550, ч. 2. – С. 107–112.

145. Кобилянська Л. Розвиток гендерної освіти в Україні в контексті сучасних соціально-політичних перетворень / Л. Кобилянська // Гендер: реалії та перспективи в українському суспільстві: Матер. Всеукр. наук.-практ. конф. – К., 2003. – С. 139–142.

146. Ковалев С. В. Психология современной семьи: Информ.-метод. матер. к курсу «Этика и психология семейной жизни»: Кн. для учителя // С. В. Ковалев. – М.: Просвещение, 1998. – 208 с.

147. *Коврикова О. И.* Гендерные стереотипы в наследство и их проявление сегодня / *Женщина в зеркале социологии.* – Иваново, 1999. – вып. 2. – С. 86–97.

148. *Коломенский Я. Л.* Ролевая дифференциация пола у дошкольников / Я. Л. Коломенский, М. Х. Мелтсас // *Вопр. психологии.* – 1985. – № 3. – С. 165–171.

149. *Комаров Е. И.* Женщина-предприниматель или роза в букете бизнеса / Е. И. Комаров, А. В. Жупелев // *Упр. персоналом.* – № 2. – 1999. – С. 12–17.

150. *Кон И. С.* Введение в сексологию: Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / И. С. Кон. – М.: Медицина, 1999. – 246 с.

151. *Кон И. С.* В поисках себя: личность и ее самосознание / И. С. Кон. – М., 1984. – 335 с.

152. *Кон И. С.* Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире / И. С. Кон // *Вестн. высш. школы «Alma mater».* – 2001. – № 11. – С. 35–41.

153. *Кон И. С.* Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире / И. С. Кон // *Введение в гендерные исследования: В 2 ч. / Под ред. И. Жеребкиной.* – Харьков – СПб., 2001. – Ч. 1. – С. 562–605.

154. *Кон И. С.* Обсуждение темы «Проблемы и перспективы развития гендерных исследований в бывшем СССР» / И. С. Кон // *Гендер. исслед.* – 2000. – № 5. – С. 27–33.

155. *Кон И. С.* Открытие «Я» / И. С. Кон. – М.: Политиздат, 1978. – С. 8–9.

156. *Кон И. С.* Постоянство и изменчивость личности / И. С. Кон // *Психол. журн.* – 1987. – Т. 8. – № 4. – С. 126–127.

157. *Кон И. С.* Психология половых различий / И. С. Кон // *Вопр. психологии.* – 1981. – № 2. – С. 47–57.

158. *Кон И. С.* Психология ранней юности / И. С. Кон. – М.: Медицина, 1989. – 270 с.

159. *Кон И. С.* Ребенок и общество / И. С. Кон. – М., 1988. – 270 с.

160. *Кон И. С.* Сексуальная культура в России. Клубничка на березке / И. С. Кон. – М.: ОГИ, 1997. – 464 с.

161. *Коои Г.* Мужественность и женственность / Г. Коои // *Изменение положения женщины и семья / Под ред. А. Г. Харчева.* – М.: Наука, 1977. – С. 166–179.

162. *Коптева С. И.* Познай себя: актуальные проблемы психологии самосознания: Учеб.-метод. пособие / С. И. Коптева, А. П. Лобанов. – Минск: ФУАинформ, 2002. – 112 с.

163. *Коростелина К. В.* Система социальных идентичностей: опыт анализа этнической ситуации в Крыму / К. В. Коростелина. – Вып. 1. – Симферополь, 2002. – 256 с.

164. *Косовская И.* Женщина и будущая карьера. Ролевые стереотипы и профессионализация женщин / И. Косовская // Персонал. – 1998. – № 2. – С. 79–81.

165. *Кочарян А. С.* Личность и половая роль / А. С. Кочарян. – Х.: Основа, 1996. – 128 с.

166. *Кочарян А. С.* Психопрофилактика семейных конфликтов. Метод. пособие / А. С. Кочарян, Г. С. Кочарян. – Анапа, 1986. – 36 с.

167. *Кочарян А. С.* Психосемантическая структура женской телесной идентичности: полоролевой подход / А. С. Кочарян, Г. С. Кочарян, Н. И. Терещенко // Вісн. Харк. ун-та, Сер. психологія. – 2002. – Ч. 2. – № 550. – С. 136–139.

168. *Кубышкина М. Л.* Психологические особенности мотивации социального успеха: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук / М. Л. Кубышкина. – СПб., 1996. – 16 с.

169. *Криченко Е. В.* Психологические аспекты качества семейно-брачных отношений / Е. В. Криченко, В. А. Терехин // Прикладная психология. – 1999. – № 5. – С. 63–73.

170. *Куницына В. Н.* Межличностное общение: Учебник для вузов / В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Поголыша. – СПб., 2003. – 544 с.

171. *Кухарчук А.* Психологические истоки мужественности и женственности / А. Кухарчук, С. Майхуб // Женщина. Образование. Демократия: Материалы 2-й Междунар. междисциплин. науч.-практ. конф. (3–4 декабря 1999 г.) / [http:// envila.by.iatp.org.ua/info/courses/conference99/a5_6html](http://envila.by.iatp.org.ua/info/courses/conference99/a5_6html).

172. *Лабунская В. А.* Социально-психологический подход к изучению маскулинности-фемининности личности // Личность и бытие: Теория и методология: Материалы Всерос. научн.-практ. конф. / Под ред. З. И. Рябикиной, В. В. Знакова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003. – С. 107–112.

173. *Лавриненко Н. В.* Женщина: самореализация в семье и обществе (Гендерный аспект) / Н. В. Лавриненко. – К.: Випол, 1999. – 172 с.

174. *Лактионов А. Н.* Координаты индивидуального опыта / А. Н. Лактионов. – Харьков, 1998. – 492 с.

175. *Лактіонов О. М.* Історична та психологічна готовність особистості до прийняття глобалізаційних процесів / О. М. Лактіонов // Вісн. Харк. ун-ту, Сер. Психологія. – 2003. – № 559. – С. 188–194.

176. *Лапшина В. Л.* Гендерная специфика в организации служебных взаимодействий в процессе профессиональной самореализации женщин в силовых структурах / В. Л. Лапшина // Формування гендерного паритету в контексті сучасних соціально-економічних перетворень: Матеріали Міжнар. наук.-практ. конф. (м. Київ, 5–7 грудня 2002 р.). – К.: Держ. ін-т проб. сім'ї та молоді; Укр. ін-т соц. дослідж., 2002. – С. 112–114.

177. *Лебедева Н. М.* Введение в этническую и кросскультурную психологию / Н. М. Лебедева. – М., 1999.

178. *Левкович В. П.* Взаимоотношения супругов в семьях предпринимателей / В. П. Левкович // Психол. журн. – 2004. – № 5. – С. 24–31.

179. *Левкович В. П.* Социально-психологический подход к изучению супружеских конфликтов / В. П. Левкович, О. Э. Зуськова // Психол. журн. – 1985. – № 3. – С. 126–137.

180. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М., 1975. – 304 с.

181. *Леонтьев Д. А.* Очерк психологии личности / Д. А. Леонтьев. – М., 1997. – 64 с.

182. *Либин А. В.* Дифференциальная психология: на пересечении европейских, российских и американских традиций / А. В. Либин. – М.: Смысл, 1999. – 532 с.

183. *Ложкин Г.* Руководитель-мужчина, руководитель-женщина / Г. Ложкин // Персонал. – 2002. – № 2. – С. 47–52.

184. *Лозовой В. А.* Самовоспитание личности: философско-социологический анализ / В. А. Лозовой. – Х.: Основа, 1991. – 208 с.

185. *Лукашевич Н. П.* Самоменеджмент: как достигнуть успеха в деловой карьере: [Учеб. пособие] / Н. П. Лукашевич; М-во образования Украины, ХГИ «НУА». – Х.: Око, 1998. – 178 с.

186. *Лукьянова Л.* Социальная поддержка и психологическое самочувствие работающих супругов / Л. Лукьянова // Приклад. психология. – 1999. – № 6. – С. 72–79.

187. *Лушин П. В.* Психологія особистісного змінювання / П. В. Лушин // Автореф. дис. ... на здобут. наук. ступеня д-ра психол. наук. – К.: 2003. – 30 с.
188. *Майерс Д.* Социальная психология / Д. Майерс. – СПб.: Питер, 2000. – 688 с.
189. *Максименко С. Д.* Метод дослідження особистості / С. Д. Максименко // *Практ. психологія та соц. робота.* – 2004. – № 7. – С. 1–9.
190. *Максименко С. Д.* Общая психология / С. Д. Максименко. – М.; К., 1999. – 523 с.
191. *Максименко С. Д.* Методологічні проблеми загальної психології / С. Д. Максименко // *Практ. психол. та соц. робота.* – 1999. – № 3. – С. 2–4.
192. *Малахов В. С.* Неудобства с идентичностью / В. С. Малахов // *Вопр. философии.* – 1998. – № 2. – С. 43–53.
193. *Мальшева М. М.* Семья как институт воспроизводства традиционной гендерной идентичности / М. М. Мальшева // *Современный патриархат: социально-экономическое эссе.* – М., 2001. – С. 227–241.
194. *Мальшева Н. Г.* Гендерные стереотипы в средствах массовой коммуникации, ориентированных на аудиторию разных возрастов / Н. Г. Мальшева // *Мир психологии.* – 2004. – № 3. – С. 171–176.
195. *Маслоу А. Г.* Мотивация и личность / А. Г. Маслоу // *Пер. с англ.* – СПб, 1999. – 478 с.
196. *Мацумото Д.* Психология и культура / Д. Мацумото. – СПб., 2002. – 416 с. (Сер. «Психологическая энциклопедия»).
197. *Мещеркина Е. Ю.* Биографии «новых русских»: гендерная легитимация предпринимательства в постсоветском пространстве / Е. Ю. Мещеркина // *Гендер. исслед.* – 1999. – № 2. – С. 123–145.
198. *Минюрова С. А.* Формирование «образа женщины» в различных социальных группах / С. А. Минюрова, О. Л. Кустова // *Журн. практ. психолога.* – 1997. – № 5. – С. 27–30.
199. *Мірошниченко О. М.* Психологічні особливості особистісної самоактуалізації ділової жінки у сучасному суспільстві / О. М. Мірошниченко // *Практ. психологія та соц. робота.* – 2004. – № 9. – С. 56–60.
200. *Митина Л. М.* Психология развития конкурентоспособной личности / Л. М. Митина. – М.; Воронеж, 2002. – 400 с.
201. *Митина О. В.* Женское гендерное поведение в социальном и кросскультурном аспектах / О. В. Митина // *Обществ. науки и современность.* – 1999. – № 3. – С. 48–65.

202. *Митина О. В.* Кросскультурное исследование стереотипов женского поведения (в России и США) / О. В. Митина, В. Ф. Петренко // *Вопр. психологии* – 2000. – № 1. – С. 68–85.

203. *Митрофанова А. В.* Гендерный подход в педагогике / А. В. Митрофанова // *Введение в гендерные исследования: Учеб. пособие* / Под ред. И. В. Костиковой. – М.: Изд-во МГУ, 2000.

204. *Михайлева Е. Г.* Карьера женщины в обществе модерна и постмодерна / Е. Г. Михайлева // *Становление профессиональной карьеры женщин: историко-философский, социологический и психологический аспекты: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Харьков, 28 февр. 2003 г.* / Гос. ком. Украины по делам семьи и молодежи, Союз женщин Украины, Харьк. облгосадминистрация, Харьк. горисполком, Харьк. ин-т соц. исслед., Нар. укр. акад. – Х.: Изд-во НУА, 2003. – С. 71–73.

205. *Муммендей А.* Как преодолеть негативную социальную идентификацию / А. Муммендей // *Иностр. психология*. – 1993. – Т. 1. – № 1. – С. 72–73.

206. *Мясищев В. Н.* Социальная психология и психология отношений / В. Н. Мясищев // *Пробл. обществ. психологии*. – М., 1965.

207. *Навайтис Г.* Семья в психологической консультации / Г. Навайтис. – М.; Воронеж, 1999. – 224 с.

208. *Найдовская И. В.* К постановке проблемы изучения профессионально-значимых качеств женщин-руководителей / И. В. Найдовская // *Вісн. Харк. ун-ту. Сер. Психологія*. – 1998. – № 483. – С. 121–126.

209. *Найдовська І. В.* Особливості життєвого стилю жінок у залежності від типу їх гендерної ідентичності / І. В. Найдовська // *Автореф. дис. ... канд. психол. наук.; Спец. 19.00.01 – загальна психологія, історія психології*. – К., 2003. – 20 с.

210. *Найдовська І. В.* Особливості організації статево-рольової сфери жінки / І. В. Найдовська // *Зб. наук. праць ін-ту психології ім. Г. С. Костюка АПН України*. – 2001. – Т. 3, ч. 7. – С. 166–174.

211. *Найдовская И. В.* Социально-ролевые аспекты реализации женщин в профессиональной сфере / И. В. Найдовская // *Становление профессиональной карьеры женщин: историко-философский, социологический и психологический аспекты: Материалы конф.* – Х., 2003. – С. 73–75.

212. *Наэм Дж.* Психология и психиатрия в США / Дж. Наэм. – М.: Прогресс, 1984. – 300 с.

213. *Никифорова Г.* Практикум по психологии профессиональной деятельности и менеджмента / Г. Никифорова. – СПб., 2001. – 28 с.

214. *Николаева О.* ООН беспокоит украинский патриархат / О. Николаева // Труд. – 2004. – № 9. – С. 3–10.

215. *Новелянська Л.* Розвиток гендерної освіти в Україні в контексті сучасних соціально-політичних перетворень // Гендер: реалії та перспективи в українському суспільстві: Матеріали. Всеукр. наук.-практ. конф. – К., 2003. – С. 139–142.

216. *Обозов Н. Н.* Диагностика супружеских затруднений / Н. Н. Обозов, А. Н. Обозова // Психол. журн. – 1982. – № 2. – С. 147–151.

217. *Обозов Н. Н.* Психология межличностных отношений / Н. Н. Обозов. – К., 1990. – 192 с.

218. *Орлов А. Б.* Эволюция межличностных отношений в семье: основные подходы, ориентации и тенденции / А. Б. Орлов // <http://www.follow.ru/article/340>.

219. *Орлов Д.* Закат идентичности и игры в другого / Д. Орлов // Проблемы общения в пространстве тотальной коммуникации: Междунар. чтения по теории, истории и философии культуры. – Вып. 6. – СПб.: Эйдос, 19. – С. 182–197.

220. *Павленко В. Н.* Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии / В. Н. Павленко // Вопр. психологии. – 2000. – № 1. – С. 135–141.

221. *Павленко В. Н.* Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе / В. Н. Павленко, Н. Н. Корж // Психол. журн. – 1998. – № 1. – С. 75–88.

222. *Пайнс Э.* Практикум по социальной психологии / Э. Пайнс, К. Маслач. – СПб.: Питер, 2000. – 348 с.

223. *Панасенко П. А.* Гендерные стереотипы работодателей / П. А. Панасенко // Становление профессиональной карьеры женщин: историко-философский, социологический и психологический аспекты: Материалы конф. – Х., 2003. – С. 75–77.

224. *Петухов В. В.* Психология: методические указания для студентов непсихологических факультетов государственных университетов / В. В. Петухов, В. В. Столин. – М.: Моск. ун-т. – 1989. – С. 8.

225. *Пищулина О. Н.* Использование гендерной парадигмы в современной социологической теории / О. Н. Пищулина // Харьк. социол. чтения. – Х., 1999. – С. 34–38.

226. *Платон.* Государство // Собр. соч. – Т. 3, Ч. 1. – М., 1971. – 252 с.

227. *Поздняков В. П.* Психологические отношения и деловая активность российских предпринимателей / В. П. Поздняков. – М., 2001.

228. *Пол женщины:* Сб. статей по гендерным исследованиям / Под ред. С. Шакировой, М. Сеитовой. – Алматы, 2000.

229. *Поликарпов В. А.* Психология любви (Временный вектор) / В. А. Поликарпов // Время как фактор изменения личности: Сб. науч. трудов // Под ред. А. В. Брушлинского и В. А. Поликарпова. – Мн.: ЕГУ, 2003. – С. 202–237.

230. *Пономарева Г.* Женщина как «граница» в произведениях Александры Марининой / Г. Пономарева // Пол. Гендер. Культура (немецкие и русские исследования). – М., 1999. – С. 181–191.

231. *Попова Л. В.* Гендерные аспекты самореализации личности / Л. В. Попова. – М., 1996.

232. *Попова Л. В.* Проблемы самореализации одаренных женщин / Л. В. Попова // Вопр. психологии. – 1996. – № 2. – С. 45–56.

233. *Попова Л. В.* Профессионально-карьерная мотивация в адаптационных стратегиях «слабых групп» на рынке труда: гендерное измерение / Л. В. Попова // Поиск эффективных институтов для России XXI века: Материалы Интернет-конф. (27.10.03–27.12.03) – <http://www.ecos-ostan.edu.ru/db/msg/130772>.

234. *Попова Л. В.* Психологические исследования и гендерный подход / Л. В. Попова // <http://www.owl.ru/library/039t.htm>.

235. *Попеное Д.* Как восстановить нуклеарную семью в современном обществе? / Д. Попеное // Вестн. МГУ. Сер. Социология и политология. – 2003. – № 3. – С. 101–106.

236. *Практикум по гендерной психологии* / Под ред. И. С. Клециной. – СПб., 2003. – 479 с.

237. *Про становище сімей в Україні: Державна доповідь за підсумками 2000 р.* / С. Вегера, О. Голеусова, Н. Жилка, З. Кісарчук. – К.: Шк. світ; Укр. ін-т соц. дослідж., 2002.

238. *Психология личности:* Слов.-справ. / Под ред. П. П. Горностай и Т. М. Титаренко. – К., 2001. – 320 с.

239. *Психодиагностические* методы в комплексном лонгитюдном исследовании студентов / Под ред. А. А. Бодалева. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. – 248.

240. *Психология*: Слов. / Под ред А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.

241. *Пугачев В. П.* Тесты, деловые игры, тренинги в управлении персоналом: Учеб. для студентов вузов / В. П. Пугачев. – М., 2000. – 286 с.

242. *Радина Н. К.* Об использовании гендерного анализа в психологических исследованиях / Н. К. Радина // *Вопр. психологии.* – 1999. – № 2. – С. 22–27.

242а. *Разумникова О. М.* Взаимодействие гендерных стереотипов и жизненных ценностей как факторов выбора профессии / О. М. Разумникова // *Вопр. психологии.* – 2004. – № 4. – С. 76–83.

243. *Райгородский Д. Я.* Практическая психодиагностика / Д. Я. Райгородский. – Самара, 2000. – 683 с.

244. *Репина Т. А.* Анализ теорий полоролевой социализации в современной западной психологии / Т. А. Репина // *Вопр. психологии.* – 1987. – № 2. – С. 158–165.

245. *Россия*, которую мы обретаем / Под ред. Т. И. Заславской, З. И. Калугиной. – Новосибирск: Наука, 2003. – 728 с.

246. *Роузнер Дж.* Женщина в директорском кресле / Дж. Роузнер // *Вы и мы.* – 1995. – № 3. – С. 8–16.

247. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб., 1999. – 720 с.

248. *Русский эрос* или Философия любви в России / Сост. В. П. Шестаков. – М.: Прогресс, 1991.

249. *Рядова Т. Б.* Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы / Т. Б. Рядова // *Гендерные стереотипы в социокультурных процессах средних городов России (региональные аспекты): Материалы круглого стола.* Ивановский гос. ун-т. – Иваново, 2001.

250. *Самарцева О. К.* Мужчина и женщина: менеджмент в сфере бизнеса / О. К. Самарцева, Т. А. Фомина // *Социол. исслед.* – 2002. – № 11. – С. 57–62.

251. *Самоукина Н.* Коучинг – ваш проводник в мире бизнеса / Н. Самоукина, Н. Туркулец. – СПб., 2004. – 192 с.

252. *Сарджвеладзе Н. И.* Личность и ее взаимодействие с социальной средой / Н. И. Сарджвеладзе. – Тбилиси, 1989. – 204 с.
253. *Семья.* Социально-психологические и этические проблемы: Справ./ В. И. Зацепин, Л. М. Бучинская, И. Н. Гаврюшенко и др.. – К.: Политиздат Украины, 1990. – 256 с.
254. *Серегина И. И.* О социально-значимых аспектах коммуникативной компетентности российских менеджеров (к постановке проблемы) / И. И. Серегина. – 2000. – № 2. – С. 77–84.
255. *Синельников А.* Паника, террор, кризис. Анатомия маскулинности. Гендерные исследования. – Харьков, 1998. – С. 211–227.
256. *Словарь гендерных терминов* / Под ред. А. А. Денисовой. – М.: Информация XXI века. – 2002.
257. *Смелзер Н.* Социология / Н. Смелзер. – М., 1994. – С. 330.
258. *Смелзер Н.* Социология / Н. Смелзер // Социол. исслед. – 1992. – № 5. – С. 39.
259. *Современная западная социология: Слов.* – М., 1990. – 432 с.
260. *Соловьев Н. Я.* Брак и семья / Н. Я. Соловьев. – Вильнюс, 1997. – 226 с.
261. *Сорокин П. А.* Кризис современной семьи / П. А. Сорокин // Вестн. МГУ. Сер. Социология и политология. – 1997. – № 3. – С. 65–80.
262. *Сорокин П. А.* Система социологии: В 2-х т. / П. А. Сорокин. – М.: Наука, 1993. – Т. 2. – С. 125–132.
263. *Спивак В. А.* Корпоративная культура / В. А. Спивак. – СПб.: Питер, 2001.
264. *Танен Д.* Ты меня не понимаешь! Почему женщины и мужчины не понимают друг друга: Пер. с англ. / Д. Танен. – М., 1996. – 432 с.
265. *Тарасова Т. В.* Висвітлення проблеми ідентичності в сучасній західній психології / Т. В. Тарасова // Проблеми загальної та педагогічної психології. – Т. VI. – Вип. 2. – С. 286–290.
266. *Тэрнер Дж. С.* Социальная идентичность, самокатегоризация и группа / Дж. С. Тэрнер, П. Дж. Оукс, С. А. Хэслем, В. Дэвид // Иностран. психология. – 1994, т. 2. – № 2. – С. 8–17.
267. *Титаренко Т. М.* Вікова динаміка особистісних дисгармоній / Т. М. Титаренко // Практ. психологія та соц. робота. – 2004. – № 9. – С. 67–74.

268. *Титаренко Т. М.* Життєві домагання і професійне становлення особистості практичного психолога / Т. М. Титаренко // *Практ. психологія та соц. робота.* – 2003. – № 4. – С. 21–23.

269. *Титаренко Т. М.* Структура і функції життєвих домагань особистості / Т. М. Титаренко // *Проблеми загальної та педагогічної психології* – Т. VI. – Вип. 2. – С. 290–295.

270. *Титова Т.* Гендер крізь призму буденності (жіночий аспект) / Т. Титова // *Соц. політика і соц. робота.* – 1999. – № 3–4 (11–12). – С. 156.

271. *Турецкая Г. В.* Страх успеха: психологическое исследование феномена / Г. В. Турецкая // *Психол. журн.* – 1998. – Т. 19. – № 1. – С. 37–46.

272. *Улыбина Е.* Психология обыденного сознания / Е. Улыбина. – М., 2001.

273. *Уэст К.* Создание гендера (doing gender) / К. Уэст, Д. Зиммерман // *Гендер. тетради.* – Вип. 1. – СПб., 1997. – С. 94–124.

274. *Фаворская Я.* Мужчина и женщина в бизнесе / Я. Фаворская // *Карьера.* – 1997. – № 2. – С. 50.

275. *Фернхем А.* Личность и социальное поведение / А. Фернхем, П. Хейвен. – СПб.: Питер, 2001. – 368 с.

276. *Франкл В.* Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

277. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции / З. Фрейд. – М.: Наука, 1989. – 456 с.

278. *Фрейд З.* Недовольство культурой / З. Фрейд // *Психоанализ. Религия. Культура.* – М.: Ренессанс, 1992. – 356 с.

279. *Фридан Б.* Загадка женственности / Б. Фридан. – М.: Прогресс, 1994. – 236 с.

280. *Фромм Э.* Иметь или быть? / Э. Фромм // *Пер. с англ.* – М.: Прогресс, 1986. – 238 с.

281. *Харчев А. Г.* Профессиональная работа женщин и семья / А. Г. Харчев, С. И. Голод. – Л., 1971.

282. *Хвостов А. А.* Гендерные особенности организационного поведения / А. А. Хвостов // *Вопр. психологии* – 2004. – № 3. – С. 29–37.

283. *Хесле В.* Кризис индивидуальной и коллективной идентичности: Пер. с англ. / В. Хесле // *Вопр. философии.* – 1994. – № 10. – С. 112–123.

284. *Хомуленко Т. Б.* Сучасні проблеми гендерної соціалізації в онтогенезі особистості / Т. Б. Хомуленко, Ю. В. Ткачова // Проблеми загальної та педагогічної психології – Т. VI. – Вип. 3. – С. 360–364.

285. *Хорни К.* Женская психология / К. Хорни. – СПб., Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 1993. – 222 с.

286. *Хохлова Т. П.* Выявление гендерных аспектов менеджмента – фактор повышения эффективности управления / Т. П. Хохлова // Менеджмент в России и за рубежом. – 2001. – № 2. – С. 67–74.

287. *Церетели М. О.* Традиционная культура, гендерные стереотипы и установка / М. О. Церетели // Мир психологии. – 2004. – № 3. – С. 171–176.

288. *Чепига Л. П.* Специфика Я-концепции юношей и девушек, обучающихся по специальности «Бизнес-управление» / Л. П. Чепига // Гендер: реалії та перспективи в українському суспільстві: Матеріали Всеукр. наук.-практ. конф. – К., 2003. – С. 221–224.

289. *Чернышев В. Н.* Человек и персонал в управлении / В. Н. Чернышев, А. П. Двинин. – СПб., 1997. – 568 с.

290. *Чирикова А. Е.* Женщина-директор в деловой и приватной жизни / А. Е. Чирикова // Женщина в рос. об-ве. – 2000. – № 4. – С. 2–15.

291. *Чирикова А. Е.* Женщина-руководитель: деловые стратегии и образ «Я» // А. Е. Чирикова, О. Н. Кричевская // Социол. исслед. – 2000. – № 11. – С. 45–56.

292. *Чирикова А. Е.* Женщина во главе фирмы / А. Е. Чирикова // Ин-т социологии РАН. – М., 1998. – 48 с.

293. *Чирикова А. Е.* Женщина во главе фирмы (проблемы становления женского предпринимательства в России) / А. Е. Чирикова, О. Н. Кричевская // Вопр. экономики. – 2000. – № 3. – С. 94–102.

294. *Чодороу Н.* Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола / Н. Чодороу // Антология гендерной теории / Сост. и коммент. Е. Гаповой, А. Усмановой. – Минск, 2000. – С. 29–76.

295. *Что вы знаете и чего не знаете о себе и других* / Сост. С. С. Степанов. – Дубна: Феникс. – 1995. – 160 с.

296. *Чучин-Русов А. Е.* Гендерные аспекты культуры / А. Е. Чучин-Русов // Обществ. науки и современность. – 1996. – № 6. – С. 141–153.

297. *Шаронова С.* Гендер. Образование. Мобильность / С. Шаронова // Высш. образование в России. – 2002. – № 6. – С. 130–134.

298. *Шевченко Л. О.* Криза ідентичності особистості за умов дери-
вації / Л. О. Шевченко // Вісн. Харк. ун-ту. Сер. психологія. – № 550. –
Ч. 2. – Х., 2002. – С. 315–318.
299. *Шеклтон В.* Психология лидерства в бизнесе / В. Шеклтон. –
СПб.: Питер, 2003. – 222 с.
300. *Шихирев П. Н.* Современная социальная психология в Западной
Европе / П. Н. Шихарев. – М.: Наука, 1985.
301. *Шкурко Я.* Жінщина у штурвала? / Я. Шкурко // Персонал. –
1998. – № 5. – С. 86.
302. *Шмидт В. Р.* Массовая и элитарная культуры в зеркале гендер-
ного подхода / В. Р. Шмидт, К. В. Шуршин / Социол.исслед. – 2000. –
№ 7. – С. 58–64.
303. *Штайнер К.* Сценарии жизни людей. Школа Эрика Берна /
К. Штайнер. – СПб., 2003. – 416 с.
304. *Штылева Л. В.* Педагогика и гендер: развитие гендерных под-
ходов в образовании / Л. В. Штылева // [http:// www.ivanovo.ac.ru/win
1251/jornal/jornal3/](http://www.ivanovo.ac.ru/win1251/jornal/jornal3/)
305. *Эйдемиллер Э. Г.* Психология и психотерапия семьи /
Э. Г. Эйдемиллер, Ю. Юстицкис. – СПб.: Питер, 1999. – 656 с.
306. *Юнг К. Г.* Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. –
304 с.
307. *Юрчак А.* Мужская экономика / А. Юрчак // Карьера. – 2000. –
№ 25.
308. *Юрчак А.* Мужская экономика: «не делай глупостей, когда карье-
ру куешь» / А. Юрчак // Неприкосновенный запас. – 2001. – № 5 (19).
309. *Ядов В. А.* Социальные и социально-психологические
механизмы формирования социальной идентичности личности /
В. А. Ядов // Мир России. – 1995. – № 3–4.
310. *Янчук В. А.* Психология постмодерна / В. А. Янчук // Время как
фактор изменений личности: Сб. науч. трудов // Под ред. А. В. Бруш-
линского и В. А. Поликарпова. – Мн.: ЕГУ, 2003. – С. 175–201.
311. *Ярская-Смирнова Е. Р.* Социокультурная репрезентация ген-
дерных отношений // Социокультурный анализ гендерных отношений /
Под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой. – Саратов, 1998.
312. *Accitelli L. K.* Gender differences in the link between marital support
and satisfaction in older couples / L. K. Accitelli, T. C. Antonucci // *I of
Personality and Social Psychology*, 1994. – V. 67. – P. 688–698.

313. *Apendt H.* The life of the Mind / H. Apendt. – Vol. 1. – New York, 1978.

314. *Bem S. L.* The measurement of psychological androgyny / S. L. Bem // J. Of Consulting and Clinical Psychology. – 1974. – 42 (2). – P. 155–162.

315. *Burkholder R.* Gender and society: Status and stereotypes. An international Gallup Poll report. Princeton / R. Burkholder, D. W. Moore, L. Saad // NJ: The Gallup Organization World Headquarters, 1996. – 154 p.

316. *Butler J.* Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity / J. Butler. – N. Y., 2000.

317. *Caplan P. J.* The Myth of Women's Masochism / P. J. Caplan. – New York, 1985.

318. *Cohen E. S.* Couple fits: How to live with the person you love / E. S. Cohen, S. A. Rogovin. – N. Y.: A Parigee Book, 2000. – 268 p.

319. *Deaux K.* Social identification: In E. T. Higgins & A. Kruglanski / K. Deaux // Social psychology: Handbook of basic principles. – New York: Guilford, 1996. – P. 777–798.

320. *Domanski H.* Zadowolony niewolnik idzie do pracy: Postawy wobec aktywnosci zawodowej kobiet w 23 krajach / H. Domanski. – W-wa: Wydaw. IfiS PAN, 1999. – 153 s.

321. *Eagly A. H.* Sex differences in social behavior. Social-role interpretation / A. H. Eagly. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1987.

322. *Elkind D.* Ties that stress: The new family imbalance / D. Elkind. – Cambridge, 1995.

323. *Erickson E. H.* Identity. Youth and crisis / E. H. Erickson. – L., 1968.

324. *Frable, D.E.S.* (1997) Gender, racial, ethnic, sexual and class identities / Frable // Annual Review of Psychology. – № 48. – P. 139–162.

325. *Fridan B.* The Feminine Mystique / B. Fridan. – New York: Dell Publishing CO, 1963.

326. *Gilligan C.* In a different voice. Psychological theory and women's development / C. Gilligan. – L.; Cambrige, MA: Garvard Univ. Press, 1982.

327. *Greenspan M. A.* A New Approach to Women and Therapy / M. A. Greenspan – New York, 1985.

328. *Heilbrun A. B.* Human sex role behavior / A. B. Heilbrun. – New York: Pergamon, 1981. – X, 207 p.

329. *Hirdman Y.* The Gender System / Y. Hirdman // T. Andreasen, et al (eds) Moving on. New Perspective on the Women's Movement: Aarhus Univ. Press., 1991. – P. 208–226.

330. *Hofstede G.* Masculinity and Femininity. The Taboo Dimension of National Cultures / Ed. by G. Hofstede. – Thousand Oaks, CA, New Delhi, London: Sage Publications, Inc., 1998. – 238 p.

331. *Hofstede G.* Religion, Masculinity and Sex // Masculinity and Femininity. The Taboo Dimension of National Cultures / Ed. by G. H. Hofstede. – Sage Publications, 1998. – P. 198–209.

332. *Hofstede G.* The Cultural construction of gender // Masculinity and Femininity. The taboo dimension of National Cultures/Ed. By G. Hofstede. – Thousand Oaks, CA, New Delhi, London: Sage Publications, Inc., 1998. – P. 106–116.

333. *Hofstede G.* Women in management – a matter of culture / G. Hofstede // International Management Development Review. – 1989. – № 5. – P. 250–254.

334. *Hoppe M. H.* Validating the Masculinity/Femininity dimension on elites from 19 countries / M. H. Hoppe // Masculinity and Femininity. The taboo dimension of national cultures. – Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publications, Inc., 1998. – P. 29–54.

335. *Hurrelmann K.* Eitührung in die Sozialisation theorie: Über den Zusammenhang von Szialstruktur und Persönlichkeit / K. Hurrelmann – Beltz Verl. Weinheim. – Basel, 1989. – 176 s.

336. *Irigaray L.* An Ethics of Sexual Difference / L. Irigaray, C. Burke. – Cornell UP, 1993.

337. *Konrad A. M.* Sex differences and similarities in job attribute preferences: A meta-analysis / A. M. Konrad, J. E. Ir. Ritchie, P. Lieb // Psychol. Bull. – 2000. – V. 126. – P. 593–641.

338. *Hurrelmann K.* Sozialisation theorie: Über den Zusammenhang von Sozialstruktur und Persönlichkeit / H. Hurrelmann. – Basel, 1989. – 176 s.

339. *Maccoby E. E.* The psychology of sex differences / E. E. Maccoby & C. N. Jacklin. – Stanford, Calif., SUP, 1974. – 132 p.

340. *Mathie W.* God, woman and morality: The democratic family in the new political science of Alexis de Tocqueville / W. Mathie // The review of politics. – Notre Dame, 1995. – Vol. 57. – № 1. – P. 7–30.

341. *Miluska J* Tozsamosc Kobiet I mezczyzn w cyklu zycia / J. Miluska. – Poznan: Wydaw. Nauk. UAM, 1996. – 301 s.

342. *Pleck J* Masculinity ideology and its correlates / Gender issues in contemporary society / J. Pleck, F. L. Sonenstein, L. C. Ku. – Newbury Park, CA: Sage, 1993. – P. 85–100.

343. *Pleck J.* Working wives, working husbands / J. Pleck. – Beverly Hills, CN: Sage, 1985.

344. *Sprinthall N. A.* Educational psychology: a development approach / N. A. Sprinthall, R. C. Sprinthall. – New York, 1990.

345. *Tajfel H.* The social identity theory of intergroup behavior / H. Tajfel // *Psychology of Intergroup relations*. – Chicago: Nelson-Hall, 1986.

346. *Taylor M.* The new couple. Why the old rules don't work and what does / M. Taylor, McGee. – Harper San Francisco, 2000.

347. *Thompson E. H.* The structure of male role norms / E. H. Thompson, J. H. Pleck // *American Behavioral Scientist*, 29, 1986. – P. 531–542.

348. *Williams J. E.* Measuring Sex Stereotypes / J. E. Williams, D. L. Best: A Thirty-national Study (REV/ ED) / Beverly Hills: Sape, 1990.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Гендерная стереотипизация и проблемы формирования гендерной идентичности в трансформирующемся мире	11
1.1. Культуральные и философские основы гендерной стереотипизации	11
1.2. Проблема дифференциации полов в отечественной и зарубежной психологии	27
1.3. Психологические проблемы формирования и изменений гендерной идентичности	39
1.3.1. Развитие представлений о социальной и личностной идентичности в психологической науке	39
1.3.2. Гендерная идентичность: понятие и процесс формирования	54
1.3.3. Стереотипы маскулинности и фемининности как основа построения гендерной идентичности	70
1.4. Изменения гендерной идентичности как составная часть процесса личностных изменений	83
ГЛАВА 2. Психологические проблемы становления и принятия новых моделей мужественности и женственности в семейной сфере	93
2.1. Тенденции изменений семейно-брачных отношений и их влияние на гендерную идентичность	93
2.2. Распределение обязанностей в семье и внутрисемейные роли как индикаторы изменений	115
2.3. Семейно-ролевые конфликты, порожденные изменением традиционных ролей и обязанностей	148
ГЛАВА 3. Самореализации в профессиональной сфере и гендерная идентичность	165
3.1. Гендерные стереотипы в профессиональной сфере и реальность	165

3.2. Особенности личности мужчин и женщин как предпосылки и помехи успешной самореализации в профессиональной сфере	176
3.3. Маскулинное и фемининное в личности руководителей-лидеров	210
3.3.1. Женский и мужской менеджмент: сходство и различия	210
3.3.2. Женское лидерство и руководство – путь к маскулинизации или андрогинии?	236
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	272
Список использованной литературы	284

Наукове видання

Головнєва Ірина Володимирівна

**ГЕНДЕРНА ІДЕНТИЧНІСТЬ:
ТЕНДЕНЦІЇ ЗМІН**

Монографія

Редактор *Л. А. Кармаза*

Комп'ютерна верстка *І. С. Кордюк*

Комп'ютерний набір *О. О. Шендрик*

Підписано до друку 12.01.2006. Формат 60´84/16.

Папір офсетний. Гарнітура «Таймс».

Ум. друк. арк. 18,13. Обл.-вид. арк. 17,12. Наклад 350 пр.

Видавництво

Народної української академії

Свідоцтво № 1153 від 16.12.2002.

Україна, 61000, Харків, МСП, вул. Лермонтовська, 27.